

Литературное созвездие
Томского района

Администрация Томского района

Межпоселенческая центральная библиотека
Томского района

Год литературы

*90 лет со дня образования
Томского района*

ЛИТЕРАТУРНОЕ СОЗВЕЗДИЕ ТОМСКОГО РАЙОНА

Томск • 2015

ББК 84(2Р)6
Л64

Л64 Литературное созвездие Томского района. — Томск:
Издательство «Ветер», 2015. — 180 с.

Составители:

Железчиков В.П., Никифорова М.Г., Болотских Д.Н.

© Администрация Томского района, 2015
© Межпоселенческая центральная библиотека
Томского района, 2015
© Оформление. Издательство «Ветер», 2015

**Владимир Лукьянов,
глава Томского района**

В ЭТИХ СТИХАХ ВСЯ НАША ЖИЗНЬ

Что такое Томский район? Ответов на этот вопрос может быть бесконечно много: это и щедрые плодородные поля, и тысячи километров дорог, более сотни населенных пунктов, богатая культура и насыщенная событиями 90-летняя история. Но не смотря на все природное, культурное и историческое богатство, главное достояние Томского района — это его жители, навсегда отдавшие малой родине частичку своего сердца.

В этом сборнике, посвященном 90-летию юбилею Томского района и Году литературы, собраны поэтические и прозаические произведения наших земляков. В книге вы найдете не только известные за пределами региона имена, такие как Леонид Гартунг, Галина Николаева, Мария Халфина, но и имена тех, кто день ото дня живет и трудится рядом с нами.

Жизнь на селе, даже у нас в максимально приближенном к областному центру районе, никогда не была легкой: здесь другая, отличная от городской атмосфера, тяжелые условия труда и быта. Тем не менее, замечательные люди, чьи произведения вошли в сборник, находят время творить, среди них и стар, и млад, учителя и доярки, механики и фельдшера. Вдохновленные окружающим их миром они пишут трогательные до глубины души стихи, рассказы и повести о жизни, своих земляках, природе, России и, конечно, о Томском районе. В рожденных их талантом строках без труда находишь себя, видишь растущую под окном белоствольную, доброго товарища-соседа и любимого четвероного друга, в общем все то, что окружает нас, жителей Томского района.

Любовь Максимовна
АЛЕКСАНДРОВА

Проживает в селе Малиновка Томского района. Писать стихи начала с 2009 года, в возрасте 56 лет. Свои стихи публикует на российских литературных порталах. Большая часть стихов посвящена природе во все времена года. Есть стихи, в которых отражена гражданская позиция Любовь Максимовны.

СЛАДКОЕ СЧАСТЬЕ ОБЕЩАНО

Поле стойких колосьев... охватишь ли взглядом?..
Ветерок разгулялся, волнует упругость...
На руках мирно спит материнская радость...
Любоваться нет времени, чуть улыбнулась
С благодарностью ... всё же смогла отдохнуть.
Пыль дорожная рада ли быстрым касаниям?..
Возмутилась, конечно, к покою привыкнув.
У бездушной не вызвать к себе сострадания,
Норовит дорогой за тревогу взять выкуп —
Вот пристала, туманит слезою глаза...
Вечер ласковый тихо коснулся плеч женщины,
Красота их доверчиво тает во мраке...
Ах, мечты ... вами сладкое счастье обещано,
И любовь ... засыпает устало в кровати.
«Всё сбылось, я достойная женщина — Мать...»

ВЧЕРА ГРЕМЕЛО

Сегодня солнце где-то отдыхает,
Лучами жаркими не балует меня.
Землице дождик нужен, я-то знаю...
Час встречи жду, за сердобольность не вина.
Ещё лишь утро, чудная природа...
Рассвет заметен, пусть не алый горизонт,
И серость туч грозитя преисподней —
Открыть готовится опять сраженья фронт...
Вчера гремело, слух раскаты умиляли:
Не жалась в страхе в уголок моя душа...
Но я представила детишек, что боялись
Других раскатов — ужаса, едва дыша.

Далёк тот фронт, что испытал на прочность многих.
Но память строгая уносит в те года,
Где жить хотел, но погибал СОВЕТСКИЙ ВОИН
За МИР под солнцем, за меня и за... тебя.

СПАСИБО, ЖИЗНЬ...

О, жизнь, прости, что не могу
За всех перед тобой ответить.
Я отвечаю за судьбу
Лишь за свою, не всей планеты.
Дала возможность созидать
Ты мне во днях стабильно мирных:
Для сна удобная кровать,
Питаюсь сытно, пусть не жирно.
Спасибо, жизнь, уберегла
Меня от искушений чаши.
Лишь ощущение — стремглав
Ты увела от дней вчерашних...
Вся жизнь — как будто день один:
Я память зря не беспокою.
Смогла дожить и до седин,
За тех, ушедших той войною...

СПАСИБО

Дышу с наслаждением воздухом вешним.
Покой дарит май и в рассветах прохладу.
Ещё далеко до цветенья черешни...
Но шепчет черёмуха: «Мне ты не рада?...»
Весна припозднилась, дождями печалит...
Её календарь никому не подвластен.
Грозой разразилась — победным венчаньем —
Разорваны путы, жизнь кружится... вальсом
Спасибо Весна за уют и свободу!
За майскую нежность, за ветра причуды...
Спасибо за чистую синь небосвода,
За нежные звуки — природы этюды...

ТАИНСТВА МИГ

Тихо усталость ложится на плечи,
Шепчет на ушко: «Присядь, оглянись:
Солнце высоко, спасительный вечер
Очень далёк, аромата вдохни...
Стульчик приставь, коли нету скамейки,
Или пенёчек, и он подойдёт.
Нет, не услышишь ты песнь канарейки,
Но как приятно жужжание пчёл...
Ишь, налетели, гудят спозаранку...
Трудятся тоже без отдыха день.
Но, дорогая, своя у них планка,
Быть человеком — намного трудней».
Взгляд умиляется яблонь цветеньем,
Марш Мендельсона для вишни звучит...
Я наслаждаюсь природы явленьем...
Плечи расслабились — таинства миг...

ПАМЯТЬ

Сентябрь, десятый день, ветрит, прохладно...
Оно понятно, осень на дворе.
Но многолюдна площадь и нарядна —
Необычайный этот день в селе:

Сегодня чтим односельчан погибших —
Героев и защитников страны,
Чьи в стелу имена строкой застывшей
На память долгую занесены.

Как эстафетою, связь поколений
Сегодня утвердила вновь себя
Через стелу мрамора и поклоненье:
Живущий ветеран надеется, любя,

На тех, кто смотрит на него с восторгом,
В ком продолжение его пути
От славных и победоносно долгих
Шагов, что эхом до сих пор в груди.

Слезой омыли снова лица вдовы.
Их подвиг жизни тоже не забыт.
Прошли они по всем годам суровым...
Мы наравне с героями их чтим.

Ложатся нежные цветы у стелы...
В знак поклонения за подвиг тот,
Которым нам ОНИ сказать хотели:
Мы умирали, чтобы жил НАРОД!

Джон Федорович **АНФИНОГЕНОВ**

Джон Федорович Анфиногенов родился в 1937 году, томич с 1959 г. — года поступления на радиофизический факультет ТГУ. Еще в школе Джон увлекался поэзией. Свои стихотворения посвящал геологическим исследованиям, друзьям и близким, а также любимому Томску, Сибири. Несмотря на ограниченные возможности здоровья в последние годы — Джон Федорович инвалид по зрению — любовь к поэзии и родному городу не исчезла: по-прежнему посвящает Томску стихи. Автор небольшого поэтического сборника «Ручей серебряный», 1998 г. В соавторстве с Л.И. Будаевой написал книгу «Тунгусские этюды» (Томск 1998 г.).

С 1969 г. работал в качестве социолога-экономиста в роли системного аналитика и методолога-консультанта по вопросам социально-экономического развития и совершенствования систем управления различных учреждений, предприятий отраслевых структур и территорий г. Томска, Томского района, Томской области. Как исследователь-любитель полвека профессионально занимался проблемами известных сибирских болидов и метеоритов, и оценкой астероидно-кометной опасности для земной цивилизации. В составе Комплексной Самодеятельной Экспедиции (КСЭ) занимался изучением феномена Тунгусского метеорита 1908 года. Принял участие в работе 21 тунгусской экспедиции. Участвовал в профильных научных конференциях, в том числе и международных.

ДАР ПРИРОДЫ — БАСАНДАЙКА

Чудо-речка Басандайка,
Ты на карте как змея —
«земноводная змея», —
Ты притомских мест хозяйка,
Угадайка-угадайка,
Чем живу сегодня я.
Что за мысль в мозгу поэта
Про тайгу и про Москву?..
Как бы спеть бы нам дуэтом
Я подпеть еще смогу!

Дар природы — Басандайка!
Все для оды — Басандайка,
Благородная «змея»,
Благодатная земля!
Вот живет семеек стайка,
Среди них моя семья...
Сберегай наш дом, Змея,
Ты притомских мест хозяйка,
Сберегу тебя и я.

***

Сибирь! Твои пути дороги
Все перечислить не смогу.
То в зелени, а то в снегу,
Тайга и тундра, гор отроги...

Колеса, весла, сани, ноги
Сибирь — не соня, это факт.
Путь освещается торговлей,
Во всем расчет на берегу
Охота смешана с неволей
Все объяснить я не смогу
Все объяснить я не смогу.

Кто в кандалах,
Кто на вербовке.
Песнь о бродяге на слуху...

О, девы верные!
О, Боги!
О, конь крылатый на лугу!

А нынче трубы как дороги,
На тонны километры счет.
Труба и ЛЭП — вот недотроги,
Но жизнь по ним всю течет.
Кому, куда — не в курсе боги.
Авто, ж/д, трансперелет.

Особый счет пути в науке,
Тут не бывает без чудес:
Попробуй-ка в железной штуке
Подбросить нечто до небес.

Иль поискать в глуши Тунгуски,
Творя по жизни чудеса,
Того кто спас тебя при спуске,
Чей дом — жилые небеса.

Иль нефть для всех найти под боком,
Иль в недрах залежь руд найти,
Иль пробежать пытливым оком
Все сайты хваленой сети.

Иль осветить, мой друг, попробуй —
Тебе оно не надоест —
Как шли в Америку, в Европу
Коренники сибирских мест.

Твои, Сибирь пути-дороги
От лет распутия — на взлет!
Да не забыть бы про дороги...
Пусть вам, потомки, повезет!

Надежда Стефановна
БИНЬКОВСКАЯ

Уроженка Белоруссии. Много лет жила в Казахстане, более 40 лет в городе Балхаш. В данное время, вот уже 10 лет проживаю в д. Кисловка Томского района. Веду активный образ жизни — участник хора ветеранов «Виктория», член совета ветеранов д. Кисловка, победитель районного конкурса чтецов «Читаем классику». Неоднократно печаталась в журнале «Бабья радость» и региональных изданиях. Изданы два моих полноценных сборника стихов «Осенний блюз» в 2012 году, «Два берега» в 2014 году.

МОЯ ДЕРЕВНЯ

Какая тишина, лишь Томь вдали шумит
В густом бору все эхом отдается.
Здесь родина моя и нет ее милей,
Моя деревня Кисловкой зовется.

На улицах твоих рябиновый пожар,
Кораллами ветвь ягоды качнется.
Живет у нас в деревне озорной народ,
А вечерами песня в небо льется.

По первому снежку оставлю четкий след,
И божья благодать души коснется.
Ведь нет мне места ближе и родней,
Моя деревня Кисловкой зовется.

Уеду далеко, грусть светлая моя,
К тебе летит и птицей обернется.
Здесь родина моя и нет ее милей,
Моя деревня Кисловкой зовется.

***

Реченька Кислинка, покатый бережок,
Здесь плавает плотвичка, да мелкий окунек.
За каждую калиткой кудрявятся цветы:
Ромашки, флоксы, астры, как символ красоты.
Рябины вдоль дороги несут гордо венец.
Ах, Кисловка, деревня распахнутых сердец!
Я слов высокопарных от вас не утаю,
Свое село родное всем сердцем я люблю.
Поколесила я по свету, и лишь теперь смогла понять,
Ты мне не мачеха, Россия, ты для меня — родная мать!

ЧАСТУШКИ

Кисловские бабушки
Испекли оладушки.
Оладушек отведали
Три дня не обедали.

Меж Советской и Песочной
Переулочек Водяной,
Женишок ко мне приехал,
Раскрасавец — бровь дугой.

Я по городу гуляла
И пошла на выставку.
Там дедулю увидала
Со мной едет — в Кисловку.

Кисловчане, кисловчанки,
Дорогие земляки,
Петь частушки перестану
Вмиг засохну от тоски.

Наша улица Лесная
Все усадьбы в два ряда,
Не ходи за мной, миленок,
Разлюбила навсегда.

Михаил Гаврилович
ВИННИКОВ

Родился Михаил Гаврилович 21 ноября 1927 г. в крестьянской семье в селе Михайловке Верх-Чебулинского района Томского округа. Окончил среднюю школу на ст. Тяжин Кемеровской области в 1951 году, затем в 1956 году — факультет русского языка и литературы Томского государственного педагогического факультета. Трудовую деятельность начал в 1951 году — учителем начальных классов в Ергозинской начальной школе.

С 1954 года Михаил Гаврилович работал учителем русского языка в Александровской средней школе Туганского района Томской области, а в 1956 году был назначен инспектором Туганского районного отдела народного образования. С 1958 по 1971 годы М.Г. Винников работал директором Итатской средней школы Томского района, затем получил назначение на должность заведующего отделом народного образования Томского райисполкома, где проработал 14 лет.

С 1985 по 1987 год Михаил Гаврилович был директором Томской районной заочной средней школы, в 1987–2003 годы — председателем совета ветеранов Томского района. Под руководством М.Г. Винникова был осуществлен переход школ Томского района на кабинетную систему, введено систематическое повышение квалификации педагогов, внедрены радио и телевидение в учебный процесс. При нем в Томском районе было построено 24 новых школы, введено профессиональное обучение в школах, созданы школьные производственные комплексы.

М.Г. Винников неоднократно избирался в Совет народных депутатов Томского района, входил в состав президиума Томского областного комитета профсоюзов работников просвещения,

высшей школы и науки. Многие годы он возглавлял правление организации общества «Знание» Томского района. М.Г. Винников выступал как организатор и руководитель авторских коллективов ряда изданий, посвященных образованию и культуре Томского района.

Под его редакцией вышли книги «Страницы жизни» (2003 г.), «О моей малой родине» (2005 г.), «Линия жизни сельского учителя» (2007 г.). Эти книги — о судьбе, родине и призвании человека, который всю свою жизнь посвятил служению людям и своей родной земле.

Три дочери М.Г. Винникова продолжили начинание отца и стали педагогами: Татьяна Михайловна Яткина (1958 г. р.), Галина Михайловна Русакова (1960 г. р.), Светлана Михайловна Карпенко (1966 г. р.).

Михаил Гаврилович Винников награжден почетными знаками «Отличник народного просвещения» (1970 г.), «Отличник просвещения СССР» (1979 г.), орденами «Знак Почета» (1971 г.), Трудового Красного Знамени (1980 г.). В 1985 году ему присвоено почетное звание «Заслуженный учитель школы РСФСР».

ВСЕГДА В ОТВЕТЕ

Коллеги! Знаю я по опыту работы,
Нелегко, бескорыстен труд учителей.
И нет у них другой мечты, другой заботы —
Как лучше научить и воспитать детей.
Однако, жизнь вперед шагает быстро, властно,

Людскими мыслями звенит, гудит эфир
Тревожно, яростно, напористо и страстно
Храня, иль разрушая современный мир.
Сложнее ныне он, чем был у колыбели.
Вопросы новые встают перед людьми.
Об атеизме, космосе, науке, вере,
О жизни, долге, правде, честности, любви...

И часто, взрослым подражая слепо, дети
Берут не лучшее себе за образец.
Учитель был и будет за таких в ответе.
Как мать, как умный друг, как их родной отец.

ЛЮБОВЬ С ПЕРВОГО ВЗГЛЯДА

*Моей жене, Елене Александровне,
посвящаю*

Я помнить буду в жизни вечно
Тот год, тот месяц, день и час,
Когда случайно в Сухоречье
Судьба свела впервые нас.

Я был тобою очарован,
Я был тобою поражен
Я был, как будто околдован,
Я был уже в тебя влюблен.

Ты вмиг пленила сердце взглядом
И взволновала в жилах кровь,
Желание всегда быть рядом...
О ты, всесильная Любовь!

Магнитной тягой двух сердец
Она зажглась как будто свечка.
Ты стала мать, я стал отец,
А нашей свахой Сухоречка.

Ну, а потом мелькали дни.
И не смотря на все невзгоды
В едином миге той любви
Проходит жизнь, а с ней и годы.

ПРОСТИТЕ

*Светлой памяти
моего отца и матери*

По воле божьей скоротечно
Ушли из жизни вы навечно,
Сменив земной родимый край
На призрачный небесный рай.

Прошло с тех пор немало лет:
Все та же тьма, все тот же свет,
Все то же солнце в небесах,
Все тот же ветер в парусах.
И жизнь все та же на планете,
Какой вы жили в прошлом веке.
Но вам признаюсь в этот раз:
Мне тяжело теперь без вас.
И сердце ноет и болит,
Душа огнем в груди горит...

Простите, если вас обидел
И слез в глазах не разглядел,
Тревогу вашу не увидел
И вас утешить не сумел...
И что в последние мгновенья
Я не принес вам облегченья...

Николай Петрович ВУТЫН

Родился Николай Петрович Вутын 27 февраля 1936 года в деревне Ново-Андреевка, Кривошеинского района, Томской области. Николай Вутын — работник культуры, режиссер, журналист, писатель.

Родился он в крестьянской семье. Отец, Вутын Петр Францевич, работал заместителем председателя колхоза им. Ворошилова, в 1938 арестован органами НКВД и расстрелян. Так, уже в раннем детстве, Николай Петрович столкнулся с огромной потерей.

Детство его было тяжелым, омраченным войной, тяжелым трудом. В школу он пошел только в 10 лет, в 1946 году, когда кончилась война. С пятью классами общеобразовательной школы в 1949 поступил в ремесленное училище № 5 города Томска, которое закончил в 1951, получив специальность автослесаря. До 1955, совмещая работу с учебой, окончил 7 классов вечерней школы, курсы шоферов, трактористов, машинистов льноуборочных и льнообрабатывающих машин при Галкинской МТС. Работал автослесарем в Шегарской автороте, слесарем, льномашинистом и трактористом в Кривошеинской МТС. В 1955–1957 служил в армии на острове Сахалине (младший сержант, командир отделения тяги артиллерийской батареи).

Николай Петрович, несмотря на полученные специальности, решает связать жизнь со сферой культуры. В 1957–1960 годах он окончил заочно режиссерские курсы при Всесоюзном Доме народного творчества им. Н.К. Крупской (г. Москва). С 1960 по 1962 годы он учился в Томском культурно-просветительном училище, в вечерней средней школе. В 1967 году обучался на курсах режиссеров народных театров при Томском областном театре драмы, а в 1976 году окончил Кемеровский институт культуры по специальности «режиссура массовых представлений».

Таким образом, с 1957 года вся дальнейшая почти полувековая деятельность связана со сферой культуры.

Как организатор культурно-просветительной работы на селе Николай Вутын особенно большой вклад внес в развитие художественной самодеятельности, в режиссуру массовых зрелищ: организация коллективов художественной самодеятельности, разработка сценариев, постановка концертов, художественных номеров, самодеятельных спектаклей, участие с коллективами в смотрах-конкурсах, фестивалях, подготовка программ праздничных гуляний. Рыбаловский Дом культуры стал под его руководством в 1960-х — начале 1970-х годов одним из ведущих сельских Домов культуры области по организации массовой творческой работы, а народный театр при нем получил признание у зрителей Томской области и у профессиональных актеров.

С агитбригадами, которыми не только руководил, но и был сам занят как актер, Николай Петрович выступал на многих сельских площадках области, ездил с концертами по полям и фермам.

Агидбригада «Колосок» в 1967 стала дипломантом зонального смотра в г. Барнауле, агидбригада «Фитосейлиус» совхоза «Степановский», подготовленная Вутыном, в 1976 году заняла 1-е место в Томском районе по итогам смотра-конкурса.

Художественно-оформительская мастерская Томского района под руководством Николая Петровича Вутына была признана одной из лучших в Томской области.

При Доме культуры пос. Зональный Николай Петрович также создал театр, концертную разножанровую труппу. На сценах сельских клубов и домов культуры Вутын поставил с самодеятельными актерами ряд спектаклей: «В поисках радости» В. Розова (1958, с. Володино), «Женитьба» Н. Гоголя, «Дуэль» М. Баджиева, «Хлеб и розы» А. Салынского (1967, 1969, 1970, пос. Рыбалово), «Трое» А. Ларченкова (1974, пос. Самусь), «Два клена» и «Снежная королева» Е. Шварца (1975, 1976, с. Кожевниково), «Про Федота стрельца...» Л. Филатова (1993, пос. Зональный) и др.

В русле профессиональной работы Николай Петрович начал сам писать тексты для художественной самодеятельности. Им написано множество программ, литературно-музыкальных композиций, эстрадных миниатюр для агитбригад. В 1966 году некоторые из программ

удостоены поощрительной премии в рамках конкурса газеты «Советская культура». Пишет он сатирические зарисовки, фельетоны, проблемные статьи, очерки о тружениках села, ветеранах войны и труда, которые публикуются в местных районных и областных СМИ (в публикациях иногда выступает под псевдонимами «В. Крыловский», «Н. Петрович»).

В 1998 году вышла в свет первая книга Николая Вутына «Мы такие...» (сатира, юмор, эпиграммы). В 2002–2003 годах изданы сборники сатирических рассказов, фельетонов и монологов «Пятна боли», «Лапша на уши», в 2005 году — сборник очерков, статей, воспоминаний по истории культуры Томского района «Наше время», в 2007 году — сборник очерков, статей, фельетонов «След на земле».

Николай Петрович Вутын награжден медалями «За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.» (1948 г.), «За доблестный труд в ознаменование 100-летия со дня рождения В.И. Ленина» (1970 г.), «Ветеран труда» (1984), «100 лет профсоюзам России» (2007 г.) и др., а также многочисленными почетными грамотами партийных, государственных и общественных организаций, он неоднократно становился лауреатом и дипломантом районных, областных и зональных смотров художественной самодеятельности, лауреатом и дипломантом литературных конкурсов газет: «Советская культура» (1967 г.), «Томские новости» (2005 г.), «Томское предместье» (2005 г.), «Томская гвардия» (2007 г.).

ДАВАЙТЕ ИГРАТЬ ЧЕСТНО!

Фельетон

Торжествуйте пенсионеры! Мы не одиноки.
Наступили времена, когда чиновники начали дурить не только стариков, но и малых.
Вот факт, на мой взгляд, достойный страниц Новейшей истории постперестроечной России.
29 августа 2003 года получен документ, именуемый «Извещение 030630-01011» о налоге на имущество физических лиц, на имя Вутына Максима Евгеньевича, которому от роду три года.

Но не это главное. Козе понятно, что владелец имущества, то есть внесенный в список при приватизации жилья, платить налог, бесспорно, обязан. Хотя это удобнее сделать родителям. Но парадокс заключается в том, что извещение получено 29.08.03 г., а пеня за просрочку платежа начислена на 15.08.03 г., то есть когда трехлетний Максим и понятия не имел о том, что он налогоплательщик.

Это уже ребус. Ни в чем не повинный ребенок наказан рублем за несвоевременно высланное служащим налогового органа извещение. Что это? Поиски новых дураков или должностная привычка? Или чиновничий беспредел под сенью законности?

Понимая сложности ситуаций тяжелых времен, терпеливый российский народ безропотно преодолевал все невзгоды. Но никогда он не станет терпеть и мириться с несправедливостью, которую пытаются нам навязать под видом демократии. Так что, господа, давайте играть честно!

В порядке бреда сделаем такой прикид: допустим, каждый житель нашей великой страны (я имею в виду территорию), исключая бомжей и зеков, дает мне по одному рублю (на который почти ничего в наше время не купишь, а значит, его совсем не жалко), следовательно, от такой благотворительности буду иметь около 130 миллионов рублей. А если государство (подразумеваем налоговый орган Томского района) с каждого ребенка взыщет ни за что по сумме X (в данном случае 14 рублей 64 копейки), то, как говорил когда-то Аркадий Исаакович Райкин, «будут сумасшедшие деньги». А если к этим деньгам приплюсовать в два раза уменьшенные пенсии, то даже абсолютному болвану станет ясно, «как государство богатеет и чем живет и почему...».

Но вернемся к факту. Чиновник-налоговик, знающий «туго» свое дело, конечно, возразит, что оплата налога должна быть произведена до 1 августа, не дожидаясь извещения. (Как всегда, с большой головы на здоровую). Это было бы резонно, если бы была известна сумма оплаты (точность которой сейчас вызывает сомнение) и все, начиная от девятизначных и до более чем двадцатизначных индексов: получателя платежа, плательщика, налогового органа, номер счета, БИК, код ОКАТО и другие хитрозаумные банковские премудрости, среди которых самый умный рядовой член нашего общества чувствует себя самым настоящим идиотом.

Но мало того, что нерасторопность налоговых чиновников должны оплачивать дети, еще ухитряются облагать налогом... мертвых.

Вот пример. Жительница поселка Зонального Галина Ивановна Колбас умерла в сентябре 2002 года. Летом 2003 года на адрес, по которому она проживала, из налогового органа района пришло извещение на уплату налога за несуществующую автомашину «Москвич»...

Опять прокол у незадачливых финчиновников. Извещение прислал не туда, где она находится, а туда, где жила. Муж умершей долго ломал голову, что же с этим извещением делать, решил вернуть отправителю. Поехал на Кирова, 41, и лично вручил в кабинете 414 в холеные ручки сей госдокумент.

А отправитель долго не терзался раздумьями: скомкал документ — и в мусорную корзину. Вот и вся одиссея злополучной казенной бумаженции со всеми премудрыми индексами.

Выходит, что облапошить тебя могут запросто от имени государства, по настроению и собственному желанию чиновника. Радует лишь то, что пока они не додумались обложить податью еще не родившихся граждан. А то куда проще посылать извещение по известному каждому адресату.

А в голове почему-то все чаще стала забредать написанная поэтом Васильевым полвека назад басенка:

Уж сколько раз твердили миру
Об уважении к мундиру.
Он уважается, пока
В него не втиснут дурака.

Эту басню я не адресую к какому-то конкретному органу или учреждению. Она вспоминается при чтении сегодняшних газет, просмотре телепрограмм и чтении отдельных документов да при общении со служащими многочисленных учреждений, как говорят сейчас, разных форм собственности.

«Береги одежду снова, а честь смолоду», — гласит русская народная пословица. Налоговая служба, конечно, молода. Даже очень. А вот насчет чести... тут большие сомнения.

В заключение хочется пожелать, чтобы перед глазами всех столоначальников постоянно красовалась табличка: «Осторожно, люди!», напоминающая им, что люди способны анализировать слова и действия чиновников.

Леонид Андреевич
ГАРТУНГ

Писатель, педагог. Родился 13 мая 1919 в Самаре, в семье военного врача. «Первый год своей жизни я провел на колесах, — потом напишет он об этом периоде, — в военной теплушке среди красноармейцев; гнавших Колчака за Урал». Детство и юность писателя прошли в Саратове, где Леонид окончил 5-ю образцовую среднюю школу.

Леонид Андреевич окончил исторический факультет Саратовского университета (1941). После окончания университета он некоторое время работал в университетской многотиражке и в областной молодежной газете, совсем немного учительствовал в селе Пионеровке Саратовской области. Но тут началась Великая Отечественная война. Она круто изменила его жизнь. Осенью 1941 вместе с другими немцами Поволжья Леонид Андреевич Гартунг был переселен вместе с матерью в Томск. В те годы Леонид Андреевич работал столоярмом на Степановке (район г. Томска) и, возвратившись в промерзшую комнату после двенадцатичасовой смены, писал веселые сказки. На Степановке Л. Гартунг вновь вернулся к учительской работе, вел математику, физику, химию, черчение. Женится в 1945 году, жена — Ирма Петровна Дамер. У них родились две дочери: Татьяна и Наталья.

С 1950 жил в с. Калтай. 25 лет преподавал историю и физику в восьмилетней школе села Калтай Томской области, долгое время работал заведующим учебной частью. Был основателем совместно с женой краеведческого музея Калтайской школы. Получил звание «Отличник народного образования». Участник Всесоюзного съезда учителей.

Писать о Леониде Андреевиче легко и сложно. Легко — потому, что учились у него, хорошо его знали, сложно — потому, что тяжело осознавать, что его уже нет. Леонид Андреевич был удивительно скромн. В разговоре с ним никогда не услышишь «я». Он никогда не рассказывал о себе, о своих достижениях, всегда оказывал помощь детям и своим коллегам, защищал их от несправедливости. Обаяние личности Леонида Андреевича Гартунга испытали на себе много людей, их можно встретить везде, в самых разных сферах деятельности. Среди учеников Леонида Андреевича есть и директора школ, и руководители предприятий, и рядовые труженики. Общение с ним для этих людей стало большим жизненным опытом. Ученики Гартунга запомнили его сдержанную и неторопливую манеру речи, его простоту и открытость, его уроки, где рождались оригинальные мысли.

В Калтае определилась его учительская и литературная судьба. Леонид Гартунг — один из основателей Томской писательской организации. Книги Л.А. Гартунга хорошо известны томичам. Педагог по призванию, основой своих произведений он выбрал тему становления характера подростка, отношение юности к проблемам взрослых и участие в решении этих проблем. Его произведения — это своеобразное продолжение учительского труда, только иными средствами — литературными. Герои его произведений — представители сельской интеллигенции (учителя, врачи, работники библиотек) и школьники.

В 1957 начал работу над первой повестью. В Томске вышли его книги — «Трудная весна» (1961), «Зори не гаснут» (1962), «Окно в сад» (1963). В Новосибирске опубликованы повести «Порог» (1968), «Завтра ты войдешь в класс: Записки сельского учителя» (1972), «Повести и рассказы»: (1979), «Нельзя забывать» (1985), «Был такой случай» (1988) и другие. В 1963 стал членом Союза писателей РСФСР. Леонид Андреевич писал также воспоминания о годах репрессий, к сожалению, они остались незавершёнными, опубликованы лишь частично. «Самое важное, — по мнению писателя, — жить человеческой жизнью, делать свое дело неторопливо, никому не подражая; твердо помня, что писательство — это прежде всего служение людям».

ОТРЫВОК ИЗ ПОВЕСТИ Л. ГАРТУНГА «АЛЕША, АЛЕКСЕЙ»

Первые дни никак не укладывалось в голове, что о довоенной жизни надо забыть, что все теперь измеряется другими мерками. Почти каждый день объявляли учебные воздушные тревоги. Пустели улицы. На некоторых домах появились надписи с белыми стрелами: «Бомбоубежище». На окнах синели наклеенные крест-накрест полосы бумаги. Исчезли в магазинах крупа, консервы, мука. Появились очереди за хлебом.

Война началась в воскресенье, а в среду пришла телеграмма из Киева: «Катя погибла бомбожке похоронили Байковом кладбище всей семьей выезжаем тебе Настя». Весть о гибели мамы обрушилась на меня так неожиданно, что вначале даже не верилось. Зачем-то отправил длинную телеграмму тете Насте, но не дождался ни ответа, ни ее с семьей. Так я никогда не узнал, что случилось с ней, дядей Никифором и девочками.

... А через несколько дней я получил неожиданное письмо от сестры отца тети Маши, но не из Смоленска, где она жила, а из Томска. Она писала: «Нас эвакуировали. Жалко нашу милую Катю, но что теперь поделаешь... Моих тоже больше нет на свете, ни Андрея, ни Риммочки. И от дома ничего не осталось. Я была в саду и поэтому осталась жива. А зачем жива, и сама не знаю — лучше бы со всеми вместе. Приезжай ко мне. Будем как-нибудь. Ты один теперь родной...»

... Теперь меня занимала одна мысль. И эта мысль вытеснила все остальное. Конечно, в строй я не годился — в этом комиссия права. Но у меня созрел другой план, и о нем я подробно написал в своем заявлении военкому. Всем известно, что наши отдают города. И судя по всему, еще будут отдавать. Так вот нужно меня оставить в таком обреченном городе, спрятать в каком-нибудь нечем не примечательном, но крепком здании, снабдить парой автоматов, хорошим запасом патронов, гранатами. Я бы залег в таком месте, чтобы знать, что именно здесь пройдут фашисты. До поры до времени я не подавал бы признаков жизни, а потом встретил бы их. Все дело в неожиданности. Нет, не мальчишество, а трезвый расчет. Одна жизнь против двадцати или тридцати.

Сперва я написал все это в заявлении, пошел к военкому. Я спросил, читал ли он мое заявление. Он посмотрел на меня сердито:

— Чего ты хочешь?

— Я там все написал.

Военком вспыхнул, даже портсигар в сердцах швырнул на стол. Почти закричал:

— Туго нам. Очень туго, но еще не дошли до того, чтобы калек на фронт брать... Не берем и брать не будем.

И махнул рукой, иди мол, не путайся под ногами. Не до тебя.

На ощупь я нашел дверь, шатаясь выбрался на улицу...

В первых числах июля зашел попрощаться Юрка Земцов. Уже в новой военной форме, пахнувшей ремнем и сапогами.

— Жалко, что не вместе. Но не в этом суть. Ты-то ведь понимаешь, к чему идет дело? — и взглянул на меня хитро-прехитро.

— К мировой революции?

— Ну, конечно, — просиял Юрка.

Это была его любимая мысль.

— Только ты меня не провожай, — попросил он, — Ни к чему...

— Как хочешь.

— Ну, давай пять. Может, еще и встретимся.

Уехали на фронт и другие ребята из нашего класса, и со стройки. Город становился чужим. Не к кому было пойти, не с кем поговорить. В эти дни я понял — никому я не нужен. Нет невозможно жить в городе, в котором не осталось друзей. Нужно было что-то делать.

К тому же я лишился сна. Ночью ко мне на балкон пришла Оксана в накинутом на плечи пальто.

— О чем все думаешь? Оставь свои печали. Все ладно будет.

— Ни о чем я не думаю.

— Не журишь понапрасну. Ты не старый еще. Молодайка гарну найдешь. Еще сколько счастья будет.

Я сделал вид, что засыпаю, чтоб она ушла. Другой раз среди ночи явился ко мне старик и принялся трясти за плечо.

— Зачем ты кричишь? Пожар, чи шо?

По-моему, я не кричал.

— К доктору тебя надо, — сочувственно уговаривала Оксана, — а может, меду попить? Дюже помогает...

В те дни я много и без всякой цели бродил по городу. Мною владело непонятное беспокойство. Нет, конечно, какая чепуха — к доктору. Надо уехать. Здесь я ни к чему...

Ходил на Гимназическую улицу, по которой когда-то мама водила меня в детский сад. Улица оставалась такой же. Ничего на ней не построили за минувшие годы. По-прежнему вся из небольших дореволюционных домишек, вся в акациях и вязах. На углу Гимназической и Московской находилась булочная Урюпина, где мама каждый раз покупала мне плюшку, душистую, свежую, облитую молочным сахаром. Позже, когда мама стала работать, водила меня тетя Капа... Чего-то я ждал от этой улицы, а пришел, ничего не случилось, все вокруг молчало. А почему-то вспомнил, как мечтал тогда о настоящем перочинном ножике, чтобы в нем было два лезвия, отвертка, шило, штопор и консервооткрыватель. Так мама и не собралась купить мне такой нож: то не было денег, то не было ножа. А когда появились свои деньги, то уже расхотелось покупать такой пустяк.

Как-то ранним утром забрел на Соколовую гору. С нее открывался вид на весь город. Он дремал внизу; в нежной дымке видны были ровные улицы, мосты, церкви. Все такое знакомое. Нашел среди беспорядка крыш острые шпили консерватории, серый купол цирка. Спускаясь вниз зарослями клена и ясеней, вспоминал, что эти деревья сажали еще до революции студенты. Может, я сейчас касаюсь ветвей дерева, которое тогда посадил мой отец? И все-таки не оставалось ничего другого, как уехать.

...Побывал я на Соляной улице. Вот два окна, которые когда-то были нашими. Перед ними рос большой тополь, а через улицу стояла старообрядческая небольшая церковка. Я вошел во двор и заглянул в окна полуподвала. За белой занавеской мерцал свет. Спустился к тете Капе. Она жила в той же комнате, которая прежде была купеческой кухней. Тетя Капа вязала что-то на спицах. Я остановился у порога:

— Не узнаете?

— Никак, Алеша?

— Пришел попрощаться.

— Не забыл старуху? Обожди-ка, самовар поставлю.

— Ничего не надо. Николая нет?

— И его нет, и от него ничего. С первых дней воюет.

Тетя Капа с улыбкой разглядывала меня:

— Чем же мне угостить тебя? Воблу будешь? Помню, ты до нее охотник был.

— Воблу буду.

Как прежде в детстве, я занялся рыбой, а старушка села против меня:

— Как Екатерина Семеновна поживает?

— Маму немцы убили,— ответил я.

Тетя Капа перекрестилась:

— Царство ей небесное. Где же она в войну попала?

Я рассказал, как было дело.

— Значит, ты один теперь... Не женился, поди? Да тебе и рано еще.

— Я попрощаться зашел.

— А я и забыла, старая. Никакой памяти не остается... Ты же мужчина теперь. Ну-ну, с богом.

Прощаясь, старушка наказала:

— Перед отъездом зайди. Я не сегодня-завтра рукавички довяжу, ты их с собой возьми. Может, там Колюшку встретишь, чего в жизни не случается, так ему отдай и все обскажи, как у нас тут... Обязательно зайди.

У меня не хватило духу объяснить ей, что еду я не на фронт. И за рукавичками не зашел.

***Иван Константинович
ГОЛЕЩИХИН***

Голещихин Иван Константинович родился 03.04.1939 году в деревне Пристань Каргасокского района, Томской области. В многодетной семье (6 детей) он был пятым ребенком. Отец его, как кадровый охотник, был призван на фронт в 1941 г., в 1942 г. погиб, защищая Родину.

Иван Константинович учился в начальной школе в д. Пристань, а потом в семилетней в д. Устым. В ноябре 1958 года был призван в ряды Советской армии, служил в авиации в городе Минске три года в должности радиолокаторщика.

Из армии вернулся в Томск, поступил в Томский электромеханический техникум. Окончил его и стал работать техником-электриком в Томских электросетях. Женат, имеет трех детей. В 1990 году с женой Татьяной Яковлевной приехали в с. Зоркальцево.

Иван Константинович занимается общественной работой. Он член Совета села Зоркальцево, много сил и времени уделил восстановлению Зоркальцевской церкви.

В 2014 году написал книгу «Нарымские были». Эта повесть — рассказ о его Родине — Нарымском крае, о богатой сибирской природе, о родословной большой династии Голещихиных.

ОТРЫВОК ИЗ ПОВЕСТИ «НАРЫМСКИЕ БЫЛИ»

Бригада рыбаков, прибывшая на рыбалку, остановилась в избушке. Куда они наметили ехать порыбачить, имело название Пьяное озеро. Расстояние от избушки до озера было полкилометра. Дяде Феде недавно перевалило за шестьдесят лет. Много повидавший на своем

жизненном пути, он имел инвалидность. Молодым парнем, охотясь в осиннике на лося, одной ногой попал в самодельную ловушку, поставленную осяками на медведя. Огромные стальные крючки впились в ногу. Страшная боль пронзила все тело. Захотелось реветь, кричать, звать на помощь людей — это было бессмысленно. Нашел один выход, достал из ножен нож и стал вырезать крючки из тела. До скрипа в зубах терпел невыносимую боль, из глаз сыпались искры. Продолжил операцию, лишившись с помощью ножа части икры на ноге, наконец, освободился. перевязал рану. Стал передвигаться в сторону дома. Долго болела нога, частично высохла и стала короче на несколько сантиметров другой. После этого была сильная хромота в походке. Иногда земляки его называли Федя хромой. На войну его не взяли, признали инвалидом.

Надежда Васильевна
ГРАЧЕВА

Родилась в Сибири 4 января 1938 года в селе Бакчар (Красный) Бакчарского района Томской области. Потом проживала в д. Коровинка того же района, в семье учителя сельской школы. Рано научилась читать и писать. Когда отец ушёл на фронт, мне было 3,5 года. Я хорошо помню, как провозжали на войну мужчин из нашей деревни.

Моя мать работала трактористкой. Жили мы прямо в школе — комната для учителя, с приходом другого учителя мы остались без квартиры. Нас поселили в контору.

Мать постоянно в поле летом, зимой в мастерских — готовили трактора к лету. Я с бабушкой пока она была жива. Говорили, что она ходила побиралась и кормила меня.

В 43-м мать получила травму позвоночника, проболела 4 года и умерла. Ей было 28 лет, мне 9 с половиной. Я пожила у дяди, потом у тёти, но время было очень тяжёлое.

Я училась в школе вместе с детдомовскими девочками. Они стали звать меня в детский дом. Я уговорила тётю отдать меня в детдом, там стали уже лучше одевать и кормить детей. Здесь я окончила 8 классов.

В 53 году нас трудоустроили на завод Томкабель. Там я отработала 20 лет, вышла замуж, родила двоих детей, окончила вечерний техникум.

Работала станочницей, инженером нормировщиком, экономистом до 70 лет.

Теперь исполняю обязанности бабушки. У меня три внука и три правнука. Со мной блины и пироги, ещё попутно мои стихи. Но кроме всего прочего, я всегда люблю петь. Всегда участвовала в самодеятельности — любимое хобби.

ОНИ УХОДИЛИ...

Деревенская улица, вечер. Подводы...
Солнце клонится на закат...
И отчаянно горькие проводы —
Мужики на телегах сидят.
Из далёкой таёжной Сибири
Собиралась военная рать.
Горе давит тяжёлую гирей —
Кто вернётся? Кому умирать?
А вокруг ребягня, воют бабы,
Зная всю наперёд беду.
За околицу вслед за телегами,
Обливаясь слезами бредут
«Катюша», «Синий платочек»,
С надрывом рвётся из души,
«Последний нынешний денёчек»...
А в поле всходы хороши.
И полегло их миллионы, как выжил, выстоял народ?
Содрогалась Россия от боли, продвигаясь
с боями вперёд.
Но высший разум нас услышал:
Голодным, нищим силу дал.
Победу духа в час сраженья
Он возводил на пьедестал.
Вот прошло шестьдесят и больше —
Никогда не забыть тот закат
Нету лиха такого горше —
Их вернулось так мало назад.

ПАМЯТЬ СЕРДЦА

Такие разные, чужие
Но объясните, почему
При встрече все мы, как родные.
Забыты горести былые
И вспоминаем, как шальные,
Свою нелёгкую весну.

Встречали новеньких и слабых
Недружелюбно в те года.
И сколько б лет не пролетело,
Оно на сердце всё осело.
Не запеклось, но прикипело,
Осталось с нами навсегда.

Своя особая планета
Свой микромир — наш детский дом
И только тот оценит это,
Кто прожил годы в доме том.

Кормили нас и одевали,
Но никому не защитить
От одиночества, печали,
Что сердце детское щемит.

И это держится в секрете,
Закрыто в самой глубине.
А, если что-то вдруг прорвётся,
То «втихаря», наедине.

НЕСОВЕРШЕННА ЖИЗНЬ

Несовершенна жизнь.
И всё, что вокруг нас.
А как насчёт того, что до и после?
В чём смысл бытия? Иль нету его вовсе?

Вот любим мы, страдаем и горим
От мук любви, судьбы своей не зная.
Но, «наломаем дров» и говорим:
«Ну почему она такая злая?»

Есть круг людей, не нам они чета.
Всё к их ногам — любовь и миллионы.
Но кто-то свыше скажет: «от винта!»
И рушатся устои и каноны.

Но почему-то, хочется всегда
Поверить в чудеса на этом свете.
Стареем, а душа всё молода.
Как это объяснить себе и детям?

Всё это продолжается века.
«Несовершенство» нами управляет.
Земля спокойно смотрит «свысока».
Встречает нас она и провожает.

***

Краски осени за душу трогают,
Как гитары последний аккорд,
Журавлиные стаи курлыкают,
Отправляясь в далёкий полёт.

Бесконечное небо, под золотом
Полыхают деревья, и ты
Замечаешь — повеяло холодом
Порыжели по скверам кусты.

Я сольюсь с красотой твоей строгой,
Проводив долгим взглядом косяк
И, чуть с грустью, — зима на пороге, запасайся
теплом, Сибиряк!

Ираида Петровна
ЕЛИСТРАТОВА

Родилась я в деревне Фимушинка Шегарского района Томской области. В этой деревне я пошла в школу и окончила 1-ый класс. Во второй класс я пошла учиться уже в городе Томске. Закончив школу, училась в профтехучилище № 7 на базе завода «Сибэлектромотор». Вышла замуж и переехала в село Зоркальцево Томского района Томской области. Живу здесь уже 34 года. Работала дояркой на комплексе совхоза «Октябрь». У меня шесть замечательных дочек, семь внуков и одна внучка. Живем все вместе в одной деревне, которую очень любим.

Жизнь прожила трудную, хлебнула всего, но я не падаю духом. Пишу стихи, хожу в библиотеку, занимаюсь художественной самодеятельностью, вяжу, вышиваю, делаю разные поделки для дома и для усадьбы.

ХОЧЕТСЯ ПОСЛУШАТЬ ТИШИНУ

Как хочется мне слушать тишину
Как хочется забыться хоть немного
И взглядом в небо смерить вышину
И отыскать на нем свою дорогу.

Босяком бы пробежаться по росе
Не думать ни о чем, а лишь о лете
Оно короткое в нашей полосе
Но близкое, родное в целом свете.

Мне не измерить этой красоты
Леса, поля, луга — здесь все родное
И где бы далеко не находился ты
Нигде не сыщешь этого покоя.

В чужом краю как бы ни было тепло
Там не растут красавицы березы
И давит грудь и режет как стекло
В моих глазах воспоминанья слезы.

***

У черной речки
Светлая вода
Мосток над ней
Ажурный и узорный
Не знаю кто
Неведомо когда
Зазря назвал
Речушку эту Черной
Она струится
Гальку вороша
Ее без мала
Знаю я полвека
А у того, наверно, человека
Была и вправду
Черная душа.

СОЛНЦЕ ВЫШЛО

Смахнув рукою
Сон с ресниц
Из леса солнце вышло
В лесу нигде
Не видно птиц
А только пенье слышно.
Я зачарованно стою
Боюсь пошевелиться
Вокруг, мне кажется, поют
Деревья, а не птицы.

Николай Николаевич **ЖИРОВ**

Жиров Николай Николаевич родился 25 марта 1937 года в деревне Петропавловка Молчановского района Томской области. В 1955 году окончил 10 классов Молчановской средней школы и поступил в этом же году в Томский Государственный Педагогический институт, который окончил в 1960 году по специальности русский язык и литература. Все сознательные годы жизни этого замечательного человека прошли в селе Корнилово Томской области, где он всю жизнь проработал учителем, воспитывал своих детей.

В своей единственной книге «Заветные строки», состоящей из двух десятков стихов, двух поэм, коротких рассказов-бывальщин и небольшой повести, Николай Николаевич написал о себе: «Я был учителем и остаюсь им в своем литературном творчестве, которому отдавал лишь свободное от основной работы время, и то далеко не все: то пел в художественной самодеятельности, то дремал на собраниях, то сидел на речке с удочкой, то собирал грибы, то трудился в огороде, управлялся с домашним хозяйством, — словом, жил полнокровной деревенской жизнью. Я не мучился подолгу над текстами. Они возникали в часы раздумий о брэнной нашей жизни, и оставалось их только записать, в стихах или прозе — без разницы».

Он дважды принял участие в литературном конкурсе на приз имени знаменитой землячки Галины Николаевой и дважды был лауреатом. Печатался в газетах «Правде Ильича» и «Томском предмете».

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ!

Добро пожаловать, скворец!
Вновь на дворе апрель.
Тебе построил я дворец,
А ты мне выдай трель!

Пропой о том, как зимовал
В далёкой стороне,
Как ты о Родине скучал
И, значит, обо мне.

Тебя я ждал, приятель мой, —
И вот ты, наконец!
Добро пожаловать домой,
Мой дорогой скворец!

О ЛЮБВИ

Её знают взрослые и дети.
Счастье жизни нам она даёт.
Хорошо, что есть любовь на свете,
Счастлив, кто любить не устаёт.

Уже с первой материнской ласки
До свершенья жизненной судьбы
В будничной реальности и сказке
Постоянно учимся любви.

Каждый пусть любовь свою лелеет:
Потеряешь — не отыщешь вновь.
Ничего на свете нет ценнее,
Чем простая, вечная любовь!

ПОДРУГЕ

Я не дарил охапками цветы,
И ты не поражала томным взглядом.
Но счастлив я, что находилась ты
Со мною постоянно рядом.

Не расточали людям напоказ
Мы нежностей назойливых игривость,
А просто ощущали каждый час
Друг в друге навсегда необходимость.

Так и живём без чопорных затей
В одной упряжке, но не зная скуки.
Растили, как положено, детей,
И незаметно появились внуки.

Спасибо за терпенье, за любовь,
Какой ты нас так щедро одарила,
За годы, освещённые тобой,
За всё, что с нами вместе в жизни было.

***

Молчит деревня — не поет, не плачет,
На помощь не зовет и некуда спешить.
Ей как-то все равно: что так и что иначе,
Живет себе так-сяк, ведь надо как-то жить!

Давно ли бушевал здесь жаркий пыл страстей,
Гармони заливались звонкой песней?!
И было всем намного интересней.
Теперь жизнь равнодушна, без затей.
И кажется: ничто души не тронет,
Дни протекут бесследно, вразнобой...
Когда в деревне не поют гармони,
То это неестественно, как боль.

ПРОЗРЕНИЕ

Казалось, у меня в запасе вечность.
Зачем спешить? Успеется... И вдруг
Однажды понял жизни быстротечность,
И холодом обдал меня испуг.

И начал вдруг считать часы, минуты,
Жалеть, что мало в жизни преуспел;
Не понял как, но вышло почему-то —
Важнейшее затёрлось между дел.

И вот стою у самого порога
В конечный путь неведомых дверей.
Родные, не судите слишком строго
За то, что мог, но не был к вам добрей.

Владимир Петрович ЖОЛНЕРОВСКИЙ

Говорят, судьбы не выбирают. Это правило общеизвестно. Согласно правилу судьбы моих родителей, а стало быть, и моя, всецело были в руках других людей.

Мой дед по материнской линии, в своё время у себя на Украине окончил духовную семинарию и имел духовный сан. А мой отец принадлежал к старинному польскому дворянскому роду Жолнеровских. Вот за эти «титулы» они и были высланы как враги народа в Сибирь, где я и родился в 1937 году в г. Колпашево.

Уже здесь, в Сибири, сразу после моего рождения, отец был вторично арестован и судим по статье 58, и расстрелян. Ему инкриминировалась связь с Польской повстанческой организацией.

После ареста отца, мама увезла меня с сестрой в поселок Гришкино, Чаинского района, где прошло моё детство и юность. В Гришкино я окончил семилетнюю школу, а затем Томское педагогическое училище. В 1962 г. поступил в Томский Педагогический Институт и окончил его в 1967.

Работал в Наумовской средней школе по специальности. Здесь же, по возрасту вышел на пенсию.

Считаю себя сторожилом, в Наумовке я живу более полувека. Люблю природу родного края. О ней и пишу в своих стихах. Издал две книги стихов, готовлю к изданию третью.

ЖЕНЩИНА В БЕЛОМ

Перелески, поля по увалам.
Синь небес и бездонность озёр.
Невозможно пред жизни началом
Отвести восхищения взор.

Как живая, волнуется нива,
И серебряный слышится звон,
Шалый ветер порхает игриво,
Принимая колосьев поклон.

Моложавая, статная телом,
Краем поля идёт босиком,
Русококая женщина в белом,
Неся крынку с густым молоком.

Я на лице её загорелом,
Глаз сиянье увидеть стремлюсь:
Как зовут тебя женщина в белом?
Улыбнувшись, ответила —
— Русь.

***

В величии леса, в бескрайности поля,
Люблю переключку веков,
И нет мне дороже Российской юдоли,
Её милосердных оков.

О, нет, никогда не сниму это бремя,
А в дали былого всмотрюсь,
Увижу я вновь сквозь пространство и время,
Тебя, изначальная Русь.

За дымкой веков вдруг проступит нечётко
Из прошлого пристальный взгляд:
Холщёвое рубище, ноги в обмотках —
Нехитрый крестьянский наряд.

И вновь возвращаясь, как птица к гнездовью,
Истории нить не порву,
Храню в своём сердце с великой любовью,
Что было, и что наяву.

Цвети, о Россия, живи новизною,
Ты, талая, лейся вода,
Позволь, я как сын твои ноги омою,
Согрею зимой в холода.

Ты духом воскресла, ты сердцем с Богами,
Я в завтра смотреть не страшусь.
Черёмух цветеньем, твоими снегами,
Ты в сердце останешься, Русь

СЛАДКАЯ МОЯ РОДИНА

Прожито жизни полвека
В этом неблизком селе.
Здесь моя первая Мекка,
Нету второй на земле.

Рыжая осень — Буренка
Бродит, не хочет прилечь,
Милая сердцу сторонка,
Как мне тебя убережь?

Как убережь эти чащи,
Эту земли широту,
Нету мне Родины слаще,
С привкусом хлебным во рту.

Эти земные красоты —
Золото, бронза и медь,
Села, пчелиные соты,
Мне бы вас в песнях воспеть.

Гроздьями ягоды алой
Щедро одарена Русь.
Песней о Родине малой
В сердце ее постучусь.

БАБЬЕ ЛЕТО

За шторкой туч светило прячет лик,
Из дней вчерашних вырастают будни,
И желтый лист на лужах, словно блик,
И теплым летом кажутся полудни.

А ночью звезды, яркие, как жарки,
Их можно сосчитать осенней ночью длинной,
И с млечной шум доносится реки,
И звездный рой шумит, как рой пчелиный.

Земной щедрей экзотика небес,
Романтика ночного Зодиака,
Расшитый золотом, стоит в потемках лес,
И бабье лето ластится собакой.

Богам не скушно жить на небесах,
Среди безбрежной, бесконечной сини.
И мы порою слышим голоса,
Как шепчется влюбленный Бог с богиней.

ОТРЫВОК ИЗ ПОВЕСТИ «ПЕРЕКАТ РЕПОРТАЖ ИЗ ДЕТСТВА»

Наша семья из восьми человек — четверо взрослых и четверо детей. Дедушка и бабушка — старики. Их дочери — моя мама и её сестра. У каждой по двое детей. Убогое жилище, в котором мы ютимся — бывшая баня НКВД, — 4 на 4, шестнадцать квадратных метров, по два квадратных метра на человека. Два маленьких оконца у самой завалинки, огромная матка под потолком, под которой взрослые могли пройти, только наклонив голову. Тараканы и клопы. Сверчок под печкой. Зимой, как бельма, замерзшие окна. Заготовка хвороста в тальниках взрослыми, по пояс в снегу, когда мы, дети, сидели голодными, прижавшись друг к другу на холодной печке. Каганец на полочке над столом. Картошка в «мундире», если удавалось нашим мамам купить или выменять на вещи. Квашеная капуста из погреба, парёнка из тыквы или брюквы, тыквенные семечки, жареная пластиком на горячей плите черная редька, мороженая брусника, клюква, чтение книг вслух мамой или тётёй перед открытой дверкой плиты — всё это, как вырванные листы из большой книги, где перепутаны страницы.

В пять лет я научился ловить рыбу на удочку и целыми днями просиживал у реки. На мне какая-то рваная одежонка, на голове такая же кепчонка, на кепчонке кусок старой сетки, смоченной дёгтем — единственным средством от гнуса. Уши мои и шея сожжены дёгтем, нос облупился от солнца, глаза внимательно следят за поплавком. Вечерет. Недвижная гладь реки отражает нежные краски потухающей зари. Комары и мошка роем кружатся надо мной. Из-за ограды нашей усадьбы меня кличет бабушка. Наконец, приходит мама и уводит меня домой. Бабушка, принимая от меня бидончик с рыбой, говорит: «Наутро хватит». Малец, пять лет от роду, а уже кормил семью.

Мой дедушка по материнской линии был священником — у себя на Украине окончил духовную семинарию. Выслан в Сибирь как классовый враг с двумя дочерьми — девчонками. Но и этого новой власти показалось мало. Был арестован по ложному обвинению за связь с белогвардейской повстанческой организацией и судим на 10 лет. Через три года отпустили из мест заключения под надзор местного НКВД. Вернулся домой инвалидом.

Нередко по религиозным праздникам к нам приходили верующие — пожилые люди. И дедушка после богослужения читал проповеди. Я часто обращался к нему с различными вопросами, в том числе и на религиозную тему, и дедушка охотно мне рассказывал. Из этих бесед я узнал о фарисеях и фарисействе. И надо сказать, что они были и есть, и не только по отношению к религии. Еще больше их в светской жизни. Но я не помню ни одного случая, чтобы нас, детей, заставляли учить молитвы, соблюдать обряды. Человек умный, он понимал — новое время. Поэтому и не делал из нас жертвенных ягнят.

С ним я ходил в согру, где мы серпами жали траву на кочках, а потом вязанками выносили её на просушку для нашей старой Маньки. Все пригодные для заготовки сена места принадлежали колхозам, и посягательство строго каралось властью. Бабушка брала меня с собой за ягодой и грибами в сосновый бор, так называемый «Голодный остов» — огромную песчаную гриву, со всех сторон окружённую непроходимыми болотами.

Самым трудным на моей памяти временем явилась зима 41–42 года. Как наша семья пережила её, известно одному Богу. Наконец пришла весна, а с ней и наше спасение — крапива. Но вскоре, чтобы её нарвать, надо было ехать за реку. Начало мая, половодье. После сильного тепла вновь похолодало. Пролетает снег. Встречный ветер гонит высокую волну. Утлая лодчонка. Вместо весла в руках у мамы железная лопата. Брызги летят на нас и льдинками застывают на одежде. Нас сносит волной и ветром, прижимая обратно к берегу, грозя перевернуть нашу посудинку. То ли слёзы, то ли вода, текут по лицу мамы. Губы её шевелятся, но из-за плеска воды и шума ветра слов я не могу разобрать: молитва ли это, обращённая к Богу, проклятья ли тем, кто сделал нас несчастными.

И бьётся женщина, выкручивая руки,
И слёзы катятся в бессилии немом.
О, Боже праведный, за что же эти муки?
Да где же отец мой? Взят в 37-ом...

/строки из стихотворения/

Корову наша семья держала исключительно, ради нас, детей, но молока мы имели едва ли по стакану в день. Манька наша стара, зубы её стёрты до дёсен, её часто вздувало, и она болела. К тому же, в те времена каждая семья, держащая корову, облагалась натуральным налогом: надо было выносить на маслозавод определённое количество молока. Поэтому Манька была в большом долгу у властей. Последний раз она огулялась два года назад. Все ждали, что будет тёлочка, но она принесла бычка. Полная нищета заставила дедушку пойти на преступление. Скрыв кожу телка, он отдал её знакомому человеку для выделки, надеясь хоть как-то мало-мальски решить проблему семьи с обувью. Помню, как сейчас. Утро. Кроме меня и бабушки, в хате никого нет. Я только что вернулся с рыбалки. Бабушка чистит рыбу для обеда. Вдруг без стука и разрешения вваливаются три мужика в чёрных кителях и галифе. Тот, что с портфелем — за стол, а двое других — по углам, так, что убогое наше жилище как на ладони. Владелец чёрного портфеля, очевидно, старший, достаёт бумаги и обращается к бабушке:

— Ты почему, бабка, молоко не сдаешь?

Бабушка начинает что-то лепетать (она недавно после паралича, речь её нарушена) про большую семью, про старую больную корову, но в «галифе» и слушать её не хочет.

— Мы сейчас у тебя хозяйство опишем, — угрожает старшой, разворачивая бумаги и начиная что-то писать. И тут один, что сидел в углу, встаёт, подходит к кровати и вытаскивает из-под неё злополучную кожу, свёрнутую в трубку.

— Это что у тебя такое?! Да тебя судить за это надо!

— Ну, судите... — обречённо, с великим трудом отвечает бабушка. Страх и волнение окончательно расстроили её речь.

Бумаги исчезают в чёрной пасти портфеля. Захватив кожу, вся тройка направляется к двери.

— Ты смотри у меня, бабка! — грозит старшой с порога.

Руки бабушки бессильно падают вниз, плечи её вздрагивают от беззвучных рыданий, горькие слёзы безысходности заливают её морщинистое лицо. А у меня в висках набухшими кровяными жилками пульсирует: «фарисеи... фарисеи... фарисеи...»

Господи, если ты на небе — заступись!

В семь лет я уже хорошо владел косой, и мама (она работала счетоводом в сельской больнице) брала меня как дополнительную «силу» косить траву для подсобного хозяйства учреждения. Впереди шёл завхоз, а я был замыкающим, явно проигрывая взрослым. Кто-нибудь из них, видя, что я отстаю, бросал свою загонку и бежал ко мне помочь догнать косцов.

Как-то вечером мы косили с мамой по неудобницам среди кустов для своей коровы. Мама шла впереди, а я сзади. Моя коса ударилась «пяткой» обо что-то твёрдое, отскочила, я не удержал ее в своих детских ручонках, и она с размаху вонзилась своим концом в правую ногу мамы.

— Ой, Вовочка! — вскрикнула мама, бросив косу и зажав рукой рану, из которой фонтаном брызнула алая кровь. Я подбежал к ней ни живой, ни мёртвый. Но она, взглянув на моё испуганное, побледневшее лицо, улыбнулась и сказала: «Ничего, заживёт!»

Подержав ещё несколько минут рану, пока не остановилась кровь, она сняла с головы косынку, туго перевязала рану, и мы продолжили косьбу.

Отец, где ты? Почему нет тебя с нами? Почему мы не чувствуем твоего сильного плеча?

А он давно уже лежал в той страшной колпашевской яме...

Накануне моего рождения папа с мамой купили маленький домик рядом с пугающей оградой НКВД, где, по словам мамы, день и ночь работал экскаватор. За эту ограду и увели навсегда моего отца. Сама природа не позволила скрыть чудовищного злодеяния против своего народа. Негодующая Обь показала всему миру истинную суть «борцов» за светлое будущее человечества. А сколько ещё таких ям скрывает наша Российская земля!

Папу арестовали прямо на работе. Потом был обыск в квартире. Мама только вернулась с работы, где получила зарплату. Об аресте мужа ещё ничего не знала. Придя домой и положив деньги на подушку, стала готовить еду для нас с сестрой. Без стука открылась дверь, и вошли трое из НКВД. Перевернув всё в доме, собрались уходить. Но мама заметила, как один из них взял деньги и положил себе в карман.

— Что же вы делаете! — обратилась к ним мама. — Вы забрали мужа и отца, забрали деньги, как же я буду жить с двумя малютками?

Тот, что забрал деньги, достал их из кармана, вынул из пачки сто-рублёвую купюру и бросил на пол.

Господи! Да разве есть на свете такие мерки, которыми можно было бы измерить горе, свалившееся на мою маму!

Оставаться в этом жилище было опасно, и мама, боясь за нашу судьбу, продала домик и, забрав нас с сестрой, навсегда уехала из Колпашева к своим ссыльным родителям в Чаинский район. Там и прошло моё детство, отрочество и юность.

Мама молча несла свой крест, до конца веря, что отец вернётся к нам. На запросы, что посылала она неоднократно, приходил один и тот же стандартный ответ: «Осуждён на длительный срок без права переписки». Моему отцу инкриминировалась связь с польской повстанческой организацией. «Белостоцкое дело», 58-я статья. Расстрел. Реабилитирован в 1957. Посмертно. Палачи милостиво прислали деньги — месячную зарплату отца. Так они оценили жизнь человека и страдания женщины, оставшейся без мужа с двумя малютками на руках.

Но как бы не было трудно, мы выжили, не взирая на голод, нищету и клеймо — «дети врага народа». Если и смягчало что-то нашу судьбу, так это природа Сибирского края. Её красоты, как солнечный загар в кожу, входили в наше сознание. Земля Сибирская! Горькое моё отечество! Как бы не была сурова твоя история, сколько бы не открылось ещё страшных «язв» на твоём теле, для меня ты всегда останешься второй матерью, пережившей, как и люди твои, кровавую эпоху.

И уже творилось что-то в наших душах, уже стучалось настойчиво в наши сердца, уже тянуло, звало куда-то неясное, тревожное чувство. Законы жизни выше законов любых тиранов и систем!

Горячие пески Чаи! До сих пор помнит моё тело ваше тепло. Зимние ослепительные снега, обжигающие морозы, летние густые туманы, тёплые светлые ночи, яркие северные звёзды, багряные закаты и алые рассветы, мощные грозы и щедрые ливни, пронзительный, щекочущий запах озона. И над всем этим — солнце, солнце и солнце! Ты уходило вечером и поднималось утром. Ты дарило свет и тепло, ты манило и звало, и я шёл за тобой.

Да разве есть на свете гении, вожди, тираны, разве есть такие правительства, которые смогли бы закрыть его свет, отнять это солнце у людей, лишить их радости жизни, лишить их веры в светлый завтрашний день?!

Белый двухпалубный пароход! Ты, как привидение, появлялся и исчезал в моей жизни! Но однажды, последними августовскими днями, последними днями моего пребывания на земле моего детства, ты навсегда увёз меня из того времени, в которое я уже никогда, никогда не вернусь!

Прощай, река Чая! Прощай, речка Тоя! Сколько выпил я вашей, как чай, тёмной воды, припадая горячими устами к прохладным струям! Сколько раз эти струи качали моё тело в жаркий полдень!

Я буду вечно помнить вас, серебряные тальники, заливные луга, подёрнутые туманом, с кричащим дергачом в густой росной траве, позывные перепёлок в июльских жарких хлебах, станицы журавлей и гусей, летящих под самым солнцем, небесноглазые блюдца больших и малых озёр, с плавающими белыми облаками; наше земное прибежище на берегу речки, с застывшим взглядом двух маленьких окошек, звезду над бакеном у переката, посылающую мне лучи из сурового детства.

Александр Федорович **ЗАХАРОВ**

Родился 21 апреля 1946 г. в таежном поселке Кожаново, Тегульдетского района, Томской области. В 1961 г. поступил в Томский сельскохозяйственный техникум на отделение механизации сельского хозяйства. Тогда попробовал писать стихи, отправил их в местную газету, но пришел ответ «попробовать себя в прозе». Писать забросил. После окончания техникума работал в Баткате Шегарского района в «Сельхозтехнике». В 1975 г. по семейным обстоятельствам прибыл в Томский район на строящуюся птицефабрику «Томская» п. Молодежный, где и проживает сейчас. Работал заместителем директора по АХЧ, инженером на строительстве кормоцеха, начальником автопарка, а с 2002 г. — председатель профсоюзного комитета птицефабрики, работал до 2012 г. Открылось второе дыхание, стал писать стихи снова. Активный участник художественной самодеятельности, много сделал для развития соцкультбыта, по созданию музея фабрики и поселка в Доме культуры поселка Молодежного. В этом году отметил 69-е, сейчас на заслуженном отдыхе. У Александра Федоровича вышло 6 книг: 5 сборников стихов и одна книга «След во времени» — проза (автобиография).

ТОМСКИЙ РАЙОН

Издrevле пригородом плотным
Был Томск старинный окружен
А чтобы не был он голодным —
Здесь создан сельский наш район.

И никакой в том нету тайны...
Всегда горячая пора,
Когда работают комбайны,
Иль пашут землю трактора.

Не понаслышке это знаем —
Все достается нелегко,
Но вырастают караваи
И бьется в струях молоко.

И куры здесь всегда несутся,
В избытке свежих овощей.
И на лугах стада пасутся
И корпуса полны свиней.

Дела вершат простые люди
И род их сельский не извѣсть.
И на столах у Вас все будет
Пока они в деревне есть.

Все так сложилось не случайно —
Кормильцем города рожден...
За что тебя мы величаем,
Любимый Томский наш район.

ГОРОД НАД ТОМЬЮ

Славные предки место смотрели
На крутоярье ставили дом,
Там где под кручей, в струях певучих
На перекатах ластится Томь.

Синие дали реку послали
С писаной кручи ее берегов
Город просторный, словно дозорный
Смотрит спокойно в дали веков

Здесь куполами небо венчали
Древние храмы — вечный покой...
В дальние дали зло и печали
Томь уносила тихой волной

Город над Томью, город над Томью
Вязью мостов обнимается с ней.
Вечно стремится к речке спуститься
Кружевом улиц, сияньем огней.

Станет он краше волею нашей
Городом храмов, светлых церквей
Мудрый хранитель древних традиций
Строгий учитель наших детей.

СПОКОЙНЫЙ ВЕЧЕР, ТИХИЙ ВЕЧЕР...

Молодежному посвящается

Природа душу нежно греет —
Горят рябины в свете дня...
И тихо золото нам сеют —
Березы, клены, тополя.
Однажды так оно случилось —
Людей на стройку привело
И рядом с фабрикой родилось
Для жизни новое село.
Была изрытою, пустою,
И не ухоженной земля...
Когда для общего покоя
Мы здесь сажали тополя.
Заветной движимы мечтою,
Что рядом вырастут друзья —
От зноя летнего прикроют
И от буранов заслонят.
Земле мы делали поклоны
Озеленя каждый дом...
В аллею выстроили клены...

И нивы нежные рядком.
А чтобы были все едины,
С природой жили в общий тон...
Сирень сажали и рябины,
Кусты черемух у окон.
Так породнились с землею —
Шумят деревья как друзья,
Всегда с особою любовью
Нам что-то тихо говоря.
Здесь птицы гимны распевают
Среди развесистых ветвей,
Когда встречаются, провожают,
Спешащих на урок детей.
Мы землю внукам подарили —
Для них ведь родина она...
С надеждой тайной, чтоб любили —
Не только глядя из окна.
Спокойный вечер, тихий вечер...
Иду усталый я домой —
Мне тополя спешат навстречу,
Шурша желтеющей листвой.
Живи земля моя родная,
В расцвете юношеских лет,
Своею статью поражая —
Без потрясений и без бед.
Люблю тебя душою всею —
Где зря словами не соря,
Под ноги золото мне сеют —
Березы, клены, тополя.

СУДЬБА

В березовом этом краю
Судьбу здесь нашли мы свою...
Славно трудились,
Этим гордились,
В дружном едином строю.

Где поднимались дома,
Сказка рождалась сама —
Рос Молодежный,
Поселок надежный —
Светлая наша мечта.

Так вот назначен судьбой —
Нету замены иной...
Мудрее и старше,
Добрее и краше —
Стал постепенно такой.

Наша надежда всегда
С нами листает года...
Хоть и иначе
Смотрим на счастье,
Но без него — никуда!

Здесь биографии всей
Собрано много друзей.
В горе, удаче,
Наши задачи
Вместе решать веселей.

В кружеве новых идей
Вертится мир все быстрее.
Только сельчане,
Как и в начале,
Встречают улыбкой гостей.

Он, словно с неба звезда,
В душу запал навсегда —
Родной Молодежный,
Простой..., но и сложный —
Как жизнь, как любовь и судьба.

Пусть расцветает как сад,
Каждой весне будет рад...
Сюда словно птица,
Сердце стремится —
Не ожидая наград.

ЗДЕСЬ ПО ВЕСНЕ ВСЕГДА ТРЕВОЖНО...

Вновь по утрам рассвет таежный
Встает спокойно над землей.
Родной поселок Молодежный
День начинает трудовой.

Здесь по весне всегда тревожно
Стучит черемуха в окно,
И надыхаться невозможно
Пьянящим запахом ее.

И всех зовет к себе работа...
Спешат автобусы гурьбой,
А повседневные заботы
Вновь возвращают нас домой.

К всему приложены здесь руки
Людей ушедших на покой.
Теперь владеют этим внуки,
Хранят березовый настой.

И он для нас причал надежный
В текущей жизни непростой-
Родной поселок Молодежный,
Кусочек Родины большой.

Здесь по весне всегда тревожно
Стучит черемуха в окно,
И надыхаться невозможно
Пьянящим запахом ее.

ПРИЗНАНИЕ В ЛЮБВИ

Тридцать лет ты со мной Молодежный,
Дом надежный и крепкий причал.
На тропинках здесь нами проложенных,
Я когда-то об этом мечтал.

По весенним размокшим проталинам,
Привыкая, бродил средь берез,
Обнимая их нежно за талии,
И смущая красавиц до слез.

А земля, распахнувшись по вешнему,
Вырываясь из снежных оков,
Мне стелила под ноги подснежники
И созвездья лесных кандыков.

Перед чистой, священной наивностью,
Перед этой святой красотой
До сих пор отвечаю взаимностью
И склоненной седой головой.

Тому месту, где в лучшее верилось,
Чуть наивно, но все-таки — пусть,
навсегда сохраняем мы преданность
И в глазах горящую грусть.

По дороге, за тридцать лет пройденной,
В непричесанной жизнью судьбе,
Молодежный, ты стал малой родиной,
Мы за все благодарны тебе.

Вадим Филиппович ИВАНОВ

Памяти Вадима Филипповича Иванова посвящается...

Может бросить в беде непроверенный друг,
Может молодость рано покинуть кого-то...
Только ты — дело разума, сердца и рук,
Остаешься нам верной, работа!
Если сердца сожмет одиночества груз,
Иль другая ко мне подкрадется забота,
Мы с тобой заключаем надежный союз,
И победа за нами, работа!

Вадим Иванов

Вадим Филиппович Иванов, томский поэт, писатель и художник родился 3 сентября в 1922 году на маленькой железнодорожной станции Козулька Красноярского края у реки Чулым. Детство прошло на таёжной реке Чулым. Учился в Ачинске, потом в Томске. В годы учебы увлекался авиамоделизмом, радиотехникой, фотографией, химией. Однако постепенно все его увлечения были вытеснены живописью. Жизнь Вадима Иванова была похожа на жизнь его сверстников, но в 1941 году его окончательно свалила тяжелая болезнь. Молодой человек оказался прикован к постели, но не смирился с положением инвалида.

Вадим Иванов написал около сотни картин: в основном пейзажи, виды, хорошо знакомые томичам, потому что художник рисовал окрестности Курлека. В краеведческом музее Томска хранятся находятся 14 картин Иванова. Рисовал он, как правило, когда замысел будущей картины уже четко вырисовывался. Вот как описывает работу сам

поэт. «...Недавно сделал этюд, которым остался очень доволен, что вообще-то случается редко. Тему эту я вынашивал несколько месяцев, «родил» же на свет за два дня. Назвал «Возвращение стада». Главное, что мне удалось схватить момент освещения. Сюжет таков. Стадо спешит к поселку, взбивая пыль на широкой дороге. Высокое небо, в котором вот-вот начнется гроза. Горизонт уже затянут синим пологом туч. Лишь вверху свет еще борется. Знаете, бывают такие моменты на земле, перед грозой, когда наступает странное освещение. Все кругом затянуто и лишь сверху, как в театре, падает свет: светло, все видишь отчетливо, даже подчеркнуто ярко и в то же время в природе темно. Это продолжается несколько мгновений... потом раскатистый узор грома, легкое дуновение, потом порыв ветра и начинается круговерть ливня. Вот у меня на этюде такой момент — кажется, что вот сейчас за группой притихших сосен ударит зигзаг молний. Если удастся мне сделать картину, сохранив свежесть этюда, то вещь должна получиться вроде ничего».

Писал прозу, стихи, занимался живописью, увлекаться которой начал еще в школе. В 1948 было опубликовано его первое стихотворение. Очерки, рассказы, стихи стали появляться в сибирских изданиях. Первая книга — повесть «Однажды летом» — была издана в Красноярске в 1956. Сборник стихов «У нас весна!» (1957) вышел в Томске. Член Союза писателей СССР (1957). Написал более полутора десятков художественных книг — повесть «Тайна СКП» (1962), рассказы «Друзья-товарищи» (1961), рассказы для детей «Шхуна с белыми парусами» (1962), сборник стихов «Январская тетрадь» и другие, около сотни картин. Один из основателей нашей современной писательской организации. На инвалидной коляске выезжал в рабочие коллективы в Томске и в Курлеке, Калтае даже в лес на встречи с читателями. Его называли — «томский Островский».

Это был многосторонне талантливый, бесконечно мужественный человек, жизнелюб. Его книги не залеживались на книжных полках, хотя сейчас их, наверное, далеко не всякий вспомнит. В разных издательствах опубликовано более пятнадцати его книг: «Однажды летом», «Мы становимся взрослыми», «Нарушители», «Тайна СКП», «Разные люди», «У нас весна!», «Друзья — товарищи» и другие, рассказы, киносценарии, поэмы, стихи и басни.

ВЕЧНОЕ

В синих сумерках домики синие
Золотыми глазами глядят,
Как вдали, за озябшим осинником
Остывает апрельский закат.

И, пыльцу осыпая звездную,
Ночь плывёт, как воронье крыло...
На пригорке, под старой березою,
От девичьего платья светло.

Чье-то счастье там шепчется молодо,
Смех звенит колокольцем в устах —
Знать, настойку апрельского холода
Не считают помехою там.

Сердце бьется с удвоенной силою —
Вздуроджила эта пора!
Я когда-то девчонку красивую
Заговаривал здесь до утра.

Было с ней хорошо и не холодно,
И, наверно, при взгляде на нас
Кто-нибудь вспоминал свою молодость
Так, как я ее вспомнил сейчас...

В 1957 году в Томске вышла книга его стихов «У нас весна».
В этом же году он был принят в члены Союза писателей СССР.

Закончились зимы угодья
У марта межевых столбов,
И вновь в небесном половодье
Плывут паромы облаков.
И вновь, по колеям кочуя,
Устав от звонкого труда,
Бубенчики ручьев ночуют

Под слюдяною плёнкой льда.
Рассвет сплетён из ярких радуг.
Идёшь, сминая мокрый снег...
А сердце сесть на ветку радо
И петь щеглёнком о весне!
Смешно, быть может, чувство это,
И сказано о нём давно,
Но каждый раз весны приметы
Пьянят сильнее, чем вино.

В 1962 году Томское книжное издание выпустило поэтический сборник «Январская тетрадь», где он пишет о любви.

Любви не просят
И не молят —
Она сама
Должна прийти,
Как ливень
Над иссохшим полем,
Как свежий ветер
На пути...
Любовь не выбирает сроки —
Что ей мороз, что ей метель?
Придёт и встанет на пороге
И превратит январь в апрель.
И ледяной узор на стёклах
Запахнет ландышами вдруг,
И станет снег сухим и тёплым,
Как будто он — лебяжий пух!
Берёзы будут, как невесты,
На их ветвях, как на насестах,
Сидят красавцы снегири.
Поймёшь, с какой весенней силой
Влюбиться можно в январе!

Вадим Филиппович Иванов любит природу родного края и посвящает ей много стихов...

***

На вас ничто не действует —
Ни музыка стихов,
Ни время равноденствия,
Ни таянье снегов.
Черта над переносицей,
И льдинкой блещет взор.
И к чувствам вы относитесь,
Как строгий прокурор.
Холодностью стреноженный,
На вас порою злюсь.
И кем вы заморожены,
И чем вы заморожены? —
Никак не разберусь.
...Боярка густолистая
В сибирской стороне
Стоит, колючки выставив:
Не подходи ко мне!

***

Облокотился ясный вечер
На влажные поля земли,
Развёл по гнёздам птичье вече,
Закат весенний раскалил.
Дорога вьётся на угорье
В мереежке тракторных следов,
И начинается с небом спорить
Огнями окон каждый дом.
В канаву, кончив пересуды,
Заночевать пришла вода.
В её серебряное блюдо
Неслышно падает звезда.

В 1963 году при поддержке Георгия Маркова, руководившего в то время Союзом писателей СССР, было создано Томское отделение Союза писателей. Первым ответственным секретарём был Николай Бабушкин, членами организации — Вадим Иванов, Василий Казанцев, Евгений Осокин.

Вадим Филиппович Иванов ушёл из жизни 4 мая 1968 года, оставив после себя большой след в жизни многих людей. Забывать таких людей нельзя.

Юрий Александрович **КАШИН**

Я, Кашин Юрий Ельпидефорович (Александрович) родился 13 декабря 1937 года в деревне Кудрино (дом Васенкиных). Учился в старой Зоркальцевской школе с 1945 года и закончил 7 классов этой школы. Тогда она была семилетней школой. Дальше учился в школе №39 села Дзержинское. Потом поступил в Томский Горный техникум на специальность — технолог горного машиностроения. И был направлен работать в Свердловскую область в город Артёмовский. Там работал с начала контрольным мастером, потом сменным мастером. Работал на Артёмовском машиностроительном заводе.

В 1961 году переехал в село Зоркальцево вместе с женой Кашиной Зоей Семёновной и дочерью Наташей. Был принят на работу в Зоркальцевскую восьмилетнюю школу учителем пения. Где проработал до 1976 года. А потом переводом ушёл работать в только что организованный совхоз «Октябрь». Работал сначала инженером по технике безопасности, а потом был избран председателем профсоюзного комитета совхоза «Октябрь».

В 1988 году по болезни ушёл работать в Зоркальцевский детский сад музыкальным руководителем. Вообще в детском саду я начал работать с 1964 года (по совместительству) и проработал там до 2007 года с не большими перерывами.

МОЯ ДЕРЕВНЯ

Как ты прекрасна в восходах и закатах
Верхушки кедров солнце серебрит.
А кто не знает Зоркальцево наше,
У них и сердце, сердце не болит.

Ах ты, деревня, моя деревня
Кругом кедрач, кругом леса.
Ах ты, деревня, моя деревня
Сибирской Родины краса.

Люблю я вас беляночки березки
И тихий шепот, шелест их листвы
И бриллиант росинок утром рано
Блестит на листьях луговой травы.

У нас бывают и мороз, и вьюги
Но мы привычны, мы сибиряки.
Нас согревает Зоркальцево наше,
Мы с ним на веки в горе и в любви!

Восходит солнце ярче все и краше
И купол церкви нашей золотит.
«Так с добрым утром, Зоркальцево наше,
Так с добрым утром» — сердце говорит.

КУДРИНО

Тесно камышинки у реки растут
Звезды, как кувшинки, по воде плывут.
Росяные капли на цветках дрожат.
Неподвижно птицы у воды стоят.

А у той у речки Кудрино стоит.
Милая деревня рано утром спит.
Но проснулись рано наши рыбаки,
А в Порося рыба — лишь одни ерши.

Крик совы тревожный прозвучал и смолк.
Здесь построить можно терем-теремок.
На куриных ножках, маленький такой
Два слепых окошка с дымовой трубой.

Ольга Сергеевна
КОНДИУС

Родилась в городе Колпашево Томской области, куда были сосланы семьи обоих моих дедушек, расстрелянных в 1937 году.

С десяти лет вела записи своих стихов. В пятнадцать мне попало на глаза объявление: «Всех, кто любит стихи, чьё сердце открыто для поэзии, приглашаем в редакцию газеты «Советский Север» на занятие литературного объединения». С тех пор, до самого отъезда, я не пропустила ни одного занятия, которые вёл замечательный поэт Василий Казанцев. Мои сочинения долгие годы висели в школе в качестве образца, совершенно пожелтевшие от времени. Окончила историко-филологический факультет ТГУ. Любила посещать вечера поэзии, печаталась в студенческой газете «За кадры». В 1975 году переехали с семьёй в южный Казахстан.

Родные края влекли к себе неотвратимо. И вот, прожив семнадцать лет в южном Казахстане, мы покинули в 93 году тёплые края навсегда.

Поселились в Томском районе, близ деревни Большое Протопопово в оздоровительном лагере «Восход». Посещала литературные объединения Томска: «Родник», «Экспромт», «Автограф».

В 1997 году была принята заведующей библиотеки п. Мирный. «Звёздные часы» библиотеки — поэтические вечера клуба «Вдохновение». Многие поэты Томска побывали на них.

Поэтическое творчество для меня это — потребность и блаженство души, оно всегда было глубоко личным делом. Как-то само собой случилось, что оно стало общественным достоянием.

Выпущено два поэтических сборника: «Летопись души» и «Разноцветье», открыт сайт в интернете. На сайте помещены новые книги стихов: «Бриллиантовые россыпи», «Калейдоскоп», «Улыбнись».

Активно публикуюсь на сайте «Стихи.ру», что даёт возможность познакомиться с моим творчеством огромному числу людей. Издавалась в ряде коллективных сборников: «Томск — любовь моя и судьба», «Кружева метелицы», «Судьбы, опалённые войной», «Всё началось в вишнёвом зале», «Одари добром», «Прилетает радость, словно птица» и других. Выход в свет каждого сборника сопровождался презентацией и рядом творческих вечеров, проведённых в Мирном, Лоскутово, Кисловке, Богашёво и, конечно, в поэтических клубах Томска: «Автограф» и «Экспромт».

На литературном конкурсе, посвящённом 90-летию со дня рождения Галины Николаевой (2001 г.), присуждено призовое место в номинации «Поэзия». В 2004 году стала лауреатом областного литературного конкурса: «Звучащее слово», посвящённого 400-летию Томска. Издан лауреатский сборник: «Строки, рождённые сердцем».

Одной из важнейших для меня остаётся просветительская деятельность. В 2008 году самые лучшие вечера по творчеству Пушкина, Лермонтова и Врубеля прозвучали по радио «Сибирь» и радио «Свобода».

Стихи публиковались в «Красном знамени», «Томском вестнике», «Томском предместье», «Вечернем Томске», «За кадры», «Начале века», «Работнице», поэтическом альманахе Новгородской научной библиотеки, в международном альманахе «Золотая строфа» и т. д.

К 90-летию Томского района издана книга «Моя малая Родина», в которую вошли поэзия и проза.

СИБИРЬ

Вскипая ярким перламутром,
Всплывает солнце ранним утром,
И нежно — голубую тень
Роняет в снег хрустальный день.

Мороз лютует, и недаром,
Слюдой застыв по тротуарам:
Как знак отчаянной нужды —
Сверкают вкрапины воды.

Её несли на коромысле:
Жизнь нелегка, но чисты мысли,
Извечна жажда красоты,
Возвышенности, доброты...

Как краток зимний день в Сибири,
Но рада, если прожит в мире,
В согласье с трудною судьбой,
Людьми, природой и собой.

Уж месяц ёлочной игрушкой
В лесу над маленькой избушкой
Горит за елью в синеве,
Как будто детство дарит мне.

***

Край неба всё чудесней на востоке:
Заря арбузную напомнит сладость.
Лучи, пробившись, щедро дарят радость,
Снежинки блещут в солнечном потоке.

Вдруг всплыло: мама мне наряд вязала
Ажурный, так на счастье и удачу,
Всегда шутила, не могла иначе...
Цветут воспоминанья зорькой алой.

По-матерински наряжая землю,
Зима набросит нежно ей на плечи
Наряд: мне душу красота излечит,
В блаженстве неизбывном чуду внемлю.

И вот уже ажурные наряды
Примерили деревья: сад, что надо!
Не оторвать восторженного взгляда,
И понимаю сердцем: счастье рядом.

***

Здесь поэтом не быть — просто грех!
Любоваться — такая отрада:
Этот край лучезарнее всех,
Ничего мне другого не надо.

В этот лес и полянку вон ту —
Блики солнца, как ломтики хлеба!
Всей душой незаметно расту,
Словно тополь в весеннее небо.

Это небо — букет васильков,
Обрамлённое зеленью сосен.
От земных оторвавшись оков,
С вечной жаждой высокого носим.

Людмила Викторовна КОРНЕВА

Родилась 18 марта 1947 года в деревне Захаровка Молчановского района Томской области. В 1954 году поступила в восьмилетнюю школу в поселке Кудряшовский Бор Новосибирской области. В 1965 году окончила среднюю школу № 1 г. Тогучина Новосибирской области. В 1969 году поступила в Новосибирский сельскохозяйственного институт на факультет агрономии. Окончила в 1974 году. После окончания получила распределение в совхоз Чернышовский, Бакчарского района Томской области. В 1973 году вышла замуж. Выростила 5 сыновей. В связи с назначением мужа директором совхоза Межениновский, 1981 году переехали из Бакчара в Межениновку. Работала главным экономистом до 2003 года. В 2003 году ушла на пенсию. Стихи начала писать в школе. Первый раз печатали в газете Первомайского района.

РОССИЯ

Ах Россия, Россия вся от снега бела.
Ну когда ж ты, Россия, спокойно жила?
Ты скажи мне, Россия, почему не затих
Горький плач Ярославны на просторах твоих?

Ты спокойно, безбедно не жила никогда:
То с востока, то с запада подступала беда.
Лили ливни косые, громыхала война:
Ах, Россия, Россия, вся от горя черна.

И гремели набаты и горели хлеба,
И пустой становилась без любимых изба.
И, при свете лампадки, в полумраке, одна
Мать молилась о сыне и о муже — жена:

И просили немного: хоть больной, хоть какой,
Только бы возвратился из похода живой.
И молитвою этой, что от сердца была,
До сих пор ты, Россия, и жива и цела.

Сколько лет пролетело, сколько весен и зим
Только женской молитвой мир по— прежнему жив.
И уже без лампадки в тихом доме одна
Мать горюет о сыне и о муже жена...

В беспокойной России снова взрывы гремят:
То в Чечне, то в Осетии погибает солдат.
И в бессоннице матери снова плачут о них...
И стоят обелиски на просторах твоих.

Знаки скорби и памяти благодарной людской
На Днестре и на Волге, на полях под Москвой.
Память прошлых столетий и беды наших дней
Поднимаются в небо над Россией моей.

СТУЧАЛИ КОЛЕСА

Стучали колеса, стучали колеса,
«Быстрее, быстрее» — стучали колеса,
Девчонки платками махали с откоса.
«На запад, на запад» — стучали колеса.

И шли эшелоны: «На запад, на запад...»
Горели хлеба: скорбный траурный запах...
Горели леса и горели машины.
Горели сердца.
И спешили, спешили.

Мальчишки в ухарских надетых пилотках,
В солдатских ботинках,
Солдатских обмотках.
С солдатской винтовкой, в солдатской шинели.
Мальчишки, которые не повзрослели.

В вагонах, в теплушках
гитары звенели.
Там молча грустили, смеялись и пели,
Девчонкам в окошко
«Жди сватов» — кричали.
Вагоны спешили, колеса стучали.

Все было, потом...они в вечность шагнули
С последним разрывом, с последнею пулей.
Но прежде на стыках стучали колеса,
Березки ветвями махали с откоса
И шли эшелоны на запад, на запад...
Над вечным огнем не положено плакать.

***

Не сдают позиций ветераны,
Боевым традициям верны.
Но ночами, ох как ноют раны,
Раны, принесенные с войны.

Кажется, давно ли отшумели
Юности свинцовые метели,
Кажется, давно ли отгремели
И ушли в небытие бои.

Только что — то жены постарели,
Почему — то дети повзрослели,
И внучата мигом подросли.

Все награды приколов на лацкан
К внукам в класс на встречи он идет.
А во сне вновь юным лейтенантом
Свой в атаку поднимает взвод.
Не сдают позиций ветераны,
За пути, что все они прошли,
За труды, за их святые раны
Им, поклон наш низкий до земли.

У ОБЕЛИСКА

Пустынна площадь и звонки шаги.
На темных плитах в сумраке вечернем
От обелисков на землю легли
Огромные трепещущие тени.

Скорбящая к огню склонилась мать
У обелисков в галстуках мальчишки.
Ну, что, о скорби я могу сказать?
Я, о войне читавшая лишь в книжках.

Родившаяся в ясный мирный день
Под звон неумолкающей капели.
Мне похоронки траурная тень
Не заслоняла солнце в колыбели.

Да, мой отец пришел с войны живым,
Не знала я сиротских слез и бед,
Но он один из братьев всех один.
Он пережил войну на двадцать лет.

На обелисках тысячи имен
И думаю на этот список глядя:
«Вот А. Буторин, кем мне будет он?
Однофамилец? А быть может дядя?»

Густеет тьма. Скрывает полумрак
Фамилии погибших от меня.
И я, забыв о спешке, о делах.
Стою скорбя у вечного огня.

РАЗ, ДВА

Раз, два, три, четыре
Скачет мячик по квартире.
А за мячиком вприпрыжку
Скачет маленький мальчишка

Мяч запрыгал под столом
По квартире шум и гром.
Опрокинул стулья на пол,
Отдавил он кошке лапу.

Только стукнул по столу —
Груда стекол на полу.
Лужа растекается...
Ох, мама, заругается!

От обиды кошка
Царапнула немножко,
А мама за вазу
Отшлепала сразу.

Поплакал немного
И опять в дорогу.
По дивану, по ковру
Отдохнул чуть-чуть в углу.
Посопел упрямо
Пока ругала мама.

Только мама за порог,
Мяч летит под потолок.
И опять по всей квартире
Скачет мячик: три, четыре.

А за мячиком вприпрыжку
Скачет маленький мальчишка.
Раз, два, три, четыре...
Шум и гром у нас в квартире.

БЕРЕЗКА

В инее распущенные косы...
Ты стоишь невестою береза,
Ты стоишь застенчивой девчонкой
Легкой, гибкой, стройной, тонкой-тонкой.

Забежав в лесочек на рассвете,
Заплетают косы тебе ветер.
И под вечер, заглянув набегом.
Укрывает плечи твои снегом.

И стоишь ты в свадебном уборе
Над рекой на снежном косогоре.
Гибкая, проходим всем на диво,
Как девчонка юная красива.

СОЛНЕЧНЫЙ ЗАЙЧИК

Солнечный зайчик скользит по спине,
Прыгнул по книге, крадется ко мне...
Солнечный зайчик, весенний привет,
Прыгнул в сторонку, и вот тебя нет.

Снова крадется, мешает писать
Вот на страницу он прыгнул опять.
Вниз заскользил, как листок по реке...
Зеркало держит сынишка в руке.

Сколько веселья, какая игра!
Солнце в окошко стучится с утра.
Зеркало держит сынишка в руке,
Солнечный зайчик скользит по щеке.

Алексей Романович КОРОТЧЕНКО

Коротченко Алексей Романович, ветеран войны и труда, отличник просвещения России, родился в 1927 г. в Казахстане. В 1941 г. окончил семь классов школы № 15 ст. курорт — Боровое, затем ФЗО № 49, и все годы войны вплоть до 1946 г. работал слесарем по ремонту паровозов на заводе. В 1949 г. окончил с отличием педагогическое училище. В 1955 г. историко-филологический факультет ТГУ. Работал учителем в школах №4 и № 43 города Томска, завучем и директором Богашевской средней школы, в Томском районе директором районной заочной школы, уже будучи на пенсии, преподавал в Лоскутовской школе. Награжден многими медалями, в том числе, «За доблестный труд В Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», медалью в честь 400-летия города Томска и 60-летия Победы. Он внесен в энциклопедию «Лучшие люди России» изд. 4, том 2. Издал ряд книг. С 1956 г. проживает в п. Богашево Томского района.

КРЕДО

Не в тени за спиной
На дороге земной —
Когда действовать надо
Согласно.

Не теряться в хвосте
На девятой версте.
Не задерживать шаг,
Где опасно.

А тонуть — среди книг,
Ум светлеет от них,
Напрямую общаясь
С прекрасным.

Делом людям служить,
Чтоб достойно прожить,
Утверждать к созиданью
Причастность.

Силу в спорте крепить,
В сердце радость носить.
Ум и мышцы — в работе
Всечасно.

Не судить, не рядить.
Побежденных щадить.
Спорить честно,
отстаивать Страстно.

И любить — так любить.
Чтоб водой не разлить.
Смысла жизни искать
Не напрасно.

***

Бегут, торопятся минуты,
Недели, месяцы, года.
На крыльях времени как будто
Летишь неведомо куда.

Но шаг земной всего вернее
Определяет жизни след.
Чем восхождение прямее,
Тем меньше трудностей и бед.

Молю с надеждой провиденье:
Приди и укажи мой путь,
Чтоб жизни вкус и вдохновенье
Моя не потеряла грудь.

ЛЮБОВЬ

Мечта и радость. Мир восторга!
Как сок весны, волнует кровь.
Сдавайся в плен. Склонись покорно.
Вопросов нет. Пришла любовь.

Искрой залетною? Как пламя?
Иль песней соловья в ночи?
Как удержать миг счастья зная,
Не потерять к нему ключи?

Любовь капризна, своенравна.
Горячий свет — холодный след.
Неси свечу любви исправно,
Когда во тьме дороги нет.

Пронес. И новую страницу
Любви открой. Надежда есть
Увидеть в ней перо Жар-Птицы.
Цени оказанную честь.

И так страницу за страницей
Листай. Изведай чар любви.
И наградит тебя сторицей
Счастливым пламенем в крови.

***Лидия Михайловна
КРИВОШАПКИНА***

Родилась 6.10.1955г. в деревне Малые Горшки Туганского района Томской области. В 1971 окончила итатскую среднюю школу № 2. Поступила в ТИСИ — томский инженерно-строительный институт, окончила в 1976 году. Трудовой путь связан с коммунальным хозяйством. Писала всегда, очень хотела стать журналистом, но тогда факультета журналистики в Томске не было. Проживает в с. Томское, пенсионерка. Имеет сына и внука.

В ПАМЯТЬ МОЕЙ МАМЕ

Сегодня я в гостях у мамы
Мы рядом с нею за столом
Меня обнимет крепко моя мама
И разговор вечерний с ней начнём

Не станет упрекать, читать нотаций
Лишь спросит, дочка, как твои дела?
Про неудачи и удачи всё расспросит
Глядишь и ночь за разговорами прошла

Остыли на столе блины и чайник
Погасли угольки в печи
Мурлычет кошка на своей лежанке
И петушок в который раз кричит
Старее с каждым годом моя мама
И нет лекарства старость укротить

С приездом каждым с грустью отмечаю
Легли морщинки сеткою у глаз
Всё тяжелее наши расставания
Как-будто видимся в последний раз

И страшно мне подумать о исходе
Куда приеду, где меня поймут?
Не мчитесь годы так остервенело
А мамы наши дольше проживут.

ВДОВА

Как с веток листья опадают
Уходят годы, в никуда
Ты стала вот совсем седая
Военной той поры вдова

Не получила похоронки
Всю жизнь любимого ждала
Что кто-то стукнет в сенях громко
И дверь была не заперта

Те строчки «Без вести пропавший»
Давали шанс, один из ста
А может все-таки вернётся?
Молили Господа уста

Вот так прошло полвека, больше...
Надеждой той была жива
Не зажигала свечи в церкви
За упокой души она

И в праздник чарку наливая,
На кромку хлеб не положив.
А может, встретил там другую
Пусть будет так — да был бы жив.

***

Ромашка, ромашка, цветок полевой
Скажи мне ромашка, где миленький мой
Я в тысячный раз к тебе обращаюсь
А ты всё молчишь, или нет — отвечаешь.

Поверь ты ромашке, она не обманет
Веками девчонки на ней все гадают
Расскажет всю правду тебе о любви
Ты только ответ там в душе стереги.

Не нужно, не нужно ромашку ругать
Сама ты пыталась себе же солгать
Не слушаем только ромашку, мы нет
Потом обвиняем в несчастьях весь свет.

И вновь как тогда на полянке стою
Ромашку не рву, на неё я смотрю
Гадать я не стану, прошла та пора
Ромашка, ромашка, была ты права.

Николай Васильевич
КРУГЛЯКОВ

Я, Кругляков Николай Васильевич, родился 9 февраля 1950 года в небольшом селе Сургуты Северного района Новосибирской области.

В 1967 году, после окончания средней школы, приехал в Томск — и полюбил его. Первое впечатление о городе было такое: я здесь уже был когда-то — до того мне всё родное!

Сегодня, оглядываясь назад, в далёкий — близкий 67-й, я с неопишуемой радостью вспоминаю дома и улочки того, старого Томска, и несказанно счастлив, что судьба предоставила мне возможность видеть их наяву, любоваться ими и вспоминать свою золотую юность, связанную с такой красотой.

Вероятно, вся эта добрая, светлая аура и побудила меня к творчеству. И неудивительно, что к сорока годам у меня появилась тяга к «перу». Стали вырисовываться первые стихи, а затем и рассказы, песни, мелодию которых я выводил на гармонике.

Сегодня я проживаю в поселении родовых поместий «Солнечная поляна», что вблизи села Зоркальцево. Продолжаю творить. Больше нравится писать небольшие рассказы, в стиле размышлений, сценки, диалоги, монологи, в которых хочется донести людям то, что, на мой взгляд, ведёт к счастью. Творчество помогает мне познавать мир шире и глубже. Через творчество идёт какая-то сила, которая помогает стать крепче духом, которая помогает само совершенствоваться. Хочется своими творениями порадовать многих людей.

Надеюсь, придёт время, когда кто — то, прикоснувшись душой к моим сочинениям, счастливо улыбнётся. Ради таких мгновений счастья стоит жить и творить.

БЕРЕЗКА

Молчание — признак терпения,
терпение — признак духовности.
Величие России держится на
духовности женщины.

Стоит березка, белая, кудрявая!
— О чем ты, ненаглядная, молчишь?
Или тайком взгрустнула, величавая,
Что у проселочной дороги ты стоишь?

Что каждый день дорогою проносятся
Автобусы, Камазы, Жигули.
Спешат куда-то все вокруг, торопятся,
Не ведая, что задыхаешься в пыли.

А я взгляну на стройную, ветвистую —
И сердце потеплеет от любви
К тебе, родная, милая, пушистая,
Что ты молчишь и распускаешься в пыли!

Что ты набрала силушку дородную,
Цветешь и крепнешь, всем чертям назло!
И пьешь родник и в землю плодородную
Бросаешь семя, продолжая бытие!

***

Как нелегко, порой, поэтам
Свои шедевры создавать,
Но бабье лето, бабье лето
Их начинает вдохновлять!

Чем объяснить феномен этот? —
Видать, божественный порыв
Приходит лишь тогда к поэту,
Все льдинки в сердце растопив.

Когда багрянцевой канвою
Пронизан весь лесной народ;
В убранстве золота, листвою
Усыпан дружно старый сад.

Когда в ветвях играя, ветер,
Рассеяв солнышка лучи,
Ласкает Душу; теплый вечер
Пленит зазывностью ночи...

Объяв прохлады звездной токи,
Глядишь на небо, чуть дыша, —
И чистые, святые строки
Рождает нежная Душа!

О ЖЕНЩИНЕ

В природе все весною оживает,
Под ярким солнцем расцветает вновь,
Лишь женщина и в стужу расцветает,
Если в глазах ее горит любовь!

Писал поэт про женщин из селений
Лет сто и даже более назад...
С тех пор сменилось много поколений,
О женщине теперь не говорят,

Что на скаку лошадку остановит
Или в избу горящую войдет.
Другой критерий женщине отводят
Поэты — удивительный народ!

Теперь в почете женщина иная —
Иной стал для мужчины идеал:
Она должна быть ангелом из рая,
И чтоб огонь Любви в глазах сиял!

Зачем ей конь — кругом машины мчатся?
Зачем в огонь — пожарные на что?
Ей надо, коль по совести признаться,
Как воздух, друга крепкое плечо!

И если встретила такого друга —
Ей ни огонь не страшен, ни вода!
И медный звон, как символ всем заслугам,
С достоинством переживет она.

И теплотою сердце заструится,
И чистотою заискрится взгляд!
Светясь своей энергией лучистой,
Как молнией, прожжет ее заряд! —

И перед вами, словно в новой сказке,
Словно в волшебном мире, без прикрас,
Вдруг явится источник вечной ласки,
Родник Добра и гений чудных глаз!

Вокруг нее все нимбом озарится,
Как будто вправду ангел к вам слетел!
И в Сердце друга пламень возгорится,
Такой, о чем он и мечтать не смел!

Вот как Любовь ее преобразила,
Такой огонь в Душе ее зажгла,
Что погасить его не сможет сила,
Какой бы она грозной ни была

И если кто-то разговор заводит:
— Красивых стало меньше на земле.
Скажу одно: «Красавец не находят,
Красавиц создают, поверьте мне!»

Леонид Кириллович ЛАПТЕВ

Леонид Кириллович Лаптев родился в 26 марта 1941 года в семье казака в Казахстане. Закончив 7 класс экстерном, поступил учиться в ФЗО г. Усть-Каменогорска на специальность «столяр-краснодеревщик». В 1960 году военкомат направил его учиться на шофера. В 1961–1962 гг служба в армии. Служил в Белоруссии в г. Лида (снайперская группа по отстрелу командного состава противника). В 1962 г. во время Карибского кризиса его часть 3 месяца находилась на Кубе. Во время службы в армии с Военным Белорусским ансамблем ездил с концертами по городам Европы. После службы в армии вернулся на родину в Восточный Казахстан.

Первые опубликованные стихотворения вышли в 1963 году в сборнике «Молодые поэты Казахстана» (свое первое стихотворение написал в 9 лет). В 1964 году женился и до отъезда в Алма-Ату работал в школе. Здесь работал бригадиром тракторной бригады на свинцово-цинковой шахте. В 1994 году с семьей Леонид Кириллович переехал в Россию в село Богашево. С 2001 года, при активной поддержке Антонины Игоревны Петроченко зав. библиотекой с. Богашево стал ездить с концертами по Томскому району. Участвуя в художественной самодеятельности он познакомился с Фаридом Анверовичем Тугушевым и Сергеем Валентиновичем Чирковым, которые научили его играть на баяне и помогли в написании песен.

Сейчас Леонид Кириллович активный участник различных конкурсов, смотров, проводимых в Богашевском сельском поселении. Как говорит сам Леонид Кириллович, сейчас он пишет больше песни, чем стихи. Так на IV Межпоселенческом смотре-конкурсе художественной самодеятельности имени Ларисы Дмитриевны Гурковской исполнил песню на стихи, собственного сочинения.

НА ЗОВ ЛЮБВИ

Я в кедраче стою, манок в зубах,
И тихим свистом лес оповещаю,
Я в ветках вижу много разных птах.
Они дразнят меня, и я им все прощаю.
Синицы крутятся вокруг меня,
Тревожный писк их в ветках слышу,
То хор синиц, они вокруг звенят,
И лечат растревоженную душу.
Вот слышу шорох у куста рябины,
То рябчик, на призыв любви спешит,
Смотрю, прикрывшись ветками малины,
А он вот рядом, листьями шуршит.
Красавец, брови как раскрасил,
Хвост кверху, вот, мол я какой,
И вот призыв любви своей он песней бросил,
Я здесь, я рядом, я навеки твой.
Я отложил ружье, тихонько встал,
Из-за куста шагнул навстречу птице,
Я любовался им, когда он в верх взлетал,
И в кроне, как в тумане растворился.
Я не за тем пришел в зеленый дом,
Чтоб громом выстрела взорвать красу лесную,
Я понял и почувствовал, что в нем,
Я не способен уничтожить жизнь такую.

СИМФОНИЯ ЛЕСА

Вот снова я в лесу осеннем
Лес словно золотом покрыт,
С ажурным, чистым обрамленьем
Он взгляду нашему открыт.

Открыт он нам, как будто книга,
Бери, смотри и познавай,
Ты будешь в нем, как в доме друга
Что дарит лес, ты воспевай.

Но как все передать словами
Всю красоту лесов воспеть,
Мы в нем живем и это с нами
Он красотой нас будет греть.

В лесной тиши душа теплеет
Ты видишь в нем уют и кров,
И жизнь твоя в лесу светлеет
Ты здесь на подвиги готов.

А лес, как будто заколдован
Замрет и давит тишиной,
То бурей вдруг он очарован
Повенчан в танце с ней одной.

Балет лесной не повторим
Ничто не может с ним сравниться,
В волшебном танце лес — я с ним,
И этот миг не повторится.

Я музыку услышал леса
Орган природный в нем играл,
А ветер — баловень, повеса
В руках оркестр лесной держал.

Ручья простые переборы
В симфонию вплели узор,
И слушая — затихли боры
Представив в музыке простор.

Николай Иванович
ЛИСИЦЫН

Нам не дарят песен и сонетов,
Не слагают оды в нашу честь,
Но ведь не за строчку же в куплете,
Не за благодарность «от лица»
Делаем мы дело. Мы в ответе
За людские души и сердца.

Лисицын Н.И.

Николай Иванович Лисицын родился в 1923 г. в Кемерове в семье фотографа Ивана Петровича Лисицына и Клавдии Евгеньевны Лисицыной.

Он унаследовал от родителей великий дар — врожденный интеллект и талант художника. Дедушка его был крестьянином деревни Воронино — Пашни в Асиновском районе. Наверное, оттуда у Николая Ивановича огромная любовь к труду. Отец его был замечательным фотографом, именно от него Николай Иванович унаследовал безупречный художественный вкус.

Мать была из купеческой семьи, и нетрудно представить отношение властей к «социально опасному элементу». Над семьей постоянно висела угроза попасть под каток репрессий. Брат матери был взят органами НКВД как «враг народа» и сгинул где-то в Нарыме вместе с тысячами таких же беделог.

Семья Лисицыных вынуждена была вести полукочевой образ жизни, часто переезжая с места на место. Обычно на новом месте для фотографа было много работы, а от этого зависела обеспеченность семьи.

В конце концов, Лисицыны оказались в селе Кожевниково, в то время Новосибирской области, где Николай Иванович закончил с отличием среднюю школу.

Весной 1941 года родители уехали на Украину, а он остался сдавать экзамены. Эта задержка разлучила их на многие годы.

Отец с матерью попали под оккупацию и были угнаны в Германию, а Николай Иванович начал самостоятельную трудовую жизнь.

В армию его долго не брали из-за дефекта зрения, и только в 44-м он был призван из Красноярска, где работал на железной дороге.

В 1945 году сержант-связист Лисицын попадает на передовую. Его задача — обеспечивать связь роты с командным пунктом батальона. Судьба сохранила ему жизнь. Он с боями прошел Чехию, Венгрию, Германию и не только не был убит, но даже не ранен.

Демобилизовавшись, Николай Иванович хотел обосноваться в Харьковской области, но освобожденные из плена родители осели на Западной Украине — краю беспокойном и враждебном к русским. И Николай Иванович едет в Белоруссию. Там он нашел свою судьбу, создал семью. Но Николай Иванович возвращается на родину — в Сибирь.

В 1957 году семья Лисицыных поселяется в п. Дзержинском, где Николай Иванович вновь руководит художественной самодеятельностью, а параллельно становится начальником клуба ВТК № 1. Основная его задача в колонии — воспитание оступившихся малолеток средствами искусства.

У талантливых людей есть одно отличающее их качество — доброта. Вот таким даром излучения доброты и обладает Лисицын. Люди тянутся к нему, как ночные бабочки на огонек. В короткий срок ему удалось создать в Дзержинском драматический коллектив, а по сути — народный театр.

Дарование рисовальщика проявилось у него еще в школе. Он был постоянным членом редколлегии стенгазеты, оформителем и актером школьного театра. Природная наблюдательность, способность схватывать все на лету, образное мышление и прекрасная зрительная память позволили самостоятельно освоить приемы живописи.

Сначала были многочисленные копии с картин русских художников-пейзажистов А. Саврасова, И. Левитана, И. Шишкина, художников

эпохи Возрождения, потому что пейзаж особо любим им. Затем Лисицын начал писать собственные пейзажи, среди них «Сосновый бор», «Осенние мотивы», «Первый снег», «Лунная ночь» и другие.

Пишет он портреты: ученых, деятелей искусства, интеллигенции. Герои его кисти — одухотворенные, мыслящие личности. Всего им написано более 100 портретов.

С 1976 года он член городского клуба художников-любителей «Колорит». У него было пять персональных выставок. Работает в основном дома. Мастерской у него нет.

Николай Лисицын — не только талантливый художник, но и прекрасный поэт. Немало написано им и выпущено за свою творческую жизнь сборников стихов посвящённых военной и мирной теме «Память о герое», «Наше поколение», «Провожая Петра Н.С.», «Из доклада начальника почтового отделения», «Откровение из колонии». Также он является автором различных сценариев, песен, поговорок, каламбуров.

Труд и творчество Николая Лисицына нашли признание не только у зрителей, читателей, слушателей. Они по достоинству оценены государством. Кроме медалей и многочисленных дипломов, в 1983 году он получил звание «Заслуженный работник культуры».

ПАМЯТЬ О ГЕРОЕ

Крестьянский сын, трудился в поле с детства.
Семья в селе жила на небольшие средства.
Но он не унывал, работал и учился,
А, познавая мир, стать взрослым торопился.
Кем стать ему? Сперва не находил ответа...
Мечтал о будущем, но будущее это
Сначала виделось таинственным и мглистым...
И вдруг решил он непременно стать танкистом!
Наверно, видел новый фильм про трёх танкистов
В великолепном исполнении артистов.
Или как пелось в кинофильме «Трактористы»:
У нас «броня крепка и танки наши быстры».
И стал танкистом он, и даже первоклассным.

Тяжёл ученья труд, но труд был не напрасным.
Нагрянула война, вторая мировая.
Шёл враг на нас, всё на пути уничтожая.
Война на западе, а он был на востоке.
И рвётся в бой туда, все презирая сроки.
И вот он, фронт! Возглавив танковую роту,
Мчит на врага, оставив позади пехоту.
Талант и мастерство, отвага и сноровка,
Стремленье победить — всё, сочетаясь ловко,
Давало результат, он шёл, не отступая,
Вперёд, вперёд, победу нашу предвкушая.
Так, не теряя ни на миг в победу веры,
Уничтожались в массе «Тигры» и «Пантеры».
И нашего комроты грозная машина
Влетела первой в пригород Берлина!
Но там, на станции, был бронепоезд вражий,
И с ним сразился ротный экипаж отважный.
Был долгим бой, нужна победа до зарезу,
И поезд превратился в кучу из железа!
И шли потом бои в кварталах их столицы.
О том трактуют нам истории страницы.
В истории войны и он оставил строчку,
А на рейхстаге, видимо, поставил точку.
Отчизна подвиги танкиста оценила:
Награды высшие торжественно вручила.
Героем в дом родной он возвратился.
На фронте трудовом вновь подвиг повторился.
Избрав тяжёлый труд в условиях режима,
Перевоспитывал преступников терпимо.
Людских заблудших душ был добрым инженером.
Для них да и для нас высоким стал примером.
Пример для всех национальностей и классов
Герой Советского Союза Андрей Власов!
И память вечная потомков, не старея,
Не позабудет имя Власова Андрея!

НАШЕ ПОКОЛЕНИЕ

Ушел век двадцатый, идёт двадцать первый,
Проходит по ним наша жизнь и судьба,
Где тратим мы силы, здоровье и нервы,
Где вся наша жизнь — это труд и борьба.
У каждого были и детские годы,
И юность с мечтой о великих делах,
И зрелость, где были успехи, невзгоды
И радость, и горе, и смелость, и страх.
Да, всё это было у всех от рожденья,
От школьной поры и до нынешних дней,
Но разные мы принимали решенья,
Шёл каждый до цели дорогой своей.
Нужны были где-то упорство, отвага,
Мы их проявляли, рискуя собой,
(Но не для себя, а для общего блага),
Шли в небо, и в воду, и в шахту, и в бой!
И, зная о том, что не хлебом единым,
Храня свою быль и приветствуя новь,
Всю нежность и страсть отдавали любимым
И в каждое дело вложили любовь.
Мы новое дали стране поколенья,
Достойно оно эстафету несёт,
Оно начинает большие свершенья
И с нашей поддержкой к победе придёт!

Галина Ивановна
ЛОБАСТОВА

Лобастова Галина Ивановна родилась 13 сентября 1957 года в небольшой деревеньке Хуторское, Бакcharского района. Многодетная мама. В основном свою жизнь занималась и занимаюсь домом, хозяйством, детьми. В Нелюбино живу 30 лет. Стихи пишу с детства.

***

Вихрастый луг на солнцепеке млеет,
Пронизан воздух ароматом трав.
Ромашки венчик парусом белеет,
Запутав кудри в скошенных волнах.
А с неба льётся тишина такая,
Что синим звоном наполняет луг.
И слышу я, как травы увядают,
И, увядая, гимн Весне поют.
И мудрость эту — принимать с поклоном
Всё, что Всевышний чадам милым шлет,
Напишет мята листиком зеленым
И под косой с улыбкой упадет.

***

...Поднимите меня ветры буйные,
Да снесите в родную сторонушку
Там река Андарма звонкоструйная
Омывает младую черёмушку.
Травы там зеленее зелёного,
Солнце в небе — подсолнух приветливый!
Там берёзонька с царственной кроной
К счастью тянется нежными ветками.
И пылит по дороге проселочной
Кареглазое чудо босое
Любит жизнь, любит мир этот солнечный,
Деревеньку свою Хуторское!

***

Как здорово — упасть в траву,
И с одуванчиками слиться!
Уставясь взглядом в синеву,
В просторах неба раствориться!
И жадно свежесть мая пить,
И смаковать блаженство,
И в самой сути ощутить
Природы совершенство.

НЕЛЮБИНО

Стоит деревенька, над озером синим
В краю, где березы светлы и нежны,
Где каждым листочком трепещут осины
Среди благодати, среди тишины.
Но лишь зарумяниться алая зорька,
Побудку деревне споёт петушок,
Гурьбою доярки шагают на дойку,
Бурёнок скликает пастуший рожок.
Над нашей деревней лазурное небо
И ласково солнце льет луч золотой.
И если в Нелюбино ты еще не был
Тебя приглашаем, наш гость дорогой.

ТЕБЕ МОЙ КРАЙ. НЕ МУДРСТВУЯ ЛУКАВО

Край вольный, суровый, сибирский!
Дремучей тайгой знаменит.
Живет здесь от века народ богатырский —
Великое дело вершит.
И нефтью, и газом и хлебом
Богата родная земля.
Под солнцем лучистым, под ласковым небом
Цветут золотые поля.

Нам мил губернатор народный —
Он прост и душою открыт.
Чисты его помыслы, цель благородна,
И сердце к народу лежит.
С ним вместе в нелегкие годы
Мы выстоять, выжить смогли.
И есть, что тепло и по-доброму вспомнить,
И брезжит надежда вдали.
Шумят ли весенние грозы,
Снежок ли неслышно идет —
Красавица леса — родная береза
Поклоны земле отдает.

*Юрий Георгиевич
МАЛКОВ*

Малков Юрий Георгиевич родился 20.11.1927 г. в д. Владимирова Юрьевского сельского совета, Котельнического района, Кировской области (Вятской).

С 1944 г. по 1948 г. учился в Кировском индустриальном техникуме, затем по 1953 г. работал мастером на Новосибирском инструментальном заводе. С 1953 г. по 1960 г. работал механиком в Порошинской МТС, РТС Томского района. Затем двадцать пять лет работал механиком в ОПХ им.Б.Н. Сидоренко. С 1984 г. по 1987 г., до ухода на пенсию, работал старшим мастером Богашевского газового участка треста «Томскгоргаз».

Мемуары и стихи Ю.Г. Малкова охватывают предвоенные и военные годы. Он знает и любит сибирское село, которому он отдал многие годы своей жизни. Работая механиком в разных селах Томского района, он внедрил многие технические новинки как рационализатор и изобретатель. В его книгах читатель найдет любовь к природе и родному краю, поэтические описания многих уголков. Автор воспоминаний — человек разносторонний, он увлекался литературой, искусством, спортом. Многие сумела запечатлеть память этого человека.

ПЕСНЯ О ЧИСТОЙ ЛЮБВИ

Разве в жизни не бывает
Чистой, как слеза, любви...
Человек все забывает,
Знает чувства лишь свои...

Мир становится чудесней,
Расцветает все вокруг...
Ты идешь по жизни с песней,
Если рядом милый друг...

Покоряет все на свете
Только чистая любовь...
Если любишь, ты в ответе,
Ей не надо лишних слов...

Не страшны ей расстоянья,
Даже разница в годах...
Но печалят расставанья,
За любовь свою лишь страх...

КОРОТКО О ГЛАВНОМ

От свиданья до свиданья
Я живу в чудесном сне.
О тебе воспоминанья
Не дают покоя мне.

О тебе я днем мечтаю,
По ночам ты снишься мне.
Но одно я твердо знаю:
Доверяешь мне вполне.

Я не требую признанья,
Мне не можешь то сказать,
Мне достаточно вниманья,
Тебя рядом увидеть.

В нашей жизни быстротечной
Без любви не проживешь.
Она стала в жизни вечной,
Значит, ты меня поймешь.

ФИЛОСОФИЯ ЛЮБВИ

Любовь не сказка и не мифы,
А состояние души...
В любви бывают свои рифы, —
Ее нарочно не ищи.

В ней все божественно и вечно,
Она придет к тебе сама, —
Ведь в ней начало человечно,
А не фантазия ума.

Любовь подскажет тебе сердце,
Души космический полет...
Ты им безропотно доверься —
И счастье в дом к тебе придет.

Любовь рождает вдохновенье,
Она талантов всех гарант,
И духа знают дуновенье —
Поэт, художник, музыкант.

СЛАВА РОССИИ

Тысячелетняя Россия, —
Ты моя радость, моя боль,
И что б с тобою ни случилось,
Моя судьба с твоей судьбой.

Богата всем моя Россия, —
Наукой, недрами земли.
Ты первой спутник запустила,
Послала в космос корабли.

Трехцветный флаг в моей России,
Орел двуглавый — герб страны.

Все это — символы России, —
Отчизне будем мы верны.

Краев, республик в дружбе сила,
Народ могучий в них живет.
Воспрянет вновь моя Россия,
И будет счастлив мой народ!

СВЯТОЕ В СЕРДЦЕ СБЕРЕГИ

Живи и радуйся на свете,
Люби свой дом, родимый край.
Пусть будет мир на всей планете,
Почаще Бога вспоминай.

Нам предки дали все для жизни,
По жизни смело ты шагай
И до своей печальной тризны
Отца и мать не забывай.

Любовь, добро пусть будут в сердце, —
Поступки этим измеряй.
Любовь свою сердцам доверь ты,
Ей никогда не изменяй.

С друзьями легче жить на свете,
Друзьям во всем ты доверяй.
Мы перед Родиной в ответе, —
Ее, друзей не предавай.

Елена
МЕХАНИКОВА

Родилась в д. Поросино. Любит рисовать. Особенно хорошо удаются портреты. Занимается рукоделием: вышивка лентами, вышивка картин бисером. Участвует в различных конкурсах.

ДЕРЕВНЯ МОЯ

Деревня моя ты родная!
Люблю я тебя всей душой.
Глядя в кедрач, восторгаюсь
Его красотой неземной.
Там белки резвятся на ветках,
Сороки стрекочут им в след,
Детишки проносятся с горки,
И я помашу им в след!

МОЯ СИБИРЬ

Люблю тебя, Сибирь моя!
Люблю твои леса, луга, долины!
Люблю мороз трескучий твой.
И отблеск неба голубой.
Люблю пройтись в мороз на лыжах!
А после дома вечером...
Попить с мамулей чай с малиной!
Люблю весну твою шальную:
То тёплый ветер, то мороз!
Прилёт скворцов и их птенцов,
Их щебетанье под окном!
А лето...
Как же коротко оно,
И мы так долго ждём его!
А осень, чудная девица,
Глядишь, уже в окно стучится.
Но всё равно, Сибирь моя,
Я очень трепетно люблю тебя!

Юрий Григорьевич **МОЛОКОВ**

Родился Юрий Григорьевич в 1946 году в Кемеровской области. Трудовую деятельность начал трактористом в одном из совхозов Томской области. Окончил Новосибирский государственный педагогический институт. Прошел срочную службу в Советской Армии в качестве разведчика отдельного гвардейского дивизиона реактивных орудий системы «Град» в Забайкальском военном округе. Работал директором школ в Тогучинском районе Новосибирской области, директором Центрального межшкольного УПК города Новосибирска, директором Новосибирского областного института усовершенствования учителей. Два года работал в отделе науки Новосибирского обкома партии, курировал образовательный комплекс области.

17 лет посвятил организации научных исследований в области информатизации образования, работая заместителем директора по научной работе научно-исследовательского института АПН СССР, затем РАО. Основал и руководил научной школой, работающей над проблемой глубокого проникновения информационно-коммуникационных технологий в образовательный процесс.

В настоящее время работает начальником Научно-методического центра «Современные технологии» НИПКиПРО. Кандидат педагогических наук, ученое звание — старший научный сотрудник.

Автор более 100 опубликованных научных работ, а также сборника рассказов «Подсказки памяти» и книги «Когда уйдем от школьного порога».

РОДНИК

Рассказ

Мой отец, фронтовик, участник боёв под Сталинградом, рассказывал о войне крайне мало. Вспоминал, как их, курсантов Шкотовского военного училища, что под Владивостоком, проучив лишь год, не присвоив никаких воинских званий, долго везли через всю страну, затем по жаркой степи в товарных вагонах. Пить хотелось очень, уже не верилось, что когда-то можно будет пить столько, сколь душа пожелает.

Вспоминал, что разгрузились в степи ночью, построились, пошли. В руках автомат на голове каска, за плечами вещмешок и скатка шинели. Шли, шли... Потом команда:

— Стой! Подходи по одному, строго по тропке!

Кто её мог видеть, тропку в черноте ночи! Медленно продвигались друг за другом. Рядом с тропой лежал, освещаемый фонариком командира, труп человека в незнакомой военной форме. На груди лежала пачка советских денег.

— Вот, смотрите сюда и не попадайтесь на удочку! Видите, к пачке идет провод медный? Только возьмётесь, сразу взорвётесь, руки-ноги пооборвёт!

И уже для всех, громко:

— Товарищи бойцы-десантники! Вы находитесь в прифронтовой полосе, где работав немецкие диверсанты! Они расставляют разные ловушки для наших солдат и офицеров, проявляйте бдительность!

К утру остановились, начали рыть траншеи, глубокие, в рост. Вначале было страна слышать даже далекие отзвуки боя, артиллерийские разрывы. Привыкли быстро, поскольку их это, оказывается, никак не касалось. Это там, где-то...

Такие были первые впечатления от войны у моего отца. Рассказывал о перестрелках автоматных, о длительном многодневном сидении в траншеях. Его другу не верилось, что всё взаправду, всерьёз. Вырыл он ступеньку в глиняной стенке, приподнялся, выглянул, тут же сполз назад.

— Ну, что там?

Смотрят, а у товарища дырочка во лбу. Снайперы держали под прицелом всю линию обороны, происшествие запомнилось надолго.

Среди такого тягостного течения времени, тягостной неопределенности запомнилась отцу история с родником.

Каждый день траншейной жизни приносил страдания от жажды. Выход подсказали разведчики, проползавшие с немецкой стороны ночью через их бруствер:

— Вон там, в балке, есть родник. Вода ледяная, чистая!

Утром осмотрелись. Действительно, левее начинался уклон, переходящий в пологи овраг — балку по-местному. Отправили троих, в том числе и отца:

— Будьте начеку, автоматы на взвод, с предохранителя снять!

Поползли, втискивая тело меж кроторовин, вжимаясь в тропинки, пробитые скотом. Дальше, вниз по склону, уже меньше осторожничали: немецкого края обороны не видно. Ещё минут пять, и вдруг присели: невдалеке, впереди, слышалась немецкая речь. Вот она ближе, потом разговор стал затихать, отдаляться. Приподнялись: метрах в тридцати сторону немецких траншей, шли два немца. На шее автомат, в руках котелки.

— Тоже за водой ходили! Пошли!

Пригибаясь, побежали вниз. Вот он, родник! У обрывистого склона была выкопана в щебенистом грунте овальная чаша, доверху наполненная водой! Бегом, на колени, пить, пить...

Отдышались, набрали котелки, повернулись, чтобы идти назад. И тут же присели в испуге: метрах в сорока, на склоне, стояли немцы! Стояли, смотрели на них. Руки держат котелки, на шее автоматы. Солнце палит, уже опять пить хочется, а руки-ноги как скованные, никакого движения... И вдруг немцы сели на землю! Не тронули оружия, просто уселись и продолжали смотреть на русских бойцов.

— Ребята, тихо отходим, давайте правее, не стреляйте только!

Хорошо, что пришло в голову кому-то из наших именно такое решение. Пришли с водой в свою траншею, доложили командиру-лейтенанту.

— Дайте всем попить и помалкивайте!

Когда жара спала, командир обратился к тем, кто ходил за водой:

— Ну что, пить то хочется?

— Ещё как!

— Пойдёте ещё?

Переглянулись, пожали плечами:

— Вроде можно попробовать!

— Давайте, на месте там соображайте, что к чему. Старшим назначаю тебя, Молоков, ты у нас образованный!

Уже известным маршрутом добрались до родника. Вернее, почти добрались: воду набирали немцы.

— Садимся, автоматы к бою! Стрелять по моей команде!

Немцы с полными котелками поднимались невдалеке по склону. Увидели, приостановились, один махнул рукой.

— Он что, здороваётся, что ли?

— Сейчас я ему поздороваюсь!

— Тихо, не дергаться! Пить всем хочется! Пусть идут себе.

Немцы ушли. Когда наши бойцы вернулись в расположение с водой, лейтенант подозвал их к себе, заговорил тихо:

— Вот что, мужики: вижу, что не трогают вас немцы у родника, да и вы не стреляете... Вроде это хорошо, мы теперь с водой! Но если узнают особисты — всем хана! Поэтому не болтайте, ничего и никому не рассказывайте и никого с собой не берите. Я прослежу.

Так и пошло: каждый день, по два раза, ходили бойцы десантной роты в балку, каждый раз встречались с немцами. И уже не хватались за оружие, сидели на склоне поглядывали, ожидая очереди. Ритуал соблюдали и те, и другие. Вне «протокола» было приветственное помахивание одного вражеского солдата, длинного, нескладного, в форме как бы не по росту.

— Что, если я тоже помашу ему?

— Друга нашел! Сиди!

Идиллия оборвалась враз. Как-то пошли за второй порцией воды. Идут, почти не таясь. Спускаются по склону, глянули на родник:

— Вот это да! Ах ты, свинья!..

В роднике лежал голый немец, плескался, колотил по воде ногами. Кругом никого не видно, один пришел! Не успел мой отец хоть что-нибудь сказать, как его приятель, помоложе, передернул затвор автомата и дал очередь. Немец затих.

— Напились!..

Назад бежали быстро, пригибаясь. В траншею вернулись ползком. Через полчаса со стороны врага началась автоматная стрельба, потом заработали минометы. Война продолжалась...

Татьяна Ивановна
МЫТНИК

Родилась 16 марта 1955 года в Бакчарском районе (ранее Парбигском) Томской области, в 1970 году закончила восьмилетнюю школу в Алтайском крае. В 1975 г. закончила «Школу рабочей молодежи № 1» города Томка. В 1988 году закончила Томский сельско-хозяйственный техникум по специальности — агроном. Работала в совхозе «Родина» в полеводстве. В Нелюбинской средней школе была руководителем теплицы, вела с детьми занятия в огороде. Вырастила троих детей, а сейчас помогаю воспитывать внуков. Люблю природу, увлекаюсь фотографией, с юности не расстаюсь с фотоаппаратом. Люблю русские и украинские песни, песни советских композиторов и современных российских. Пела 10 лет в Нелюбинском народном хоре. Изредка печатали мои статьи в газете Зоркальцевского поселения. Статьи были на общественные темы: о жителях, о проблемах, а в книге «Сибирь — мой край родной», изданной С.Ф. Вершининой, напечатаны два моих стихотворения: «В юности», «Осеннее настроение». Статьи печатаю под псевдонимом Т. Иванова.

ЕСТЬ УЛИЦА В НЕЛЮБИНО...

Больше 30 лет живу в Нелюбино. На моих глазах строились новые улицы — в селе их стало в два раза больше.

Все привычное, родное даже в окрестных лесочках уже не заблужусь как раньше. Но вот одна улица мне кажется не обычной, а какой то сказочной, что ли — это улица Лесная. Первые дома построили в начале 90-х годов, от улицы Молодежной. Прямая, широкая, дома

с улучшенной планировкой и даже двухэтажные, а потом пошла по тропинке, свернула в лесок. Вроде бы к дороге надо выйти, а нет — не строят пока дома в леске. Внучка как то спросила: «Почему не продолжили улицу к дороге?» Пока я думала, что ответить, она сама догадалась — «Наверное лесовичек не разрешает». Придуманная на ходу сказка про лесовичка прошлым летом ей понравилась и запомнилась.

И в самом деле: где еще, на какой улице можно грибов набрать — немного, но для таинственного ощущения, волшебства хватает. И ягодку сорвать на ходу — боярка и шиповник растут по краям тропинки. А запах трав такой, что проходя через этот лесок, словно бальзам впитываешь. И на душе становится спокойно. Проблемы и заботы как будто растворяются в этой густой траве. А однажды на тропинку из леска вышел большой рыжий кот! я даже вздрогнула — вдруг в этом маленьком лесу, маленькие тигры живут. Но кот попятился назад в траву и исчез. Может кот, а может ведение... В общем, проходя по улице, то сказка вспомнится, то песня. Вот бы пожить мне на этой улице, сколько судьбой определено. Пусть работы много в огороде, но ведь и отдых душе какой! Здесь дышится вольно. Просто пройдешь по улице и уже чувствуешь прилив сил. Для меня Лесная улица — это маленькая сказочная страна. Не верите — проверьте!

Пройдите по Рабочей, сверните на улицу Мира, а потом новый поворот — и вы на Лесной. Пройдите, остановитесь и каждый увидит свое обыкновенное, но чудесное. И может быть размечтается и решит построить здесь дом — Лесовечок разрешает.

Галина Евгеньевна
НИКОЛАЕВА

Галина Евгеньевна Николаева (настоящая фамилия — Волянская) родилась 18 февраля 1911 года в глухой деревне Усманка Ишимской волости Томской губернии в семье Волянских — сосланного будущего юриста и учительницы. Отец Галины — Евгений Иванович Волянский — по происхождению поляк, он был сослан в Сибирь за принадлежность к Псковской группе социалистов-революционеров. Уже в ссылке ему понравилась дочка бывшего золотоискателя Мелитина Венедиктовна Баранова.

Детство Галина провела в Псковской губернии, в Томске.

В 1922 году Галя одно полугодие проучилась в школе в Барнауле. Среднюю школу закончила в Новосибирске.

После школы Галина поступала на медицинский факультет Томского университета, но не удалось. После года усиленной подготовки, в 1929 году, дочь Волянских поступила Омский Государственный медицинский институт. Тогда же, она познакомилась со своим будущим мужем, Александром Григорьевичем Портновым, который работал в Окрисполкоме.

В марте 1930 года Портнова неожиданно перевели из Омска в Горький (Нижний Новгород) начальником горплана. Галина. Студентка 1-го курса, перевелась на соответствующий курс Нижегородского университета, чтобы быть вместе с мужем. Вместе с ней в Горький переехала и ее мать. Брак Галины оказался недолгим: в мае 1934 года Портнов и Галина развелись.

Закончив в 1935 году Горьковский медицинский институт, Галина Волянская попросилась в аспирантуру. Её взяли на кафедру фармакологии в качестве ассистента (1935–1938). Но до диссертации дело не дошло.

В 1937 году чекисты арестовали её отца и бывшего мужа. Отца потом этапировали в лагерь, но главное, оставили в живых. А Александра Портнова расстреляли. Оба впоследствии реабилитированы. Начальство предложило Волянской по-тихому уволиться.

В 1938–1942 годах работала преподавателем Горьковского медицинского техникума. Может быть именно в эти годы, оскорбленная и замкнутая в себе женщина открыла удивительную силу искусства.

Своего второго мужа, Николая, Галина встретила уже перед войной. В честь его имени Волянская взяла себе псевдоним Николаева.

В 1942 году Галина Николаева, несмотря на проблемы с сердцем и запреты, добивается того, чтобы стать военным врачом. Она работает на фронте до 1944 года, пока не ухудшается состояние здоровья.

В этом же году военврач Галина Николаева отправляет свои стихи в Москву, в редакцию «Литературной газеты» на имя ленинградского поэта Николая Тихонова, который горячо похвалил стихи и сообщил Галине о том, что они будут напечатаны в журнале «Знамя».

Так начался творческий путь Галины Николаевой. Её творчеством заинтересовались поэт Константин Симонов и критик Анатолий Тарасенков. В 1945 году появляются три публикации, среди которых один из наиболее известных рассказов Николаевой — «Гибель командарма».

В 1946 году у нее вышел сборник стихов «Сквозь огонь». В 1955 году на Волге Николаева написала цикл стихов «Через десятилетие» (1954–1955).

В литературном наследии Г. Николаевой остался большой цикл стихов под названием «О самом главном» (1961–1963).

После войны Галина снова встречает второго мужа, семья соединяется вновь. Супруги переезжают в Горький, где начинается новая ступенька в жизни писателя Галины Николаевой. Здесь был создан роман «Жатва» (1950) — одно из значительных произведений послевоенной литературы. За роман «Жатва» Галине Николаевой в 1951 году была присуждена Сталинская (Государственная) премия I степени.

Затем появилась «Повесть о директоре МТС и главном агрономе» (1954). В том же 1954 г. Г. Николаева и Станислав Радзинский написали по мотивам повести пьесу «Первая весна».

Конец 1950-х годов ознаменовался для Галины Николаевой созданием романа «Битва в пути». Это произведение считается вершиной прозы Г. Николаевой. Работа над романом продолжалась шесть лет. Роман был высоко оценен в Советском Союзе — в 1961 году вышел на экраны фильм, пьеса по роману ставилась во многих театрах страны.

В последние годы жизни Николаева работала над романом о физиках, посмертно, в 1964 году, опубликованы отрывки из этого романа «Я люблю нейтрино», «Сильное взаимодействие».

«Наш сад» — последнее произведение писательницы. Лирико-философский дневник впервые опубликован в 10-м номере «Октябрь» за 1964 год,

Галина Евгеньевна Николаева была членом правления Союза писателей. Удостоена звания Лауреата Государственной премии СССР в 1956 году.

Кроме медалей за войну Галина Евгеньевна была награждена «за литературу» двумя орденами Трудового Красного Знамени.

Умерла Галина Николаева 18 октября 1963 года в возрасте 52 лет в Москве. Похоронили её на Новодевичьем кладбище.

На малой родине, в селе Мазалово Томской области Томского района Галине Евгеньевне поставили памятник, на котором написано: «Галине Николаевой (Волянской). Благодарные земляки».

В 1970 году создан музей имени Галины Николаевой — комната в Мазаловской средней школе, где бережно хранят каждую строчку об известной советской писательнице.

Сейчас многие советские писатели незаслуженно забыты: меняется время, происходят политические изменения. Но есть и вечные ценности: любовь, дружба, привязанность к родной земле, восхищение ее красотой. Вечно будет помнить наш народ Великую Отечественную войну, принесшую огромное горе и обнажившую силу, и стойкость русского народа. Об этом писала Галина Николаева.

«ТАЛАНТ»

отрывок из произведения «Рассказы Бабки Василисы про чудеса»

I

Вышла я замуж шестнадцати лет и пошла детьми сыпать! Бывало, спросят меня: куда, мол, тебе их столько?

А мне все смехи:

Были б коваль да ковалиха, будет и этого лиха.

Вечерами «Акульку в люльку, Оленку в пеленку» — рассовала и отправилась с Тимошей на посиделки. Смолоду квас и тот играет, а мне и всего-то двадцать с хвостиком. Только раз бегут за нами — соседская девчонка уронила моего Гераську, повредила ему ногу.

Рос мальчишечка крепкий, как грибочек, шустрый, как живчик, и стал Гераська — Оброньш. Сильной боли в ноге нет, а ходить не велит.

Источила нас с Тимошей совесть — сына прогуляли! С того и пошло.

Для других детей снято молочко, для Герочки — сливочки-переливочки. Семья у нас дружная. Ребята видят, что мы с Тимошей ради Геры из кожи лезем, и они равняются по отцу с матерью. Старшие Геру нянькают, младшие у него на службе. И растет наш выкормыш сам статный, лицо холеное, глаза девичьи, с поволокой.

Пока ему двенадцать лет не минуло, мы с отцом только радовались, а тут начали чесать затылки. Глядит он так, будто не одни мы с отцом, а весь белый свет перед ним в долгу. К тому времени нога зажила, ходи куда хочешь, а у него все на побегушках. Сам с гириями упражняется, а младшими командует:

— Ныряйте под лавку, принесите мне тапки!

Спать днем ляжет, Сергуньке дает приказ:

— Становись возле меня, мух отгоняй.

И все ему не так! Известно: на паршивого и баней не угодишь — то ему жарко, то не парко.

Говорят: извадится овца не хуже козы. Сами не заметили, как изноровили мы его. Растет наваженный, что наряженный, — блажит, как по наряду.

Видим мы с Тимошей: ногу парню выпрямили, а нрав скривили. А я и ругать его не могу, все думаю: наша в нем вина.

Ко всему он был переимчив. Еще говорить толком не научился, а уж все мои присловья перенял. Учиться пошел, глянул в учебник вполглаза — в голове как отпечаталось. Из всех моих одиннадцати самый способный. Сельскую школу закончил, отправили мы его к Матвею в поселок кончать девятилетку.

Приезжаю навестить, показывает мне учительница его тетрадку. До половины задача решена, в конце написано: «И т. д.».

Спрашиваю его:

— Что это еще за «И т. д.» такое?

Он бровями пошевелил, свои синие очи с поволокой чуть повел.

«И так далее», — объясняет. — Самое трудное я решил. А дальше мне неинтересно. Вот я и написал: «И т. д.».

И чем старше становится, тем больше у него этого «И т. д.».

Приехал домой на каникулы, взялся травы собирать для аптеки. Две недели из лесу не выходил, через две недели, гляжу, уж валяется в саду под яблоней.

— Я все травы лучше аптекаря изучил. Надоело.

Взялся сам детекторный приемник мастерить и добился — на пять минут слышали дальний голос. На том и кончилось. Все детали порастерял, и опять на спину под яблоню.

Валяется лень — с прихворкой. Позевота да потягота, гляди, со свету сживут парня!

Отец к нему то с лаской, то строгостью, а он угрозы не боится, лаской не нуждается.

Я плачусь мужу:

— Эка облень по избе шатается! Не те отец-мать, кто родил, вскормил, а те, кто уму научил. Как его такого научить?!

Тимоша руками разводит.

— Не научили мы его, пока поперек лавки укладывался, а как во всю вытянулся, видно, не научишь.

К семнадцати годам вымахал выше всех в деревне. В поясе тоньше осы, плечи широкие, голову вскидывает, как конь. Глаза свои девичьи открывать не снисходит, глядит на все вполглаза. Брови густые, левая бровь ниже, правая выше. И привык он этими бровями

с людьми разговаривать. С братьями и сестрами словами говорить совсем отучился, только бровью указывает: подай, принеси, убери! Да еще и гневается, если не враз с бровей прочитают.

И то в одну сторону его заносит, то в другую — дорога ему открыта на все стороны. Парень способный, да сын председателя первой на всю губернию коммуны, да и сам для форса с полгода поработал на шахте. Характеристику ему дали отменную. Себя показать он может. На полгода его хватило. Все пути ему открыты, и все не по нему. За год две специальности забраковал.

Пошел в медицинский институт — в мертвецах разочаровался. Пахнут! В актеры шагнул — не понравилось! Несолидно.

Пошел в авиационный. Авиационный институт он окончил. Уехал на юг, поступил на завод, и пришло мне время дивиться — не нахвоятся на заводе Оброньшем! Даже в газете мелькнуло: «Ценное предложение внес инженер Добрынин — сын того самого геройски погибшего председателя коммуны».

Прошло несколько лет, и вот узнаю — Гера-Оброньш всех переговраздил. В тридцать лет стал директором завода и женился на писаной красавице.

II

Снарядилась я к Гере в гости — поехала порадоваться на сына.

Вышла из вагона — вижу, идет женщина, и не то что пассажиры — носильщики на нее заглядываются, багаж грузить забывают. Сама узкая, длинная, поджарая, в черном платье. Маленькая головка будто черным лаком покрыта, глазищи тоже черные, мохнатые. Что, думаю, за фря, за червонна краля? И вижу, выплыл к ней на орбиту и мой Герасим. В плечах еще поширел, а в поясе тонок. Брови так разрослись, что и глаз не видно, волос на голове русый, волнистый. Плывут, будто Марс с Венерой, только с нынешним стилиажьим уклоном И вышагивает возле них собака борзой породы. Ноги высокие, морда шилом, все ребра наружу.

Люди на них оглядываются, переговариваются:

— Кто из всех самый чистопородный?

Подошли ко мне. Гера меня знакомит:

— Жена моя Ия. Собака Джульетта.

Обошняк у него в два этажа. И каждый день накатные гости. Коктейли да танцы.

Шуму много, а хорошего разговора нет. Оброньша моего прямо в глаза захваливают — и талантлив, и умен, и то, и се... А он уши развесил, будто не знает: от кого чают, того и величают!

Жена, Ия эта самая, — слов нет, красива. А копнись-ка в ней! С первым мужем характером не сошлась, оба друг дружку побросали. Второго она бросила: не богат, не знаменит. Третий и богат и знаменит, да сам ее бросил.

Если уж с такой красотой да столько лет судьбы не найти, видно, негодь. С личика — яичко, внутри — болтун. До полудня она в постели — все стонет: днем, вишь, ей не спится, ночью не естся! Болеет!

С полудня переберется с постели на тахту и начинает шипеть на портних да на парикмахеров. Шипит и шипит до вечера. У нее ровно у гусака — сердце маленькое, а печенка большая!

Как вечером гости в дом — враз поправилась, заегозила, завертелась пестам в ступе, в нее не угодишь.

И где только Оброньш такую высмотрел?.. Или шел не дорогой, встретил не путем?..

Многие вокруг них придворничали, а больше других заводской бухгалтер. Он и около меня вился. Поклончив, покорлив, а в глазах искра. Сразу видно ту породу, какая спереди ноги лижет, сзади за пятки хватает.

Я, бывало, шикну на него:

— Сгинь с глаз, поползень!

А он только засмеется:

— Ползком, Василиса Власовна, в люди выходят.

Услышишь такое, плюнешь да и уйдешь в сад с Шкилетой — я ту стилиажью Джюльетту на Шкилету перекроила.

Сидим вдвоем со Шкилетой в саду до полуночи, только что на луну не воем!

Неподалеку, в рабочем поселке, познакомилась я со стариком мастером. Решила с ним доверительно поговорить.

— Как, — спрашиваю, — мой-то на заводе?

Тот сразу глаза в сторону.

— Пока в замах ходил, лучше его не было.

— Тонок обиняк, да скользит! На вожжах и лошадь умна! Ты говори, как сейчас правит?

Как ни мялся старик, а я поняла: правит мой Оброныш, как медведь в лесу. Дуги гнет — не парит, переломит — не тужит!

Из замов в директора — обыденна честь, и ту не сумел снести.

Одно я старику на прощание оказала:

— Не я полынь-траву садила, сама, окаянная, уродилась.

Ш

Вижу я — Оброныш в умники попал, а из дурней не вышел.

Стала я к нему приступать:

— Вскичился не в меру — закичишься до беды. Откуда у тебя хоромы в два этажа?

Он отмахивается.

— Три заводских поселка строил...

В старину говорили: «Дай на прокорм казенного воробья, прокормлю и свое гусиное стадо».

Крякнул он с досады:

— Звал я тебя, мать, чтоб пожила ты в холе, в покое. А ты? Сама покоя не знаешь и мне не даешь. Я не вор.

— Не один вор ворует, а и поновщик.

— Да возьми ты в толк: дом это не мой — заводской. И такие же дома у замов моих, у главбуха.

— У поползня, значит? Бывает и так — рука руку моет, обе белы живут.

Он руками замахал и от меня в другую комнату. Я за ним.

— Ох, боюсь, посадил ты волка в пастухи, лису — в птичницы, свинью — в огородницы.

Он отмахивается, а я не отступаюсь:

— Коктейли эти тоже у тебя казенные? Не лаписто ли живешь?

— По плечу, — говорит, — и лапы! Да что ты, надсада ко мне прицепилась? Я большие дела заворачиваю, а ты рюмки считаешь! Мелочи все это...

— Случается и такое, сынок: корье на малье, а дуба не стало.

И как напророчила! Стали вызывать сына то в партком, то в райком по персональному вопросу. Дошло и до обкома. Берут кога

поперек живота. Над родным сыном гроза, а я жалею и... совестно сказать... радуюсь!

Гостей из дому как вымело. Сын ходит набычившись, крутоярый, крутобровый и тем возмущается, что поползень к нему ни шагу. Тут я не выдержала:

— Эко диво, что у свиньи пятаком рыло! По всему видно, какой породы вокруг тебя люди: пили да ели — кудрявчиком звали; попили-поели — прощай, шелудяк!

Он как зыкнет на меня:

— Не мать ты, а крапивное зелье! — Походил по комнате, волосы поерошил.— Я, — говорит, — им не поддамся! Либо петля надвое, либо шея прочь!

Удача нахрап любит. Отбился мой Оброньш. Поставили ему на вид да велели хоромы эти отдать под родильный дом. Возвратился орел орлом, кричит с порога:

— Эй, мать! Не гляди на меня комом, гляди россыпью! А квартиру отдам! Не жалко!

Вечером снова гости. И поползень тут же. Сперва Гера на него чуть не с кулаками. Да ведь у хитрой лисы три отнорка. Со скандала началось, а я и не заметила, как перешло в гульбу. В доме опять дым столбом, пыль коромыслом, не то от тоски, не то от пляски. Все беды ко дну, пузыри кверху! Гера тост поднимает: жизнь, мол, — копейка, голова — дело наживное, а все же выпьем за такую голову...

И пошел хвалиться своей головой!

Распалилась я, раскалилась:

— Все кузни ты обошел, а не кован возвратился!

А он стукнет по столу.

— Надокучила ты мне, мать, что пигалица на болоте.

На другой день я уехала. И как уехала — опять растревожилась.

Всегда у меня так с моим Оброньшем: не вижу — душа мрет, увижу — с души прет.

Полгода терпела — ни я ему не писала, ни он мне. Через полгода звоню ему по телефону, будто по делу. Дело обговорила и спрашиваю:

— Как жена Ия? Как Шкилета?

— Выгнал, — говорит.

— Кого выгнал?! Шкилету?!

— Зачем Шкилету? Шкилета — пес добрый. Жену Ию выгнал.

Вскорости сообщает: опять женюсь! А еще года через полтора донесли до меня слухи, что опять открылась у него старая болезнь в ноге и уходит он с завода будто бы по болезни на пенсию, а на самом деле по наущению новой его жены. Опять, думаю, у Гераськи-Оброньша «и т. д.» пошли.

Черного кобеля не отмоешь добела!

Помчалась без предупреждения, чтобы застать всю картину, как она есть.

IV

Три раза человек дивен бывает — родится, женится, помирает.

Как открыла мне двери новая Оброньшева жена — махонькая, немудрященькая, в штапельном платьишке,— так и онемела я на пороге.

Моему ли вельможе да после той прожженной крали такая простушка? А он еще и знакомит меня с ней такими словами:

— Это Лялька. Была Лялька-машинистка, стала Лялька-жена. Хочу — с кашей ем, хочу — масло пахтаю!

Она смеется.

Личико кукольное, только куклы щекасты, а эта похудее. Носик тоненький, глаза — две черные пуговицы, глядят и не мигают. Кудряшки, как у овцы, и румянец, будто наведенный. Одно слово — Лялька. Иначе и не назовешь! А у самой уж двое сынов-близнецов, тарашатся этакими же пуговичными глазками.

Познакомилась я с невесткой, налюбовалась на внучат, приступила к своему Оброньшу:

— Серьезно ли болен?

— Да нет, так. Бумажку все же дали.

— Что ж завод покидаешь? Опять «и т. д.» начались?

Лялька вступилась:

— Тяжело ему, переутомляется.

— Знакомое дело, — говорю, — Ходит гусь по воде, лапки, горемыка, промочил, головушку простудил.

Думала, Оброньш осердится, а он смеется да спрашивает:

— Мать, скажи, кому легче: птице летать или рыбе плавать?

— Ясное дело, птице!

— А вот и нет! Птица устает, отдыхать садится. А рыба... рыба плывет, как живет, и сама того не замечает. Задумал я такой самолет — по рыбьему принципу. Без рыльев, без пропеллера.

Лялька подхватывает:

— Каждую ночь над ним сидит. А тут инвалидность... Мы даже обрадовались. Целый год — делай, что хочешь.

— На что жить-то вчетвером будете?— спрашиваю, Лялька только хохочет:

— Сыновей в ясли, сама на работу! Я машинистка-стенографистка. Я два языка знаю, меня наразрыв приглашают.

— Эка маленькая, не прокормишь большого верблюда да двух верблюжат!

Опять хохочет бабенка:

— А вот и прокормлю!

И мой, гляжу, подхватывает:

— Хлеб да вода — богатырская еда. А на хлеб да на воду Лялька заработает.

Я опять остерегаю:

— С квартиры сгонят.

Опять хохочет бабенка, что ты с ней будешь делать:

— Четыре комнаты отберут, две дадут. Я что верба — куда ни ткни, там я и принялась! Только бы рядом с Герой.

То ли, думаю, совсем глуповата баба, то ли уж до того умна, что ее ума и постигнуть не могу.

А мне одно понятно — надоело моему обленю изо дня в день ходить на работу. Старая погудка на новый лад! Раньше братьев да сестер запрягал себя возить. А теперь нашел бабеху-дуреху.

Тут и открылся мне секрет Обронышевой женитьбы. На такой жене, как та Ия, не поездишь: та сама кого хочешь загонит. А эта Лялька-простофиля начнет лялякать да вконец и залялякает мужика.

Мне невесело. Оброньш глядит вполглаза. Одна эта Лялька не поет — так свищет; не свищет — так прищелкивает. Увидала мое беспокойство, улыбнулась.

Одно мне в то время в ней и помаячило: улыбка. Уголки губ тоненько обрисованы, улыбнется — и открыто и по-ребячьи, а в уголках будто что-то затаилось. Печаль — не печаль, терпенье — не терпенье? Не поймешь, не выскажешь что. Только улыбнулась и поумнела. Не Лялькина у нее улыбка.

Улыбнулась и говорит секретно:

— Не тревожьтесь, мама. Все к хорошему. Ночью я вам покажу одну вещь.

Заснула я рано, а часа в два ночи просыпаюсь и вижу — стоит надо мной Лялька в ночной пижаме и грозит пальцем:

— Тсс... Пойдемте. Чтоб он не услышал.

Крадемся мы коридором к кабинету. Дверь открыта, на столе бумага, разный чертежный инструмент, а за столом мой Гераська. Не то чертит, не то считает, а сам и приговаривает, и подсвистывает, и притопывает. До того смешно глядеть! Я чуть было не заклохтала от смеха, а Лялька шепчет:

— Смотрите, какое у него лицо.

А лицо у него такое, как бывает у доброго человека после первой рюмки. Брови разомкнулись, и глаза проглянули голубые, ребячьи. Складки на лице размягчились. Губы сами себе улыбаются, сами себе шепчут.

И снова бы мне рассмеяться, я смешлива родилась, смешлива и помру! Да глянула на ее, на Лялькино, лицо, и осеклась.

Помню, девчонкой еще, привезли меня в первый раз к морю. Просыпаюсь утром — от пола до потолка солнечные блики скользят, переливаются. Моря еще и не видно, и не слышно, а по этой переливчатой зыби поняла: рядом оно! Повернула голову к окну и ахнула: огромное, лежит тихо, а в каждом всплеске солнце!

Глядя на Лялькино лицо, почему-то вспомнила я то утро.

Смотрит она на моего Оброныша, а улыбка то вспыхнет, то пригасится, глаза то блеснут, то притуманятся. Все лицо и трепещет и отвечает чем-то; тем, чего и не видимо и не слышимо, а вот тут оно, рядом.

Неловко мне стало глядеть на нее. Пошла я в постель, а она скользнула за мной, присела и шепчет:

— Видали, мама? Вот такое лицо у Геры до тех пор, пока он сидит над своим самолетом! А раньше я его таким только раз и видела: в роддоме, когда он взял на руки сыновей.

А я его лицо не больно и разглядывала! Ее, Лялькино, лицо приковало взгляд. Удивила меня Лялька, да не убедила. Не первый год я знаю Оброныша. Мое исчадь!

Оседляет он эту бабенку-несмышленку и начнет как и прежде, с утра гадать, чем день занять: не то сидя просидеть, не то стоя простоять, не то лежа пролежать. Каков в колыбельку — таков и в могилку.

С горьким сердцем я от них уезжала.

V

Встретиться пришлось в дни войны, когда пробиралась я с юга домой к раненому Сереже. С моря пересела на поезд. Поезд шел с пересадкой. Во время пересадки и задержалась я на сутки у Геры. Жили они в рабочем поселке, в двух маленьких комнатах. Когда я пришла к ним, едва обустрело, а у Ляльки уже в кухне обед варится, в прихожей сохнет белье, а сама за машинкой — спешит с расшифровкой. Ни кукольного румянца на лице, ни белизны, ни веселья. Ручки-ножки — как веточки. Скоро рожать. Только улыбка да глаза-пуговицы и остались от прежней. Не успели перемолвиться, как она сгребла свои расшифровки, забрала ребятишек — вести в детский сад. Остались мы вдвоем с Герой. У меня одна Сережина беда на уме, я и не спрошу Геру, как его рыба-самолет.

Он сам мне говорит:

— В решительный день ты приехала. Пять раз разбирали мою конструкцию. Сегодня разбирают на особой комиссии с представителем из Москвы. Либо в стремя ногой, либо в пень головой...

Ходит молчаливый, и по одному лицу его я вижу: под кем лед трещит, а под ним ломится.

К вечеру возвратился, прошел молчком в свою комнату. Заглянула в дверь — люто полосует свои чертежи. Рвет и приговаривает:

— Пристыдили меня, мать. Говорят война, а ты в бирюльки играешь. Свяжись с младенцем — и сам оребячишься.

Это он про жену. Знала я за ним в детстве лиху привычку — за свои неудачи винить кого-нибудь.

— Эх! — говорю. — Ума в тебе три гумна, да сверху не покрыты.

Пнул ногой со злости изодранные бумаги, крикнул дворничиху:

— Уберите на помойку, чтоб глаза не мозолили!

Пошел на завод, с порога бросил:

— До утра не ждите.

Вечером потемну прибежала Лялька с детьми. Она уже по телефону все узнала и только об одном спросила меня:

— Где чертежи?

На помойке...

Не успела я объяснить, как заскулила над городом сирена. Отвела невестка меня с детьми в бомбоубежище, а сама исчезла. Сижу и слышу — люди переговариваются:

— Какая-то сумасшедшая, в бомбежку ночью копается в помойке.

Пошла я на розыск.

На дворе уж зазимье. Вьюжно. Вдалеке темнота огнем занялась — за рекою пожары. То там, то здесь ухают бомбы. Проекторы шупают небо, и в белесом отсвете ходит по мерзлой земле снежная поползуха. Куделится снег на пустынном дворе. Вдруг в углу мигнул синий свет.

Кое-как добрела я до угла наперерез ветру по следу. Вижу, бугрится что-то. Так и есть — она. Нагнулась, отдирает от наледи облитые помоями, примерзшие бумаги. И крихтит и сопит — живот ей, видно, мешает.

— Разродишься еще тут, на помойке! — говорю. — Пойдем.

Не идет.

После отбоя вернулись мы домой, уложила она меня с ребятами, а сама к бумагам. Чистит их тряпочкой, склеивает обрывок к обрывку, сушит у плиты, разглаживает утюгом и все просит меня:

— Гере не говорите. Он с досады не только бумаги, он нас растерзает.

Среди ночи опять пальто на пузо натягивает:

— Главной бумаги нет... с расчетами...

В глухую ночь опять потащилась на помойку. В другой час я бы хоть поговорила с ней, а тогда все мимо меня шло: одна Сережина беда была в голове.

Прошло еще с полгода. Гляжу однажды в окошко — идет женщина, сразу видно — из беженок, много их тогда шло. Обтрепанная, едва

тащится — лишь бы нога ногу миновала. Одно дите на руках, двое держатся за юбку. За спиной под мешковиной торчит что-то длинное, круглое, вроде дула, не то от ружья, не то от пулемета.

Я б их и не узнала, если б не глаза у ребятешек — как увидела четыре черные пуговицы глядят, не мигают, так ноги сами вынесли меня за калитку.

Оказалось, Гера ушел на фронт, а они эвакуировались с заводом. Поезд, которым они ехали, разбомбило, полустанок захватили немцы. Две недели Лялька с ребятами пробиралась оврагами, на третью неделю немцев поотогнали.

Ваялась я мыть неожиданных гостей. Внучата, как морозобитные травинки, — головешки на шеях так и никнут, а у матери кости сухой кожей покрыты, живот к хребту прирос, лицо с кукиш, глазища с кулачищи. Черные кудри отросли, а в них безвременная седина не вроссыпь, а ручьями. Сама мою ее, сама чуть не плачу. Что войница над людьми делает:

Пораскинулась печаль
По плечам.
Распустили сухоту
По животу.

Вымылись они, а переодеться не во что. Взяла я ее заплечную ношу — там пеленки для меньшого, для старших смена белья, а для самой ни рубашонки, ни кофтенки. В серединке мешка торчок вроде дула перевязан, в три перевязи.

Спрашиваю ее:

— Что ты это за пулемет тянула на спине?

Глазищи опустила, не отвечает. Стала я раскручивать сверток — гляжу: в нем бумаги трубкой. Насмелилась она, взмахнула ресницами, усмехнулась чуток:

— Это... те... чертежи... Вы, мама, не смейтесь. В них Герино сердце. Никто этого не понимает. Даже он сам не понимает.

И мелькнуло у меня в голове: «Никогда умом крепка не была, а с войной, видно, вовсе тронулась. Платьишка для ребят не донесла, а рваные бумаги с помойки тянет на себе».

VI

Протекли еще годы. Отшумела победа. Пришла мне необходимость ради дочки Грани порвать все со старым гнездом, купить для нас с ней новый дом, в новом месте.

К тому времени Герин завод возвратился с эвакуации. Лялька давно переехала к мужу. Места там теплые, щедрые, и решила я поискать новое пристанище возле них, по районам да пригородам.

Пока искала, поселилась у Геры. Жили они в заводском стандартном доме, скромненько, тихонько. Он работал инженером, она — стенографисткой. Ребятишки все ростом пошли в отца — большие, плечистые, а мать их, Лялька, стала еще меньше. Ходит по дому подросточек глазастенький, бледненький, тоненький. На пальцах суставы раздулись от машинки. Ох, и дорого стоил ей мой Оброньш! Была липка, стала лутоха. И не поймешь, откуда в ней силы берутся? Работает с утра до ночи, а в доме порядок. Никогда слова срыва никому не обронит. Правда, очи уже изгасли и стала молчалива — ни песни, ни свисту. Хохотать разучилась, разве улыбнется изредка, да и улыбка не та. Раньше, бывало, в ее улыбке с каравай всякой радости, с полприкуса печали. Теперь наоборот. Невесела улыбка. Только в тоненьких, в умненьких уголочках угнездилось веселье, взлетать не взлетает, но и уходить не уходит. Придремало наготове.

Дети растут не изваженные, а мой Оброньш хуже малого ребенка. Пока он дома, только и слышишь:

— Лялька, где мой галстук? Приготовь рубашку. Куда дела бумаги! Напомни позвонить в дирекцию.

И хоть бы сам замечал, как она вьется вокруг него. Редко-редко, когда у нее пироги уж очень хороши, похлопает ее по спине да примолвит:

— Люблю серка за обычай — кряхтит да везет...

Похваля да в соху. А она и этому рада.

Оброньш мой правит службу мало-помалу. Ни задора, ни атаманской повадки. Только над семьей и воеводит — в подпечье и помело большак.

Одно «и т. д.» идет, сплошь, без перемежки... Где смолоду прореха, под старость — дыра.

Чертежный инструмент на шкафу валяется темен, пылен. Ржавый меч потуск...

VII

Однако настал такой день. Приходит Герасим на себя непохож:

— Помнишь, мать, мою рыбу-самолет? Специальное бюро создают — будут разрабатывать сходный принцип. Вспомнили и меня. Вызывают для разговоров в Москву. С чем поеду? Заводские архивы сгорели. Свои чертежи сам порвал.

Ходит, за голову хватается:

— Два года работы... И какой работы!.. Два года вдохновения псу под хвост...

Тогда и достает Лялька из чулана те бумаги. Думаете, мой Оброньш обрадовался? Сперва оттолкнул:

— Это что за грязь?!

Потом свои брови густущие стянул, наярился, принялся сверток раскручивать, разглядывать. Да как крикнет, на жену:

— Главное-то, главное где?! Где лист с расчетами?!

Подает она ему и этот лист. Цифры поразмокли, поистерлись. Но все можно разглядеть. Впился он в них.

А я к тому времени крепко к невестке привязалась и укорила за нее сына:

— Хоть бы ненароком обмолвился спасибом. Выковыривала твои бумаги из помойки ночью, под бомбами, брюхатая, через фронт волокла на себе! А ты...

Думаете, он меня слушал? Только злым глазом своим косился: не мешай, мол. Сгрел бумаги и потащил в свою комнату. Сам тащит, а сам косится.

Был у меня смолоду этакий злобный, неразумный пес. Дам ему добрый мосол с мясом, он схватит и поволочет в дальний угол. Сам тащит да сам на тебя же рычит — попробуй, мол, отними!

В точности Гера-Оброньш.

Мне за него перед женой неловко, а она начищает ему чертежный инструмент и его же оправдывает:

— Растерялся от неожиданности.

Припал день к вечеру. Поумолкла дневная тревога. Дети заснули. А Герасим все сидит как припаянный. Ужин подали — не прикасается.

Легли и мы с Лялей спать. А спали мы с детьми в столовой, он один в кабинете. Ночью просыпаюсь. Дверь в кабинет распахнута,

оттуда к нам в спальню льется свет. И вижу: Герасим мой стоит на коленях у тахты, где спала жена, пальцы ей целует. Даже Ие, прожженной крале, ни разу рук не целовал. А тут обласкал все распухшие суставчики.

А она волосы его перебирает, светит над ним глазами своими, — как мать над ребенком, как большая над малым. Как женщина над мужчиной.

Слышу шепчет он:

— Лялюшка... друг большой... жена...

Слава богу, думаю! Десять лет с ней прожил, трех детей нажил, на одиннадцатом году догадался, что у него жена есть!

Бывает в человеке душа, что в кремне огонь, не добьешься — не заискрится. Добилась Лялька. Достучалась. Заискрило.

Бывает перечасье дороже года. До войны не было еще ни подходящего топлива, ни нужных материалов для Гериной конструкции, а к этому времени научились делать и то и другое.

Пришла пора, Гера своего часа не прозевал.

Самолет задумал без крыльев, а самого окрылило.

К делу стал лют, а к людям простодушен. Определился человек на свое место, отыскал самого себя. Надо сказать, что на новой работе товарищи не чета поползну. Герасима и похвалят и проберут, когда надо. Без перевясла и сноп солома, а тут весь человек подобрался, подтянулся. Спрашиваю его:

— Гера, а не выскочит из тебя «и т. д.», как бывало?

Он только смеется.

— Я «и т. д.» писал, когда все трудное позади. А в нашем деле самое трудное всегда впереди!

Из-за того, что полдела было у него обдуманно еще до войны, обогнал он кое в чем и своих товарищей и американских конструкторов. Стал генералом, лауреатом.

Когда праздновали удачу, собрались награжденные в парадном зале. И меня затащили. Сижу я, радуюсь, слушаю разговоры. Спрашивают моего Геру:

— Есть «Як», есть «Ту», а почему вы свое создание не окрестили по имени?

А он шутит в ответ:

— Неудобно мощный двигатель окрестить «Лялькой». А другого имени я ему дать не вправе...

Лялька стала от радости белей мела, одни глаза — черные пуговицы — глядят, не мигая. Пальцы с вздутыми суставами теребят новое платьишко синего крепдешину.

Шепоток пошел среди некоторых женщин: Лялька — жена? А что в ней? Немолода. Неприметна. Некрасива. Платьишко не по моде. В разговоре не блеснет. А ведь он атаман! Он красавец! Он талант!

А я слушаю да думаю: чьего таланта в этом самолете больше — его или ее?..

VIII

Всем ведомо, что есть талант конструктора, музыканта, художника. А может, есть еще один талант — редкий, тихий, неприметный, изо всех самый некорыстный — талант жены?

Никто меня не спросил, а спросили б, я рассказала б.

Семеро сыновей у меня. Семеро невесток.

Все хороши, все любимы, а одну среди всех называю дочкой. Как погляжу на ее бледное личико, так само сердце выговаривает: «Лялюшка, мила моя доченька...»

Никто меня не спросил, а спросили б, я рассказала б.

Семеро сынов у меня. Семеро невесток.

Шестеро из них ко мне приходили, так мне говорили: Спасибо вам, мама, за вашего сына, моего мужа. Вырастили вы человека людям на радость, жене на счастье.

А к седьмой моей невестке я сама пришла, сама ей сказала:

— Спасибо тебе, Лялюшка, мила моя доченька, за моего сына, твоего мужа. Подняла моего Оброньша, сделала из него человека людям на радость, матери на счастье.

Озеро Кирек

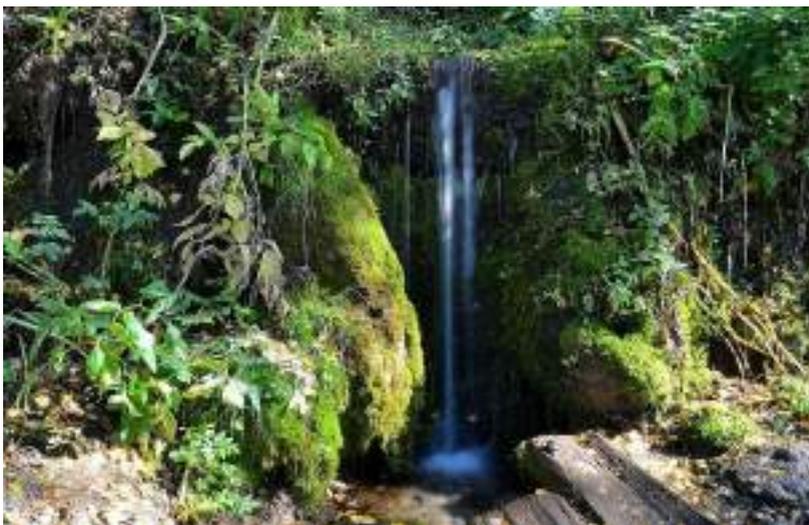
Камень Боец

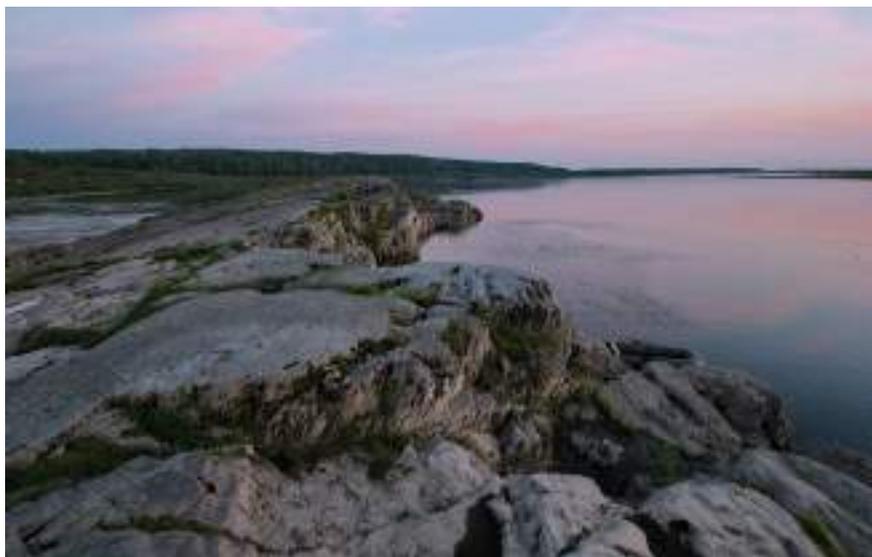
Нагорный Иштан

Таловские чаши

Ды́звездный ключ

Аникин камень

Аникин камень Яр

Синий утес

Кандинское водохранилище

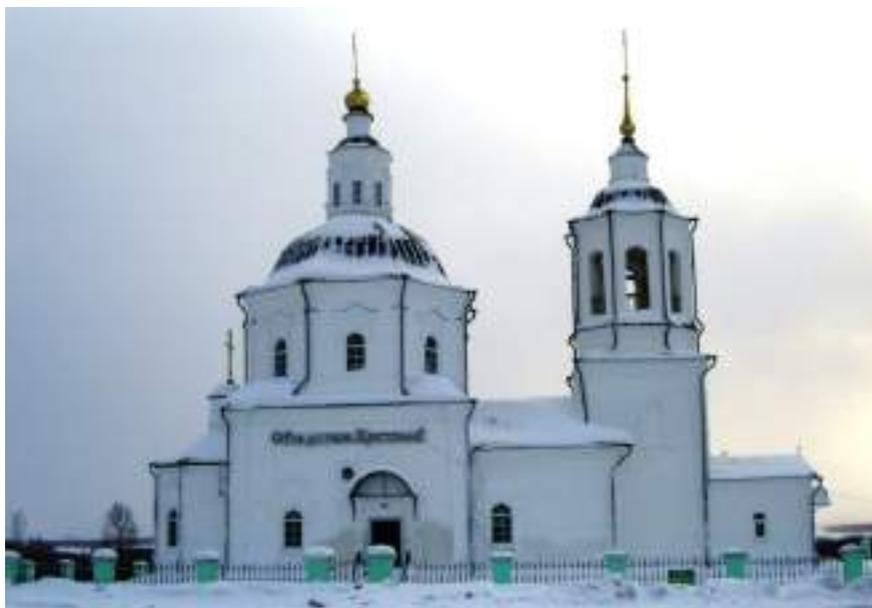
Семилуженский казачий острог

Петропавловская церковь, село Нагорный Истан

Церковь во имя Покрова Пресвятой Богородицы, село Петухово

Церковь Спаса Нерукотворного, село Коларово (Спасское)

Зоркальцево памятник лосю

Зоркальцево Первый сельский парк Околица

Александр Иванович
ПАНОВ

Родился 10 января 1956 года в городе Колпашево Томской области. После окончания Колпашевской школы №4 поступил на физико-математический факультет Томского государственного педагогического института. С 1978 года — учитель физики и информатики Богашевской школы Томского района, затем (1988–1991) — научный сотрудник Томского филиала НИИ ТООиПО Академии педагогических наук СССР. С 2001 года трудится в сфере повышения квалификации работников образования Томской области.

Печатался в областных газетах, альманахе «Сибирские Афины», журналах «Начало века», «Дети Ра» (Москва), «Южная звезда» (Ставрополь), ряде коллективных сборников. Член Союза писателей России с 2010 г., с 2011 г. руководит творческим объединением «Литературные четверги» при областном Доме искусств.

***

Разлука — преддверие встречи.
Мы встретимся горю назло.
Но время тревоги не лечит,
И память молчит тяжело.

Любовь, словно камень, остыла.
Конечная веха близка.
И сердце навеки пронзила,
Холодная злая тоска.

И вздрогнет душа на рассвете,
Поднимется день на крыло...
Мне жить одиноко на свете,
Мне быть без тебя тяжело.

***

Тебе со мной бывает больно.
Бывает мне с тобой больней.
Но я спокоен, ты спокойна —
Мы в круговерти дел и дней.

В покое не найти ответа —
Нам жить и выжить лишь в пути.
Но все пройдет — пройдет как лето.
Прощаю я, — и ты прости.

Мы знаем — жизнь не идеальна.
Мы верим — жизнь любви полна.
И потому, не будь печальна.
И потому не будь грустна.

***

Рубаху белую надену,
Рубаху черную сниму, —
Я сдую ложь любви как пену.
Я смело истину приму.

Я сквозь грядущие морозы
Пройду, не ведая невзгод,
И пусть судьбы метаморфозы
Заронят счастья свежий плод.

Но, коль не сдую ложь как пену,
Коль правду жизни не приму, —

Рубаху белую сниму,
Рубаху черную надену.

***

Не звони мне,
Прошу, не звони,
Отлучи, отучи, оттолкни,
Позабудь, отступишь, отстрани, -
Равновесие сердцу
Верни.
Но тревогой
Наполнены дни —
Позвони, позови, помани,
Успокой, притворись, обмани, —
Только горькое счастье
Верни.

***

Я живу, что бы жить, ни на что невзирая.
Ничего не боясь, ни о чем не грустя.
Я остался один, и листва догорая,
Под ногами моими ворчит, шелестя.

Замирает октябрь, набухает прохлада.
Я живу, что бы жить, забыв о былом,
Я устал от любви, ничего мне не надо,
В этом мире печальном и в мире ином.

Я живу, что бы жить, невзирая на горечь,
Никого не любя, никого не кляня,
И бушует тоски бесконечное море,
И волна за волной накрывает меня.

Я живу, что бы жить...

Галина Александровна
ПИМОНОВА

Пимонова Галина Александровна родилась городе Томске в 1956 году в семье простых рабочих, в настоящее время — жительница посёлка Копылово.

В детстве часто болела, была замкнутым ребёнком, и чтобы себя чем-то занять увлеклась творчеством: писала стихи, рисовала. Галина Александровна считает, что большую роль сыграла в этих увлечениях наследственность: отец сочинял юмористические стихи, а дядя был художником. В средней школе была бессменным участником редколлегии, продолжала сочинять стихи. Пару раз печаталась в центральной газете «Пионерская правда».

После окончания школы, в 1975 году, поступила во взрослую художественную школу, закончив которую пришла работать художником-оформителем на томский манометровый завод в Бюро эстетики. Работу свою любила, ходила на неё, как на праздник целых 14 лет. Галина Александровна вспоминает, что это были самые замечательные годы её жизни.

Потом была другая работа, совсем не творческая, но Галину Александровну никогда не переставала привлекать любая художественная деятельность: дизайн, резьба по бересте, и вообще любит делать красивые вещи своими руками из любых материалов. Уже повзрослели дети, подрастают внуки. Теперь в основном им она посвящает свои стихи, пишет поздравления в стихах для своих односельчан и знакомых.

МОЯ РОДИНА В ТОМСКОМ РАЙОНЕ

Не суждено родиться в Барселоне,
И на Канарах жить не суждено.
Моя Родина в Томском районе.
В Сибири родиться мне Богом дано.

Нет здесь модных бутиков,
Нет подземных переходов.
Меньше сотни здесь домов
Вместо парков огороды.

Здесь над рекою утренний туман,
И поутру в траве прозрачная роса.
А по ночам такая тишина,
Что слышно только птичьи голоса.

Здесь нет больших красивых площадей,
Зато в лесу бескрайние поля.
И нет земли любимей и родней,
Чем Томская родимая земля!

***

Область Томская — большая:
Деревни, сёла, города.
Я в Копылово проживаю,
Здесь поселилась навсегда.
Наш посёлок так хорош
В округе лучше не найдёшь,
И для жизни всё здесь есть,
Всех удобств не перечить.
Всем удобно и комфортно,
Одеваются здесь модно.
Школа, сад и есть аптека,
Клуб и в нём библиотека.
В нём проводятся концерты,

Встречи, выставки, банкеты.
В посёлке много магазинов,
Подростковый клуб спортивный
Под названьем «Одиссей»,
Он стране известен всей.
Дети плавают на лодках,
Ходят в дальние походы.
Для посёлка клуб — находка.
Есть предприятия, заводы.
Добывают здесь песок.
Речка есть и есть озёра,
Природа, фауна и флора,
А вокруг такой лесок.
Тут и кедры, и берёзки,
И в лесу полно грибов.
Наш посёлок копыловский
в гости всех принять готов.
Приезжайте, посмотрите,
Может, жить здесь захотите!

**Владимир Иванович
ПОБЕРЕЖНИКОВ**

**Из воспоминаний жены Сталины Петровны
Побережниковой**

Родился Владимир Иванович в Чановском районе Новосибирской области, у большого озера Чаны в 1929 году. Когда ему исполнилось 10 лет, отец Иван Алексеевич вернулся с финской войны в звании капитана Советской Армии. Отец сказал, что скоро будет война с Германией, решив перевезти всю семью в безопасное место, на север Томской области в Белый Яр. Он немного проработал директором на местном рыбзаводе, и, действительно, вскоре началась война. В середине 1942 года, под Ленинградом, погиб отец, его фамилия есть на стеле в Лагерном саду.

Маленький Володя подключился к помощи фронту. Вместе с другими добывал рыбу, на заводе её перерабатывали и отправляли на фронт. Владимир Иванович имел почётное звание «Труженик тыла». Там же в Белом Яру он начал первые пробы пера и одновременно учился игре на баяне у ссыльного музыканта.

После окончания школы он, как и его сестра, поступил в институт железнодорожного транспорта, был направлен по данной специальности в Читу, где проработал недолго. Тяга к писательскому творчеству требовала своё, и он уехал в Томск, узнав, что есть поэтический клуб при пединституте, куда и поступил на литературный факультет. На творческих встречах в клубе читатели молодые поэты свои произведения, обсуждали их, приезжали в их клуб братья Казанцевы, а главное посетил их Роберт Рождественский, который посоветовал Владимиру Ивановичу напечатать стихотворение «Геологи» в журнале «Юность», что он и сделал. Потом печатался в «Томских альпинистах», газетах: «Красное знамя», «Правда Ильича». Он много общался с Томскими писателями,

а Михаила Андреева пригласил на встречу с учащимися Копыловской средней школы. Молодой поэт рассказывал о себе, почитал новые стихи, слушали музыкальные записи песен группы «Любэ» на стихи Андреева.

Владимир Иванович также выступал со своими произведениями в пос. Рассвет, а в молодые годы в сёлах Реженка, Конинино, Кудрово. На свои стихи Владимир Иванович сочинял и песни. Его ансамбли мальчиков считались одними из лучших в Томской области. А хор копыловской школы занимал на смотрах художественной самодеятельности ведущие места. Голоса Сафронова, Зубко И., Котовцевой Г., сестёр Бузмаковых и других учеников Владимира Ивановича помнили в школе долго. Владимир Иванович сотрудничал с педагогами школы. Так с преподавателями иностранного языка готовил вечера на немецком языке. Благодаря этому, некоторые выпускники, служившие в Германии были зачислены в ансамбли песни. Например, Фатеев Толя пел в знаменитом немецком ансамбле имени Бертольда Брехта. По возвращении со службы в школе провели вечер, на котором Анатолий рассказывал о своей необычной службе, показывал фотографии из солдатского альбома, пел.

При жизни Побережникова В.И. было выпущено две книги. В настоящее время готовится к изданию книга рассказов.

Из воспоминаний библиотекаря п. Копылово Виктории Витальевны Уманец

Этого человека можно охарактеризовать несколькими точными словами: интеллигент с рождения, энтузиаст по жизни, а по сути — добрейший человек.

Я знала Владимира Ивановича с того времени, как приехала в 1971 году с родителями в Копылово. Пошла в детский сад, он был там музыкальным работником, затем в школе — нашим учителем пения, руководителем школьного хора. На пение ходили все! Мы были «заражены» хоровым, сольным и т.д. пением. Владимир Иванович был до того увлекающимся и непосредственным человеком, что во время урока мог не заметить как один из моих одноклассников мог привязать шнурки его ботинок к стулу. А сидел он чрезвычайно мало, потому что любил аккомпанировать, подкидывая баян, притопывая ногой и быстро передвигаясь по классу. Всегда безошибочно точно определял талантливые

детские голоса, но и даже те, кому «медведь на оба уха...», а желание петь было, никогда не оставались без его внимания. И вот, однажды, незадолго до своего ухода пришёл Владимир Иванович в библиотеку и вручает два сборника своих стихотворений: «И про школу, и про нас», «...И с тобою и со мною!». Я тогда попросила написать на одной из книжек автограф. Написал: «Дорогим односельчанам, Копыловцам, для доброй памяти!», а через полгода его не стало.

СИБИРЬ МОЯ

Воротником полярных льдов
Скрутились северные вьюги,
Сибирь под пологом снегов
Раскинулась в нарядной шубе.
Морозный блеск твой так суров,
Сибирь моя, о край лесов!

Но вот уж всполохи весны,
Играя в зелени дремучей,
Несут и пенье птиц лесных,
И буйство трав, и громы тучьи,
И шёлк цветов, и звон ручьёв,
Сибирь моя, о край лесов!

Заводят песни рыбаки,
И серебрятся сети рыбой;
По складкам пенистой реки
Плывут плоты за глыбой глыба.
Гремят дела без лишних слов,
Сибирь моя, о край лесов!

Подняты степи целины,
Вулканят воду рек плотины,
Взлетают в бездну вышины
Из топок заводских седые дымы.
Гремят дела без лишних слов,
Сибирь моя, о край лесов!

И драгоценный блеск камней,
Металлы, нефть, искрящий уголь
Дарит Сибирь в сияньи дней
Трудолюбивым русским людям.
Ты, песня, славь сибиряков!
Сибирь моя, о край лесов!

МОЙ КРАЙ!

...Дом родимый, край любимый:
Глубь лесов и ширь полей,
И овражки, и пригорки,
Небо алое, на зорьке
Переклички журавлей.

Отливая черносливом,
Скворчки сидят на ивах,
Птичьи песенки поют;
На ветвях весёлой стайкой
Пляшут солнечные зайки,
В небе ласточки снуют.

Белопенными струями
Речка бьётся меж камнями,
Утром к ней бежим скорей,
Из водицы говорливой
Подсекаем торопливо
На ушицу пескарей.

Лес аукает стозвонно,
Собираем ягод тонны
И целебных ценных трав,
Быстро лазаем по кедром —
Сверху вниз потоком щедрым
Шишки ухают, упав.

Там, где речка, солнце, небо,
На полях, в лесу — везде мы,
На подъём всегда легки!
Здесь растём мы и росли мы,
Дом родимый, край любимый,
Для тебя мои стихи!

ВЕСЕННЕЕ

В голубое, лазурное море
Солнце льёт паутинки-лучи;
Птичьим гомонам ласково вторя,
Шелест ветра, как арфа звучит.

Разлилась изумрудная зелень
По полям, и по кущам лесным;
Заполняет мельчайшие щели
Ароматная свежесть Весны.

И в воздушном капроновом блеске
Вижу юность, ушедшую вдаль,
Но в душе все восторги по-детски,
И прошедшего вовсе не жаль.

Пусть бегут ручейками морщины,
Пусть пушится метель седины,
Не дружу я с тоской и кручиной,
Мне по-прежнему дали ясны.

Если весь ты живёшь настоящим,
Если в завтра так сердце зовёт —
Это то, что считается счастьем,
Это жизни могучий полёт!

МУЗЫКА

Музыка, есть музыка! А зачем нам музыка?
Ну её к шутам!
Говорят, толковенький наш учитель новенький —
Всё равно к шутам.
...И вот у нас на пении идёт столпотворение:
Ауканье, мяуканье, мычание и ржание,
А вторы тянут «бэ-э-э»! Стоит учитель пения,
Стоит в остолбенении, Глядит в недоумении,
На нас, на пятый «Бэ»...
— Но это возмутительно! — сказал он выразительно. —
— Я прислан к вам учителем, а тут хоть убегай!
В ответ как по заданию мы дружно со старанием
Подняли на всё здание и визг, и писк, и лай!
Отставить представление! — вскричал учитель пения —
Ведь это ж стыд и срам!..
И вдруг на удивление ушёл без промедления
И не вернулся к нам.
Вот это приключение! остался класс без пения,
Один лишь пятый класс. и хоть бы в назидание
Нам дали наказание, иль просто замечание —
Забыли все про нас...
Но слышим справа, слева мы,
Как новыми напевами все комнаты звенят,
Как с песнею весёлою выходят всею школою
На праздничный парад.
Хористы и солисты, танцоры, баянисты —
Не перечеть кружков!
И не жалеет времени учитель наш по пению
Для всех учеников.
И только нам обидно и больно, и завидно,
В глаза друг другу стыдно, как вспомнишь заглянуть.
Хоть сами виноваты, но просим вас, ребята,
Помочь, чтоб в класс наш пятый
Учителя вернуть!
Мы больше никогда не будем баловаться!

Валентина Николаевна **ПОСКОНИНА**

Валентина Николаевна Посконина родилась в 1928 году в селе Турантаево Туганского (Томского) района. Детство прошло в деревне, отсюда любовь к природе, книгам, интересным людям. В центре ее внимания всегда был богатый событиями драматический мир человека. Жила, работала, растила детей. 43 года отдала школе, преподавала русский язык и литературу. Все, что было лучшее в ней, старалась передать своим ученикам. Стихи и рассказы писала с детства, но серьезно заняться этим, не было времени. Все что написано в последние годы, все от чистого сердца и беспокойной души.

ДЕТИ ВОЙНЫ

Долго будут еще помнить люди Великую Отечественную войну — главное событие двадцатого века.

На шестьдесят лет отодвинулись радостные события 9 мая 1945 года — День Победы над фашистской Гитлеровской Германией. Дети тех военных лет радовались больше всех в День Победы — 9 Мая 1945 года. Сегодня они уже старые люди. Они родились и жили в другой России — в Советской. Они помнят, что было раньше. Сегодня вдруг стало все другое — другая жизнь, другие мечты, другие радости и заботы.

«Мы только с виду старики.
В душе мы истинные дети.
Мечтаем, верим чудаки,
Нам жизнь дают надежды эти!»

Как живые встают в памяти картины из детства. Перед войной в деревне появилось радио. Большие, черные репродукторы, так их называли, взорвали сельскую тишину улиц: «Загудели, заиграли провода, мы такого не видали никогда!..» Мелодию этой песни только старшее поколение знает.

Разве можно забыть, как дети сельской школы встречали первые тракторы за селом. Шли колонной навстречу тракторному шуму. С этим шумом в село шла новая жизнь! Ее радостно встречали дети — новое поколение страны!

Тракторы остановились. Особенно рады были мальчишки. Несколько счастливых посадили на тракторы, и они гордо въезжали в село, неся новое в деревенскую тишину. Жизнь быстро менялась.

И вдруг Великая Отечественная война изменила все: вместо радости — слезы, вместо радостных встреч — разлука.

Выступление Молотова, потом Сталина.

На площади, в центре села, через несколько дней провожали на фронт мужчин. Здесь были и слезы, и клятвы, и музыка, и объятия. Мужчины уезжали на телегах. Маленькая девочка, моя сестра (мне было двенадцать лет, ей только шесть) долго бежала за телегой и кричала, утирая слезы:

— Папа! Не уезжай! Не уезжай! — этот крик она помнит и сегодня. Прошло шестьдесят лет, а забыть нельзя. И отца давно нет. Он умер дома, вернувшись с войны с тяжелыми ранениями. И все-таки была радость встречи! Эта радость не у всех была. Многие простились навсегда на той площади в центре села в 1941 году. Потом часто похорожки оплакивали в каждом доме всем селом.

И работали теперь почти одни женщины и дети. Мы, дети, собирали на полях колоски, как птицы. Как птицы ищут зерна, мы искали и подбирали каждый колосок. Копали картошку в холодные осенние дни посиневшими руками.

В 1941 году в селе появилась военная часть, состоящая из девушек. Как они были красивы! Мы, дети, им завидовали. Мы были наивны по-детски. Скоро девушек в селе не стало — уехали на фронт. Кто остался из них жив? Умерли их песни вместе с юной красотой девушек!

А из блокадного Ленинграда (восьмого сентября — начало блокады Ленинграда) в село приехали первые эвакуированные. Теперь в сельской школе были ученики и из Ленинграда (Коля Козлов — одноклассник). Мы читали детские газеты «Пионерская правда», «Юный Ленинец», по карте следили за движением фронта. Сокрушались, когда отступали наши войска, ликовали, когда читали о наступлении, о победах.

Зимой в 1941 году две гордые девчонки, подружки, отличницы учебы писали письмо Сталину, чтобы разрешил двум шестиклассницам пойти санитарками на фронт, потому что они любят Родину, готовы быть на переднем крае борьбы за свой народ, за село, Родину, уверяли, что трудностей не боятся и умеют многое: перевязать любую рану и оказать первую помощь. Этому они научились в кружке ГСО (готов к санитарной обороне). Письмо с почты вернули в школу!

Две слабенькие девчонки плакали, когда завуч школы, музыкант и прекрасный педагог (тоже позднее ушедший на фронт) говорил: «А здорового мужика-солдата, тяжело раненого в бою, истекающего кровью, ты дотащишь до санбата? Нет! Он умрет, может быть, по твоей вине! Подрастите, наберитесь сил! Вам учиться надо! После войны нужны будут ученые ...» Он много хороших слов сказал о наших детских еще порывах души: «Пронесите пламя своей души через всю жизнь. Главное — не коптить небо, надо жить, освещая светом добра, красоты, правды все вокруг». Он повторил слова Павки Корчагина из «Как закалялась сталь» Н. Островского: «Жизнь дается человеку только один раз и прожить ее надо так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы»...

Эти две маленькие патриотки знали из газет «Пионерская правда» и «Юный Ленинец» о мальчишках — беглецах на фронт. Их возвращали чаще и вовсе не хвалили. Девчонки не хотели быть беглецами, поэтому и решили написать Сталину. Некоторые мальчишки оставались среди военных. Сыном полка становились немногие. А девчонки продолжали учебу. И зимой, и летом, помогая фронту вместе с родителями. Особенно трудно было летом и осенью! Но трудностей не боялись, их преодолевали!

Летом работали в подсобном хозяйстве военного завода, эвакуированного из Ленинграда. Их много в Томск прибыло, более тридцати,

наверное. Жили мы, дети, в землянках, ночевали в них, испытывая неудобства: сырость, блохи. Блохи были страшнее всего. Они превращали детские тела в сплошной красный ковер. Раз в неделю приходили домой. Помню, мама ужаснулась, увидев меня, искусанную блохами. Чем-то мазала несколько дней, прежде чем отпускать опять в поле на работу.

Зимой мы, дети, учились и помогали тем, кто нуждался. Тимуровские команды не дремали.

А взрослые: и мамы, и бабушки по ночам с керосиновой лампой вязали перчатки солдатам с двумя пальцами (большим и указательным), чтобы зимой, в холода, удобно было стрелять солдатам по врагам. Дети помогали вязать. По целому мешку приносила бабушка и мама из заготовительного пункта шерсти. Ее надо было растеребить. Этим и дети занимались. Потом вся семья прядла и вязала.

Такая «фабрика» была почти в каждом доме. Мы ковали победу, напрягая силы до предела.

А в школе нас учили теперь только женщины— учительницы. Наш любимый учитель начальных классов Иннокентий Максимович Маршев погиб в начале войны. Похоронку оплакивала жена и дети, теперь сироты. Мы, ученики, плакали, не стесняясь слез.

А математик, который учил нас в 5 классе, тоже погиб. Его мы все очень любили. А он был влюблен в историчку, в красавицу с длинными косами. Теперь она была всегда грустная. Война убила жизнь, их любовь, их счастье!

А разве можно забыть, как возвращались солдаты совсем без ног? Мы, дети, это видели. Нам было страшно! И каждый надеялся и верил, что его отец вернется с войны живым!

И 9 Мая пусть станет призывом к миру всем, кто сегодня не хочет войны.

— Люди! Берегите мир! Это ко всем обращаются дети Великой Отечественной войны. Пусть сегодняшние дети, большие и совсем маленькие, живут в мире счастливом и прочном!

Пусть лица детей и взрослых украшают радостные улыбки! Разума всем, добрые люди, и любви друг к другу, терпимости!

***

Мы — дети войны, мы — дети войны.
Сегодня — мы старые люди.
Тревогою души наши полны,
Но нет в этом нашей вины.
Мы помним радость Победы...
Смеялись и плакали — все ликовали.
Четыре ведь года Победу ковали...
Радость сегодня — оттолкнули мы беды!
А трудности нас всегда поджидали,
Как с ними бороться, мы знали.
Каждый из нас готов грудью закрыть
Народ свой, страну защитить.
Мы строили снова и снова.
Война натворила нам бед очень много.
Разруху мы дружно все победили.
Враги не дремали: коварством нас били, но не сломили.
Нас просто нельзя победить,
Нас просто нельзя и сломить —
Всем людям Земли надо жить,
Бороться за счастье и крепко дружить!

*Анна Ивановна
СВЕРКОВА*

Родилась в д. Новосёлово, Колпашевского района. После окончания школы поступила в медицинское училище. 51 год проработала медицинской сестрой. Принимает активное участие в жизни села. Постоянный участник всех культурно-массовых мероприятий поселения.

***

Сторона моя сторонушка,
Ты сторонушка родимая,
Край суровый, край метельный,
Нет нигде тебя любимее.
Кедры здесь растут могучие,
И берёзки хороводятся.
И девчоночки певучие,
Про любовь поют, как водится.
Люди здесь живут надёжные,
Песни здесь поют напевные,
Край любимый, край таёжный,
Он зовётся Малой Родиной.
На покосе травы росные
Пахнут мёдом — не надышишься,
И кукушки ясновидящей
Предсказания услышишь ты.
Здесь рассветы и закаты
Несказанной красоты.
И ромашковые заросли
Возвращают в мир мечты.

ОТЧИЙ КРАЙ

Отчий край и суров и не ласков,
Но как дорог мне каждый твой уголок.
Было всё здесь и тепло, и ненастье.
Радость первой любви и разлук холодок.
Отсюда и братьев на фронт провожали.
Повезло им,
Живыми вернулись назад.
Землю к жизни потом возвращали,
Не жалея трудов и не зная преград.
Здесь простор необъятный, безбрежный
И река, как судьба величаво течёт.
Отчий край, от тебя не уйти, не уехать,
От твоих белоствольных берёз.
Время мчится над нами, как птица.
Вот уж покрыла виски седина...
Пусть ручей поколений неспешно струится.
Отчий край, я и детям и внукам тебя передам.

Мария Леонтьевна **ХАЛФИНА**

БИБЛИОТЕКАРЬ, УЧИТЕЛЬ, ПИСАТЕЛЬ

Мария Леонтьевна Халфина родилась в 1908 году, 14 марта в с. Пуштулим (или Пушталим) Ельцовского района Алтайского края. Сестра известного геолога, профессора ТПИ, заслуженного деятеля науки РСФСР Леонтия Леонтьевича Халфина (1902–1977). В Бийске окончила 7-летнюю школу. Работала избачом, а также ликвидатором неграмотности в с. Излап Солтонского района Алтайского края. В 1933 году окончила Томский библиотечный техникум. Впоследствии преподавала в техникуме, была завучем, преподавала библиотечное дело в Томской краевой совпартшколе и была заведующей ее библиотекой.

С 1949 по 1960 годы жила в пос. Моряковский Затон Томского района, где руководила работой городской (поселковой) библиотеки. Была также организатором художественной самодеятельности в поселке (хор пенсионеров, народный театр, агитбригада). Трижды избиралась в Моряковский поселковый совет депутатов трудящихся.

Сначала библиотека располагалась в здании парткабинета Моряковского судоремонтного завода. Затем было решено строить библиотеку методом народной стройки. Здание было построено за 6 месяцев, и было открыто в январе 1951 года. Под руководством М.Л. Халфиной библиотека стала одной из лучших библиотек Томской области, победителем республиканского конкурса «Лучшая библиотека РСФСР». Высокого звания «Лучшая библиотека области» Моряковская библиотека удостоивалась в 1958 и в 1960 году. Уже в 1949 г. по итогам областного смотра культпросветучреждений библиотека

за культурное обслуживание трудящихся была награждена Почетной грамотой. В 1957 году издана первая книга Халфиной — «Библиотека Моряковского Затона» (М., Госкультпросветиздат).

В 1961–1966 годы жила в с. Рыбалово Томского района. Работала в Рыбаловской библиотеке, с 1963 г. в совхозе «Рыбаловский» руководила на общественных началах парткабинетом и заведовала партийной библиотекой совхоза. В Рыбалове написаны основные литературные произведения М.Л. Халфиной.

30 мая 1962 года в газете «Комсомольская правда» опубликован рассказ «Два слепых сердца», вызвавший много читательских откликов. Данную публикацию Мария Леонтьевна считала началом своей профессиональной писательской деятельности. В 1964 году в Новосибирске вышел первый сборник её рассказов — «Мои соседи».

В 1966 году М.Л. Халфина принята в Союз писателей СССР. В этом же году в журнале «Огонек» опубликованы повесть «Мачеха» (№ 4–6) и «Простая повесть» (№ 35–39). Издан сборник рассказов «Живет рядом семья...» (М.: Политиздат), который был представлен на I-й Московской международной выставке в июле 1967 года и был первой книгой томского писателя на таком значительном книжном форуме.

В 1973 году на экраны страны вышел фильм «Мачеха» поставленный по одноимённой повести М.Л. Халфиной. Инициатором экранизации была актриса — Татьяна Доронина, написавшая Марии Леонтьевне письмо с предложением снять по ее повести фильм. По итогам опроса читателей журнала «Советский экран» (более 20 тысяч человек) кинофильм «Мачеха» был признан лучшим фильмом 1973 года, актером, получившим наибольшее признание зрителей, была названа исполнительница главной роли в фильме — Т.В. Доронина.

По рассказу «Безотцовщина» поставлен одноименный кинофильм в 1977 году. Актриса Елена Драпеко за исполнение роли в фильме была удостоена премии Ленинского комсомола.

Мария Леонтьевна вела работу над литературным киносценарием по своему произведению «Простая повесть». Фильм планировали снимать на Свердловской киностудии, главную роль должна была сыграть актриса И. Чурикова (фильм не был поставлен).

С 1981 по 1983 год по собственной инициативе прожила в Томском областном доме-интернате для престарелых общего типа «Лесная дача» (Шегарский район), где собирала материалы для новых произведений о положении престарелых людей. Часть ее очерков на основе увиденного и пережитого была опубликована в 1982–1983 гг. в газете «Советская Россия» и журнале «Огонек».

В марте 1988 года в Томске прошли торжественные мероприятия, посвященные 80-летию со дня рождения писательницы. В Доме творческих организаций состоялся литературный вечер. М.Л. Халфиной была вручена Почетная грамота Союза писателей РСФСР. Также она была награждена орденом «Дружбы народов», медалями «За доблестный труд в Великой Отечественной войне» и «За трудовую доблесть», неоднократно награждалась почетными грамотами областной и районной администрации. Умерла Мария Леонтьевна 24 ноября 1988 года в Томске. Похоронена на Бактинском кладбище. Сын М.Л. Халфиной Алексей передал личный архив своей матери на хранение в Моряковскую библиотеку. В августе 1995 года решением Государственной Думы Томской области (№ 165) Моряковской библиотеке присвоено имя М.Л. Халфиной. В библиотеке действует постоянная экспозиция, посвященная жизни и творчеству М.Л. Халфиной, проводятся Халфинский чтения.

РАССКАЗ «УЛЬЯНА МИХАЙЛОВНА»

Перед самым пробуждением приснилась река. Просторный, синий речной плес, бездонное, синее-синее небо, и из этой синевы, откуда-то справа, льются потоки света. Заросли черемухи окаймляют синюю глубину излучины, а над зеленой каймой отвесный песчаный берег... и там, наверху, на самом обрыве, могучие, прямые, как свечи, сосны. Он плывет вдоль зеленого берега, стоя в большой плоскодонной лодке. Под подошвами сухие, прогретые солнцем доски.

Вениамин Павлович потянулся со сладостным стоном. Эх, жаль, что сон-то достался короткометражный, но... за открытым окном, словно продолжение сна, синело небо, комната была полна утренней свежести и праздничного света.

Какое же это все-таки блаженство — возвратиться домой! После трехмесячной нервотрепки, холода, грязи, ночевки в бараках и палатках...

Уже к середине зимы положение на трассе создалось гиблое. И все синяки и шишки за чужие грехи — за просчеты изыскателей и проектировщиков — ему пришлось взять на себя. И он вытянул. Вывез. Несмотря на весеннюю распутицу, на нехватку механизмов и рабочей силы, на все огрехи в проекте.

Конечно, в тресте знают, на чьи плечи можно взвалить такой груз. У Смолянинова плечи широкие и голова на этих плечах посажена не дубовая, как у некоторых... Как он, этот чудаковатый дед Часовников с пятого участка, сказал, провожая его к машине: «Ну, рискованный ты мужик, Вениамин Павлович, рискованный и удачливый».

Удачливый. Ну что ж, пусть будет так. Но удача — бабенка взбалмошная, с капризами. Она тоже не каждому в руки дается.

А здорово вчера его в тресте принимали, когда он, прямо со своего заляпанного грязью вездехода, ввалился к начальству.

Впереди отпуск, Ялта, море...

«Самое синее в мире, Черное море мое...» — тихонько загудел Вениамин Павлович, блаженно потягиваясь, под белоснежной простыней.

В столовой послышались легкие шаги. Вениамин Павлович закрыл глаза, сонно распустил губы и старательно засопел. Чуть скрипнула дверь. Валерия на цыпочках скользнула к шифоньеру. Ага, скатерть достает новую, салфетки крахмальные. Итак, предстоит праздничный завтрак в ознаменование победоносного возвращения главы дома в лоно семьи.

Вениамин Павлович стремительно выбросил руки. Тихонько вскрикнув, Валерия навалилась ему на грудь: «Венка! Жадюга ненасытный, тише. Ребята проснулись!»

Давясь от смеха, она вырвалась из его цепких рук и, оправляя волосы, строго скомандовала:

— Вставать! В душ и за стол!

Господи-боже, ну кто поверит, что у этой тоненькой синеглазой девчонки шестнадцатилетняя дочь, что рослый богатырь, этот босяк Алешка, — ее сын?!

Забавная штука — после семнадцати лет брака быть влюбленным в собственную жену. Еще лучше знать, что и для неё ты единственный, что, кроме тебя и ребят, ей никто не нужен. И откуда взялась в ней эта домовитость, сноровка и умение в домашних делах?

Говоря по правде, семнадцать лет сидела она за спиной тетки Ули. Пять лет в институте, потом с головой ушла в работу. Домой приходила ко всему готовому. И с ребятами горя не знала. Ее дело было — выносить да родить хороших ребят, а нянчила и растила их баба Уля... бабуля. Так же, как растила его, осиротевшего шестилетним пацаном... Нехорошо все же получилось... Сорвалась, уехала куда-то к черту на рога. И чего их с Валерой в последнее время мир не стал брать? Такая была всегда славнецкая старуха: веселая, бодрая... и ребята к ней были привязаны. Видимо, у всех у них под старость характер портится... ворчать начинают, стонать, хныкать.

Наша хотя и не хныкала, но нелады у нее с Лерой начались серьезные. Правда, не при детях. Уж в этом отношении тетка Ульяна была молодец. Детей она берегла. Иногда Валера ее чем-нибудь заденет при ребятах — она отойдет, отмолчится. Зато потом дуется неделю или, Лерка говорила, истерику у себя в комнате закатит... Нет, надо было все же поговорить с ней хоть раз... выяснить, чего ей не хватает. Ну да ладно, леший с ней, уехала и уехала, ее дело. По крайней мере, Валерия повеселела, хозяйничает, хлопочет... Конечно, ей теперь туговато приходится, ну ничего, тетка ребят к работе приучила, половину домашних дел выполняют Ирина и Алешка...

Вениамин Павлович не выносил бабьих склок и сейчас, в это праздничное утро, досадливо отмахнулся от неприятных мыслей...

Ульяна Михайловна действительно старуха была неплохая. Из породы неунывающих. Смолоду работать на производстве ей не пришлось. Замуж она попала на девятнадцатом году в большую и нескладную семью. Старик свекор и пятеро парней лесенкой. Старшему двадцать пять, младшему одиннадцать. При шести мужиках одной хозяйке и по дому работы хватало. Муж ей достался хилый, прожил недолго. Пока был жив свекор, Ульяна Михайловна держалась в доме за хозяйку, хотя в семью уже пришли еще две молодые невестки, но когда и свекра снесли на кладбище, никакого смысла не стало батрачить на взрослых деверьев и сношенниц. Детей у нее не было,

а одна голова не бедна. Продала телушку, что выделили ей деверья из небольшого хозяйства, уехала на шахту и устроилась, по трудным временам, неплохо. Работала кастеляншей в небольшом санатории, в трех километрах от шахтерского поселка. По вечерам ходила в люди: помыть, постирать, с ребяташками подомовничать. Жила в крохотной каморочке при бельевой — бесплатно. Питание тоже большого расхода не требовало. То повариха кликнет похлепать щей, оставшихся от обеда отдыхающих, то после уборки квартиры или стирки пригласит поужинать хозяйка. Так что иной месяц всю зарплату целиком можно было потратить на одежду или в копилку отложить.

За нарядами Ульяна Михайловна не очень гналась. Но тут как раз наметилась у нее перемена в жизни. Присватался жених из шахтеров, мужчина одинокий, самостоятельный, с приличным заработком.

Приходилось высчитывать каждый рубль на случай, если дело сладится. Не идти же в дом жениха раздетой-разутой и без копейки в кармане.

Дело шло к свадьбе. Но словно снег на голову пришло известие, что младшая, единственная сестра — Тонька беспутная — умерла, а мальчишкой ее пригульным распорядиться некому.

Сестры были в давней ссоре. Тонька за многие годы даже ни на одно письмо Ульяны Михайловны не ответила.

Но теперь старое вспоминать было не время. Отпросившись на неделю, сняла с книжки все свои скопленные гроши, съездила, похоронила сестру честь честью, а шестилетнего Венку привезла с собой. И вся жизнь ее пошла кувырком. Самостоятельный мужчина вопрос поставил ребром: тетка не мать, мальчику место в детском доме.

Сколько тогда она наслушалась поучений, упреков, советов!

— Ты, Уля, с ума-то не сходи, — убеждали ее бабы,

— Такого человека упустить — это ж идиоткой быть надо. И ради чего! Был бы сын родной, ну тогда, конечно, тогда другое дело...

От этих уговоров Ульяне Михайловне становилось еще тошнее. Господи, ну как люди могут не понимать?! Тоньку-то она в зыбке укачивала, на загорбке таскала, пока та не научилась бегать... А Венка — Тонькин сын, у него же ни отца, ни бабки, кому он нужен, кроме нее?

О детском доме и слова не допускала. Детский дом — для безродных подкидышей, а Венка не безродный, у него родная, кровная

тетка есть. Жить с ребенком при бельевой ей, конечно, не разрешили, пришлось снять частную комнатуху на окраине поселка, за три километра от работы. И дрова и уголь надо было покупать и ломать каждое утро голову, чем и как четыре раза в день накормить ненасытного Венку. Был он худущий, но прожорливый, как галчонок.

Главная же беда заключалась в том, что в детский садик принимали только шахтерских детей, дома оставить его было не с кем, приходилось водить с собой на работу.

И хотя поначалу все сиротку жалели, вскоре начались неприятности. Конечно, была бы это девчонка, дать бы ей тряпочек старых, лоскутков пестреньких, иголку с ниткой — сиди, приучайся помаленьку к делу, шей своей тряпичной Катьке наряды. А мальчишку, да еще такого озорника и непоседу, разве удержишь у теткиного подола?

Совсем же стало безвыходно, когда пришло время отдавать Венку в школу. Начальная школа стояла на противоположном конце поселка, за железнодорожной линией. Чтобы самой к девяти часам поспеть на работу, приходилось Венку поднимать чуть свет, вводить в школу, когда там еще никого, кроме сторожихи, не было. Пока не начнут сходиться учителя и ребяташки-школьники, он и слоняется и куролесит в одиночку от скуки, как хочет. Начались неприятности и в школе.

И дома тоже было не легче. Хозяйка отказала в квартире. Топила Ульяна Михайловна скудно. Зима стояла лютая, а у нее каждое полешко, каждое ведро угля было на счету. Да и Венка надоел хозяйке хуже горькой редьки. Посовалась Ульяна Михайловна в поисках квартиры и работы в поселке, но ничего подходящего не находилось.

Но нет, видно, худа без добра. Пришло письмо от младшей, тоже рано овдовевшей сношенницы Веры. Последние годы жила она в деревне, вступила в колхоз, но теперь засватал ее в город хороший человек, и она предлагала Ульяне Михайловне, зная, как бьется она с сестриным мальчишкой, переезжать и жить в ее избе. И пяток кур ей оставила, и козу дойную, и кое-что из домашности, чтобы было с чего Ульяне начать жить и хозяйствовать на новом месте.

Никакой, хотя бы и крестьянской, работы Ульяна Михайловна не боялась, да и выхода у нее не было.

Перед весной Венка переболел воспалением легких, совсем отоштал, кашлять начал нехорошо. Врачи сказали: наследственность

у ребенка ненадежная. Необходимо, во-первых, питание, а во-вторых, чистый воздух, желательней всего лесной, сосновый. А Верина деревня располагалась на сухом, песчаном берегу реки, а прямо за крайними избами стеной стоял сосновый бор. Собравши свой скудный вдовый багаж — а он весь умещался в двух фанерных чемоданах да в двух узлах,— Ульяна Михайловна откочевала с Венкой на новое местожительство.

На первых порах в колхозе работала она куда пошлют, потом поставили ее учетчицей в полеводческую бригаду. И хотя невелики были колхозные заработки, при своём хозяйстве, при огороде жить все же стало несравненно легче. Собравшись с деньжонками, Ульяна Михайловна купила на выплату старую швейную машинку и в зимние вечера шила деревенским модницам немудреные наряды. Это тоже давало небольшой приработок. На свежем воздухе да на козьем молоке Венка на глазах поправлялся, окреп, двинулся в рост. Школа была рядом, учителя в школе заботливые, душевные.

В первый же год войны Ульяна Михайловна ушла работать на ферму телятницей. Те годы во сне приснятся — холодным потом обольешься. Сколько бы ни надрывались бабы в работе, без мужиков — кругом прорехи. Бескормица, а телята, детеныши лопухие, они же питания требуют. Хлипкие, зябкие... Им тепло необходимо, а в телятнике стены зимним ветром насквозь продувает и крыша вот-вот завалится.. Одна неотступная забота — спасти молодняк. Не допустить падежа, выходить, сохранить любой ценой. Особенно телочек племенных. Из-за них Ульяна Михайловна не один раз ревела, хотя по натуре своей была не слезлива. Плакать походя, принародно обливаясь слезами, она просто не умела. Когда становилось совсем невтерпеж, убегала куда-нибудь подальше от людей и голосила вволю, пока не отляжет от сердца.

Венка и ростом, и красотой, и дерзким характером зародился, видимо, в неизвестного отца. И умом бог его не обидел. Захочет — идет в школе на круглые пятерка и поведение примерное. Вдруг, вроде ни с того ни с сего, поедут на нем черти, и летят все его успехи насмарку. То ли обидит его кто, а может, о матери заскучает, Ульяне Михайловне все думалось, что, если ребенок знал мать живую, должен он о ней помнить и тосковать. А Венка мать почти что и не помнил.

Маячило в памяти что-то смутное, беспокойное, неустроенное. Скандалы по ночам, женский визгливый, истерический плач... И колотушек ему тогда много перепадало.

Помнил, как лежала мать на столе, прикрытая белым, кругом толкались какие-то чужие... потом вдруг около него оказалась, словно с неба свалилась, тетка Уля, он ее до той поры и в глаза не видывал. Тетка Уля никогда не дралась, когда сердилась, не визжала и не плакала. Ругала часто, в угол ставила, на улицу, к ребятам, не пускала, если чего-нибудь нашkodит лишнего, И никогда не корила, что вот подобрала его, сироту, содержит из милости, неблагодарного... Люди так говорили, а тетка Уля им возражала, и с ее слов он твердо усвоил, что она должна была его принять, и воспитывать, и заботиться о нем, потому что она тетка. И ничего в этом особенного нет, так и должно быть. Два раза бросал он школу, три раза убежал из дома, правда, ненадолго. Ульяна Михайловна, стиснув зубы, крепилась, не бегала за ним, не искала. Никуда не денется, побегает и придет, цыганенок зловредный. И он приходил. Грязный, голодный, надутый... а глаза, как у беса, смеются. Ульяна Михайловна топила баню, давала чистое переодеться, говорила за ужином спокойно, без крика:

— Я тебя не держу. Не глянется у меня — иди, ищи, где тебе лучше будет. Но пока ты у меня живешь, от школы я тебе отбиться не дам. Иди утром в школу, проси прощения, я за тебя страмиться не пойду...

С девятого класса Венка взялся за ум, школу заканчивал хотя и без медали, но с хорошими оценками. Как-то вечером пришла его классная руководительница — милая душенька, Анна Евгеньевна, стала рассказывать, что у Вениамина большие наклонности к математике.

— И вообще, Ульяна Михайловна, мальчик он очень одаренный. Я понимаю, как вам трудно, вы на него и так очень много потрудились. Я вас не уговариваю... А чего ее было уговаривать? Она и сама понимала, что такому башковитому, способному к наукам парню одна дорога — в город, в институт. Находились сердобольные люди, корили Венку:

— Говорил бы спасибо тетке, что сама недоедала, недопивала, полное среднее образование тебе дала. Сколько же можно из человека соки тянуть? Теперь бы самое время тебе о ее спокойе подумать... Молодой, здоровый, грамотный — чего тебе еще надо?

Вениамин отмалчивался, щуря черные цыганские глаза, усмехался дерзко. Он знал, что ему надо, и с теткой Улей у него все уже было обдумано и решено. Костюмчик суконный и ботинки она ему к выпускным экзаменам, наполовину в долг, но все же справила. Оставалась задача — пальто к зиме успеть завести. Нужны деньги были и на прожитие в городе, на то время, пока не начнет он получать стипендию.

Стипендию, ему, конечно, дали, потому что экзамены он выдержал хорошо, и в дальнейшем занимался старательно.

Все же эти пять лет Венкиного учения в институте достались Ульяне Михайловне, пожалуй, даже труднее, чем годы войны. Живя вместе, и пропитаться было легче, а главное, за одеждой тогда не гнались. Есть стеганка — и слава богу. Стеганка тогда на любой сезон годилась. И в зимние морозы, и весной, и осенью себя оправдывала. А в послевоенные годы молодежь очень стала стремиться к хорошей одежде. Особенно в городе. Да оно и понятно: дело молодое, всегда на людях. В кино барышню пригласить — не пойдет же парень в стеганке или в подшитых валенках.

Да и в питании приходилось его поддерживать. На одну стипендию в те годы никак невозможно было пропитаться. Домой Вениамин приходил только на большие праздники, нельзя ему было от учения отрываться.

Транспорта тогда никакого не было. Нагрузишь на санки картошки мешок, капусты соленой, ну и еще чего сумеешь прикопить или заработать: сала шматок, яичек, меду баночку, — глядишь, наберется добрый возок. Лямку через плечо — и пошла... А до города сорок пять километров. На летние каникулы приезжал Вениамин только в первый год, когда перешел на второй курс. Дальше уже не приходилось: то в студенческий лагерь путевку дадут, а потом практика. Так что за пять лет виделась с ним Ульяна Михайловна считанные часы.

Настал, наконец, счастливый день. Читала и перечитывала Ульяна Михайловна последнее Венкино большое письмо, где он подробно описывал, как успешно защищал он диплом; извинялся, что не может приехать повидаться, потому что получил уже назначение на хорошую работу, в соседнюю область; благодарил тетку за заботу и просил денег больше не посылать. На первое время выдали подъемные,

а там и зарплата пойдет. А дальше уже слал открытки — к 8 Марта, на Первое мая, на Октябрьскую. Поздравительные.

Ульяна Михайловна не обижалась. Раз денег не просит — значит, все у него, слава богу, хорошо. А чего ей еще надо? Она и сама от него уже понемножку отвыкала. У него, молодого, своя жизнь, свои заботы. И она еще не старуха, не инвалидка — чего о ней беспокоиться? Наоборот, она словно вольную получила. Сама себе не верила, такая у нее началась тихая и спокойная полоса жизни.

Послали ее в район на пчеловодные курсы, потом доверили колхозную, до последней крайности запущенную, пасеку. Через год пчелы уже стали приносить колхозу немалую прибыль. Всего хватало: и работы и заботы, но все же эти последние три года на пасеке вспоминались ей потом как светлый праздник. Столько милой красоты было вокруг, тишины и покоя.

На четвертый год осенью приехал Вениамин. Солидный, красивый, в сером коверкотовом костюме. Не один приехал — с молодой женой. Ульяна Михайловна приняла гостей как положено. Праздничным застольем, с хмельной медовушкой, с рыбным пирогом и сибирскими пельменями. Молодые приехали не с пустыми руками, привезли тетке хорошие подарки: отрез на платье, туфли коричневые на невысоком подборе. Туфли Ульяна Михайловна тут же и обновила — плясала с директором школы барыню, била дробы с припевками, все гости со смеху полегли. Была она в тот вечер всем довольна, веселая. А к чему людям знать, как горько обидел ее дорогой племянничек? Не то чтобы на свадьбу пригласить, хотя бы словечком каким известил. Ну да что с них, с нынешних, возьмешь — они и у родных-то матерей ни согласия, ни благословения не спрашивают. Вечер отгуляли, а утром, за завтраком, Вениамин сказал так, вроде бы между делом:

— А мы ведь, тетя Уля, за тобой приехали. Мы квартиру получили, комнату с кухней. Кухня большая, и водопровод есть. Отопление, правда, печное, ну это все временно. Года через два будем иметь квартиру в центре города, со всеми удобствами,

Дело объяснилось просто: не побереглись ребята, молодая была уже на пятом месяце. А сама еще только-только на второй курс в университете перешла.

— Выручай, тетя Уля, нам без тебя — зарез. Матери у Лерки нет, а учиться бросить ей никак нельзя, она у меня умница, далеко пойдет, если ты нам поможешь. Ульяну Михайловну Венкины слова никогда бы не разжалобили, но очень уж по душе пришлось ей невестка. Большеглазая, скромная, тоненькая как былиночка. Ну где же такой и учиться и с маленьким управляться? Или недоучкой останется, или ребенка погубит.

Первые месяцы в городе Ульяна Михайловна места себе не находила. Шум, толкотня, воздух тяжелый. Все чужие, и люди какие-то немилые. До душевного затмения, до хвори тосковала она о своей избушке, о милой пасеке. Бывало, среди белого дня вдруг почудится: пчелы гудят, стоном стонут, господи, это же рой поднялся... Опомнится, самой жутко станет... Бросить бы все, уехать, да как же уедешь? Валерия очень тяжело носит, рвоты ее изнурили, уход ей нужен. Кто его знает, как еще поможет ей бог разродиться. Вениамин с лица спал, осунулся, бежит с работы: «Ну как она, тетя Уля? Чего это с ней, тетя Уля?»

А потом сразу, можно сказать, в одночасье все изменилось. И тоску вроде рукой сняло. И пчелы в ушах плакаться перестали. Привезли из родильного Ириночку. Пчелка моя золотая, вербовка моя, пушинка ненаглядная... Приникнуть губами к шелковистым волосикам, слушать, как дышит под губами живой родничок, трепетное темечко. Или возьмешь ножонку, целуешь крохотную подошву, ей, крохотке, щекотно, она пальчики подождёт, господи-боже, есть же такое чудо на свете — пяточка розовая, круглая и пять красных горошинок — пальчики и на каждом ноготок, как лепесточек, перламутровый.

Ульяна Михайловна человек справедливый, бывают, конечно, дети толще и красивее, но таких, как Ириночка, все же ей видеть еще не приходилось. Уменьшая, ласковая, не крикунья. Словно понимает, что мама болеет, что маме учиться нужно. Врачи говорили, что для Валерии всего дороже сон. На ночь Ульяна Михайловна кроватку переносила к себе, в кухню. Закроет дверь поплотнее, и молодых дитя не потревожит, и бабке спокойнее. Чуть шелохнется маленькая, а бабушка уже рядом. Ш-ш-ш, тихо, моя гуленька, тихо! Сейчас мы с тобой мокрушки уберем, сухонькое, тепленькое подстелем, ляжем

на бочок... а кушать захотим, мамку тревожить не будем, зачем она нам? У нас бутылочка есть, пососем да и закатимся спать до самого утра...

Девочка росла не толстая, но здоровенькая и спокойная. Ульяна Михайловна успевала и магазины обежать, и поесть сготовить, и печи истопить, и квартиру убрать к приходу молодых.

Жили дружно. Случалось, конечно, и плохое, как и в любой семье.

Валерия после Иринки вскоре поправилась, расцвела и похорошела на загляденье. Была она уже на четвертом курсе. Вечером, иной раз, задержится на занятиях или на собрании, а Вениамину стало это не по душе. Придумал ревновать, хоть учение бросай. Выпивать стал частенько. А пьяный он смолоду сильно был нехорош. Что ни ночь, то шум. Грубит, сквернословит. Утром посмотришь, у Валерии глаза наплаканы. Пыталась Ульяна Михайловна его стыдить. Она-то по-женски твердо знала, что Валерии никто, кроме него, не нужен был, что такие, как она, на измену и распутство не способны.

От жалости к ней, от страха за их молодую любовь Ульяна Михайловна совсем лишилась сна. Лежит ночью, прислушивается, ждет беды. Как-то под воскресенье Вениамин пришел вечером сильно выпивши, злой, нахальный. От ужина отказался, на Валерию рывкнул, чтобы шла спать, и дверь в кухне закрыл рывком... Ульяна Михайловна лежала в потемках, рядом в кроватке посапывала трехлетняя Иринка. Начала было задремывать, и вдруг, словно ножом по сердцу, полоснул звук удара и тоненький приглушенный вскрик.

Не помня себя, в длинной ночной рубахе, босая, простоволосая, ворвалась она в комнату молодых, рванула выключатель. Вениамин лежал па краю постели, откинувшись на подушки, а она, маленькая, сидела, прижавшись спиной к ковру, загородив локтем лицо, комкала на груди порванную сорочку.

В кухне заплакала Иринка.

— Иди к ребенку! — крикнула Ульяна Михайловна, и Валерия послушно скользнула с постели и побежала мимо нее в кухню.

В ушах Ульяны Михайловны шумело. Она ничего не видела. Только это лицо на белоснежной смятой подушке. Сытое, тупое лицо, наглые мутные глаза.

— Ты что сделал, паразит?! Что ты сделал?! — Ее трясло от ненависти и горя.

— Ты на кого руку поднял, зверюга?!

Вениамин, приподнявшись, тяжело оперся на локоть:

— А ты что? Тебе что здесь надо?

И тогда она молча, наотмашь хлестнула его по лицу и, повернувшись, пошла, хватая воздух пересохшим ртом. Валерия, скорчившись, лежала на ее постели.

— Ничего... ничего...— бормотала сквозь зубы Ульяна Михайловна, торопливо наливая в грелку горячую воду из чайника...

— Ничего... поглядим, что он утром петь будет... на-ка, надень кофточку мою тепленькую... Она положила к ледяным ногам Валерии грелку, укутала ее одеялом, сама прилегла рядом.

— Не жжет? Ну и ладно... согреешься и уснешь. Я ему оплеух надавала, это ничего, это ему, паразиту, на пользу... Спи, а завтра пораньше встань и иди куда-нибудь к подружкам или к своим на рудник поезжай, домой не ходи, пока сам тебя не разыщет... да сразу-то не поддавайся, не прощай, чтобы осталась ему хорошая зарубка на память.

А утром, когда Вениамин поднялся, наливая ему чай, сказала спокойно:

— Пятый год женаты, а не разглядел, с кем живешь... Не из тех она, которых бить можно. Иди, дурак, ищи жену, может, еще и простит... да запомни: простить-то простит, а забыть она этого тебе никогда не забудет. Больше она ни тому, ни другому слова не сказала. Будто ничего и не было. Как он с женой мирился, это ее не касалось. Может, сам уразумел, на какой риск шел, чего мог лишиться... А может, и теткина оплеуха маленько на пользу пошла. Только с тех пор ни выпивать, ни скандалить дома его больше не поманивало.

Через несколько лет — это уже Алеше три года сравнялось и Ириночка в школу ходила — Вениамин Павлович еще раз про штрафился.

Жили они тогда уже в трехкомнатной новой квартире, Валерия работала на большом комбинате, была на хорошем счету, а Вениamina Павловича перевели в трест с большим повышением.

В общем, казалось бы, жить только да радоваться. Дети здоровы, умненькие, красивые; сами супруги — пара на загляденье; о домашности и о детях заботы они не знали, потому что бабуленька еще в полной силе и с хозяйством могла управляться вполне самостоятельно.

Вениамин Павлович часто бывал в длительных командировках. И вот как-то, когда он уже более трех недель был в отъезде, Валерия получила по почте заказное письмо. В нем доброжелатели извещали доверчивую жену о грешках супруга.

Имена назывались, и даты, и прочие неопровержимые доказательства приводили. Сгоряча Валерия собралась уходить. Молча бродила по комнатам с окаменевшим лицом, укладывала чемодан. Потом, закутавшись в теплый платок, легла на кровать лицом к стене, лежала до утра одна в темной спальне.

Ульяна Михайловна не стала ее успокаивать, просить, чтобы не верила сплетням, не убеждала, что Вениамин такого себе позволить не может.

Обе они прекрасно знали, что Вениамин может. Ульяна Михайловна сказала:

— Смотри сама... только не ошибись сгоряча, не просчитайся. Главное дело — детей осиротишь. Сама знаешь, Венка за тебя и за ребят душу отдаст. Ну, если уже не можешь — режь напрочь, чтобы детей не мучить и людей не смешить: сегодня разошлись, завтра помирились. И, помолчав, добавила:

— Вот он приедет, ты не дуйся, виду не показывай, а до себя не допускай. Постелись отдельно, а когда он спрашивать станет, ты письмецо покажи и разъясни без крику, без ругани, толково... Не в том, мол, дело, что мне за тебя перед детьми стыдно и от людей позор, а что не могу я после твоего паскудства в постель тебя допустить... Видеть тебя мне и то гадко... брезгую я... Да так-то вот и поманежь его недельку, другую, пока он волком не взвоет.

Валерия, осунувшаяся, словно после болезни, внимательно посмотрела в лицо Ульяны Михайловны, усмехнулась чуть заметно.

Она уже не была наивной девочкой, как десять лет назад. За мучительную, бессонную ночь она успела многое взвесить и обдумать... Не сладко в тридцать лет, с двумя детьми, остаться соломенной вдовой... Но все же надо было как-то призвать милого муженька к порядку, отучить пакостить по подворотням. Тут уж любые средства хороши.

Что и как у них происходило дальше, Ульяна Михайловна не знала, да и знать этого не полагалось. Ни какого разлада в семейной

жизни со стороны заметно не было. Валерия, как всегда, с детьми и мужем была ласкова и заботлива. Только Вениамин Павлович не одну, а полных три недели ходил сам не свой. Встанешь ночью попить, а он сидит в кухне один, и лица на нем нет.

А потом, в одно прекрасное утро, вдруг повеселел, расцвел, смотрел на Валерию влюблено, словно они только что заново поженились.

Так все и обошлось помаленьку. Дальше жили, как в народе говорят, людям на зависть. Дети родителей обожали. Ни у кого из их сверстников не было таких родителей.

Папа — веселый, сильный, смелый. Он никого не боится, его все уважали и всегда посылали на самую трудную и ответственную работу. Мама — самая красивая, добрая и справедливая. И еще она была умница и имела подход к людям, так папа говорил. И ее тоже все уважали.

Когда супруги собирались в театр — молодые, красивые, — Ирина с Алешей просто обмирали от гордости и восторга. А ребят в театр, на детские утренники, водила бабуля. И в цирк тоже. И в кино бабуля ходила только на детские сеансы. Летом бабулю отправляли «отдохнуть» в деревню к Валериным родственникам. Конечно, с детьми. Там был большой ягодный сад. Бабуля варила варенья и джемы, сушила грибы, мариновала огурчики и помидоры. Все эти припасы Вениамин потом вывозил в специально оборудованных чемоданах. Под осень молодые уезжали на курорт, а бабуля начинала собирать ребят в школу. На родительские собрания в школу чаще ходила тоже бабуля, у молодых свободные вечера редко выпадали, а для Ульяны Михайловны эти школьные собрания были вроде праздника.

Ириночку и Алешу учителя любили, и даже сам директор школы ставил их в пример другим родителям и бабушкам. И все знакомые и соседи тоже всегда их хвалили. Соседка, жена доцента, мать двух дочерей-подростков, как-то спросила бабулю:

— Ваши дети просто удивительно воспитанные, вежливые, послушные. Помогают вам в работе. Как вы этого достигаете, Ульяна Михайловна? Откройте нам свой педагогический секрет.

Ульяна Михайловна очень тогда смеялась. Также нашли педагога!

— Ну какой тут может быть секрет? Главное, я так понимаю, чтобы в семье при детях никогда ни свару, ни крику не было. Если взрослые не нагрубят, не обидят друг друга при детях, с чего же детям-то грубыми быть или невежливыми? Дети — они же как обезьянки. И дурное и хорошее прежде всего они от отца с матерью перенимают, ну и от нас, стариков, тоже. А к работе их надо приучать с младенчества. Иринке годика два было, принималась я за уборку, ей в тазик воды налью, дам тряпочку чистую — помогай, доча, бабуле, где же мне одной-то управиться. Вот она и сопит, старается, трет ножки у стула. А то дашь ей ложки мыть, перетирать. Сажусь сама чулки чинить, дам ей иголку с ниткой — штопай папин носок. Папа приедет, вот порадуетя, какая, скажет, дочь-то у меня мастерица, растет помощница. А Алеше всегда внушала: ты мальчик, мужчина, ты должен всегда маме и бабуле помогать. Никогда не слушай, если скажут: не мужское дело, бабья работа. Это глупые люди придумали, которые ни маму свою, ни бабулю не любят и не жалеют. И к чистоте и к порядку у их тоже с первого года приучала. Тут опять же, конечно, самой нужно всегда аккуратной быть, чтобы в квартире чистота соблюдалась, чтобы они никакого неряшества вокруг себя не наблюдали и знали; насорил, игрушки разбросал — прибрать самому же придется. Наказывать? Да разве без наказания ребенка вырастишь? Всякое бывает. И по заднице нашлапашь и в угол поставишь.

— Только с моими это не к чему, только что зло свое сорвешь. Мои больше всего боятся, если я с ними разговаривать не стану. Я ведь такая: когда нужно, я очень твердо себя с ними ставлю. И день и два могу молчать. Для них — это хуже нет. И у нас так: я накажу — ни Вена, ни Лерочка словечка не скажут, не оговорят меня. Так же и я: папино слово — закон. Мама сказала — значит, так тому и быть.

Так вот и катилась у них жизнь год за годом. Спокойная, налаженная, благоустроенная. С Валерией у Ульяны Михайловны отношения сложились не очень теплые, зато ровные, спокойные. Только в последний год появилась у Валерии какая-то раздражительность, стало прорываться недовольство. Она никогда не была транжиркой, цену копейке знала. Всегда точно рассчитает, сколько нужно на питание, на другие домашние расходы. И никогда ей не приходилось Ульяну

Михайловну учитывать. Отпущенных на хозяйство денег всегда хватало. А теперь она стала замечать, что деньги текут как вода.

— Второе нужно готовить с таким расчетом, чтобы не оставалось от обеда. Вы же видите, что Ирина и за ужином не может есть ваши разогретые битки, а вы еще и на завтрак детям вчерашнее суете. Я ничуть не хочу вас обидеть, но неужели вы не замечаете, что последнее время у нас безобразно много денег уходит на питание?

— Так ведь мясо-то, Валера, на рынке приходится брать, и яичек в магазине нету, ты же сама велела три десятка взять, и овощи тоже.

— Ах, пожалуйста, оставьте! Раньше почему-то вы умели и купить и приготовить, а теперь... Или еще:

— Ульяна Михайловна, фрукты покупаются для детей. К чему вы, например, в прошлую среду купили три килограмма винограда? Если разумно распределять, детям вполне достаточно на неделю полтора килограмма, а вы посмотрите: сегодня вторник, а в вазе уже одна кисточка лежит. Поймите, мы не так богаты, чтобы швыряться деньгами...

Раньше, бывало, праздничный стол всегда готовила Ульяна Михайловна. Валерия прибежит, только салат какой-нибудь особенный приготовит или торты украсить поможет, на это она была мастерица.

А начнут гости собираться, бабуля и гостей встречает вместе с молодыми, и угощает, и за столом сидит наравне со всеми. Вениамин, бывало, скажет: «Хватит тебе, бабуля, суетиться, садись давай за стол». И сам рюмочку нальет и чокнется по-родственному.

А тут гости приходят, Валерия вдруг говорит: «Ульяна Михайловна, все, что нужно, я сама сделаю. Идите, пожалуйста, отдыхайте». Ульяна Михайловна сначала не поняла, вышла в кухню и тут услышала, как Валерия тихонько, с досадой говорит приятельнице: «Боже мой, до чего же бестактная старуха! Почему ей нужно обязательно торчать в столовой, когда у нас люди?»

Очень нехорошо получилось. Ульяна Михайловна ушла в свою комнату, легла, у неё от стыда за свою глупость под сердцем закололо. Больше к гостям она не выходила.

А через неделю, выйдя из ванной комнаты, Валерия Сергеевна сказала сокрушенно: «Просто не понимаю, куда у нас столько мыла

уходит? Не успею положить в мыльницу свежую печатку, смотришь, опять уже обмылок... Прямо как в какую-то прорву все уходит...»

— Господи, Валерия, с ума ты сошла, что ли?! — закричала Ульяна Михайловна, всплеснув руками.

— Да я что, ем, что ли, твое мыло?! Или ворую его?!

— Пожалуйста, избавьте меня от истерик... — холодно оборвала Валерия и ушла в спальню.

А Ульяна Михайловна больше всего боялась домашних ссор. Поднимется крик, наговорят люди друг другу сгоряча всяких грубостей, сама не поймешь, кто прав, кто виноват. Проще же всего сесть да и поговорить, разобраться по-доброму, кто, чем недоволен. Она выбрала подходящую минуту, когда ни детей, ни Вениамина Павловича не было дома, подседа в столовой к Валерии.

— Не сердись, Валера, ты мне скажи: может быть, у тебя по работе что не ладится или нездорова ты? Вроде я тебе ничем угодить не могу... А что тебе нужно, не пойму никак...

— Зачем же мне угождать? — холодно усмехнулась Валерия. — Это вы привыкли, чтобы мы вам угождали... привыкли, что мы перед вами должны на задних лапках ходить... Вы же в доме хозяйка... вы и детей воспитываете одна. А дети тоже не рады. Ирина уже несколько раз мне жаловалась, что вы мешаете ей заниматься. Вяizzlyваетесь в ее разговоры с девочками... В конце концов это Иришина комната, она уже не девочка... неужели вы не можете в кухне посидеть или пойти к своим приятельницам, чтобы не мешать детям? Алешей вы тоже помыкаете...

— Не ври! Не ври на детей! Стыдно тебе... стыдно... стыдно!

Впервые за семнадцать лет она сорвалась, впервые Валерия услышала ее иступленный крик, увидела искаженное, залитое слезами лицо.

После этой стычки они долго не говорили друг с другом. Вернее, не говорили, когда оставались один. При детях старались держаться, как обычно. Обе они искренне были убеждены, что дети ни о чем не подозревают.

Как-то вечером Валерии позвонил старшей ее сестры, Ангелины Сергеевны, муж. Виктор Иванович просил отпустить Ульяну Михайловну подомовничать. Лина очень разболелась, а ему нужно срочно ехать в командировку.

Две недели Ульяна Михайловна ухаживала за больной, хозяйничала, хлопотала, пока не возвратился Виктор Иванович.

Домой летела на крыльях, очень уж наскучалась о детях, да и Валерию было жаль, у нее как раз в комбинате работы было невпроворот.

На звонок открыла Валерия, веселая, оживленная. По тому, как сразу потускнела она лицом, Ульяна Михайловна поняла, что не ее звонка ждала Валерия и ничуть не рада ее возвращению. Только ребята обрадовались. Ирина, как котенок, потерлась щекой о ее щеку, промурлыкала на ушко;

— Ну чего ты так долго?!

Алешка чуть с ног не сбил, повис с разбега на шее, взвыл разбойничьим басом:

— Ура! Бабуленька пришла!!

Шумную встречу оборвал строгий окрик Валерии Сергеевны:

— Алексей, прекрати сейчас же! Что за идиотизм? Тебе двенадцать лет, идите отсюда!

Алешка, сконфуженно сморщив нос, послушно побрел в комнату, Ириночка фыркнула, повесила бабулино пальто на вешалку, еще раз чмокнула ее в щеку и, вполне независимо дернув плечиком, ушла в спальню матери.

Вот тогда впервые Ульяне Михайловне стало по-настоящему страшно. Она была лишней, ненужной в этой большой, светлой квартире. Еще совсем недавно все здесь было своим, милым, привычным. Была семья. Выросшие на ее руках внуки. Нужно было по утрам вставать за час раньше всех, обо всех позаботиться, хлопотать... Можно было поворчать, что вот никак не выберешь днем минуточки полежать, отдохнуть...

И ничего этого не стало. И без нее в квартире чистота, порядок. Обед приготовлен из трех блюд, в шифоньере аккуратными стояками уложено без нее постиранное и хорошо проглаженное белье.

Дети подросли... теперь уже они не обуза, а помощники матери... Они семья... Их четверо, а бабушка, выходит, пятый лишний. Да нет, какая там бабушка? Нянькой она была, кухаркой, прачкой... бесплатной домработницей. А к чему семье домработница, если хозяйева в расцвете сил и дети уже взрослые?

Поговорить разве с Вениамином? Нельзя же так, не справедливо это, неправильно. Не сама же она к ним напросилась, не приехали бы они за ней: «Выручай, тетя Уля без тебя нам зарез...», проработала бы эти семнадцать лет в колхозе, теперь вон и колхозникам пенсии дают... Избушку ту сношенница тогда же продала, давно уже в ней живут чужие люди. Куда же теперь она? Брат старший, Никифор, в прошлом году заезжал на денек, звал к себе погостить... так ведь и сам уже старый, пенсия на двоих сорок три рубля... Поговорить бы все же с Венкой... Как говорить и когда? Все он в разъездах, и неприятности у него сейчас на работе большие. И о чем говорить? Не слепой же он, сам видит, к чему дело идет. Было один раз, сунулась она к нему, как он тогда обрезал: «Увольте, ради аллаха, сами разберетесь. Только мне не хватало в ваших дрызгах копаться».

Да, Вениамин Павлович не выносил бабьих склок и сейчас, в это чудесное праздничное утро, досадливо отмахнулся от неприятных мыслей. Уехала и уехала. Ее дело. Он еще немного понежился в постели, подождал.

Обычно после длительных отлучек ребята, поднявшись утром, прибежали в ночных рубашках в спальню, забирались к отцу под одеяло. Иришкина — правая рука, Алешкина — левая. Сегодня ребят не было слышно. А вчера вечером встретили они его без обычного визга — папуленька приехал не вешались на шею, не тискали, не чмокали куда придется. Взрослеют, что ли? Иринке шестнадцать, видимо, уже стесняется ласкаться по-ребячьи... А Алешка? Ах ты, Алеха-булеха, обезьяна лохматая! Сестричкин хвостик, Иришкино зеркальце. Куда Ирина, туда и он...

За праздничным столом было непривычно тихо. Ребят словно подменили. Ирина сидит, вытянувшись в струнку, ох, хороша девчонка растет, парням на погибель. Улыбается сдержанно, на отцовские шутки, кратко отвечает на его вопросы о школьных делах. Подумать только — через несколько недель — десятиклассница. А через год экзамены в институт... конкурс, количество баллов... у папы с мамой прединфарктное состояние.

Алеха сидит ссутулившись, исподлобья вопросительно косится на сестру. Вот он, этот самый трудный переходный возраст. Вчера ребяташки — веселые, ласковые щепки, сегодня ни с того

ни с сего — замкнутость, сдержанность, секреты какие-то... Хотя, вообще говоря, Алешке-то еще рановато ломаться, двенадцатый год...

Валерия поставила на середину стола блюдо слоеных мясных пирожков и налила в чашки золотистый бульон. Румяная, оживленная... словно не замечает перемены в ребятах. Ну и хорошо. Ей-то лучше знать...

— Итак, давайте начнем семейную ассамблею... — Валерия окинула быстрым взглядом притихших ребят. — На повестке дня — лето. Алеша, видимо, поедет в лагерь «Соколенок», папе в тресте обещали путевку. Ну, а Ириночка — на этот раз с нами в Ялту, как думаешь, отец, заслужила наша дочь такую высокую награду?

Иринка нахмурилась и опустила глаза. Вениамин Павлович пригнулся к столу и положил руку на плечо дочери, снизу заглянул ей в лицо:

— А дочь наша милая чем-то недовольна... Что, соловушка, не весел, что головушку повесил? Иринка не откликнулась на шутку, не подняла глаз.

— Я никуда не поеду... Я первого выхожу на работу... в ботанический сад...

— На работу?! — смешливо изумился Вениамин Павлович

— Это что же, новый почин, что ли? Всея классной артелью?

— Никакой не артелью... Я сама. Мне нужны деньги

— Ну-ну! — миролюбиво поддакнул Вениамин Павлович. — Деньги, конечно, всегда нужны... Но для чего, вот вопрос? Может быть, ты откроешь нам с матерью этот секрет?

— Никакого секрета... — Она положила вилку на стол, прикрыв аккуратным треугольником салфетки. — Просто я должна посылать бабуленьке тридцать рублей в месяц. Поработаю лето, ей на полгода хватит...

— Так... — Вениамин Павлович резко отодвинул тарелку с недоеденным пирожком. — Насколько мне известно, твою драгоценную бабуленьку никто из дома не гнал. Она сама не пожелала жить у нас...

— Подожди, Вена, не горячись... — спокойно прервала его жена. — Нам с Ирой давно нужно было объясниться. Я надеялась, что она одумается, и не хотела тебя волновать. В последнее время она и сама ведет себя нехорошо и Алешу настраивает. Она считает,

что мы в чем-то виноваты перед Ульяной Михайловной... Я хочу кое-что напомнить детям...

Она могла в запальчивости накричать, поставить в угол, шлепков могла надавать под горячую руку, но никогда еще не говорила с детьми таким беспощадно холодным тоном, никогда ее лицо не было таким чужим и жестоким.

— Если тебе не изменяет память, ты вспомнишь, Ирина, как ты сама неоднократно жаловалась мне, что Ульяна Михайловна надоедает тебе своей воркотней, что, когда к тебе приходят девочки, она ввязывается в разговоры, мешает вам заниматься. Были случаи, когда она выгоняла тебя и девочек из твоей комнаты...

— Ну и что же, что ворчала? Она скажет: «К ужину хлеба нет, сходи в магазин». А у меня девочки, мне не хочется, ну и... Потом почему ты говоришь — моя комната? Это ее была комната, а не моя... она старая, ей отдохнуть нужно, а ко мне девочки придут, мы душим, орем...

— Хорошо! — резко оборвала Валерия. — А как она Алешу по голове ударила, вы думаете, мне это неизвестно?

— И ничуть не ударила... — хмуро пробасил Алешка. — Один разок только стукнула по затылку... Она долбила-долбила: «Не лезь на тумбочку, не лезь на тумбочку...». А я полез и твою синюю вазу, разбил... Ты бы мне дала за эту вазу! А она стукнула меня разок всего, а тебе сказала, что это она пыль вытирала и уронила. А ты на нее: «Не лезьте в мою комнату, не трогайте моих вещей, если, у вас в руках ничего не держится...» — и еще всякое, а она так и не сказала, что не виновата...

— Удивительные дети! — холодно усмехнулась Валерия. — Никакого самолюбия — на них кто-то орет, их бьют...

— Не кто-то, а бабуля, — тихо вставила Иринка.

— И не орала и не била, — согнувшись в три погибели, Алешка уперся подбородком в край стола. — Вон у Лазаревых бабушка Сережку ремнем отлупила, а мать говорит: «Мало, еще надо было добавить».

— Довольно! Поговорили... — резко оборвал Вениамин Павлович. — Алексей, сядь, как положено... За столом сидишь. Повторяю: ее никто из дома не гнал. Уехала она по собственному желанию и уехала не куда-нибудь, а к дядьке Никифору, к своему родному брату...

— Дедушка Никифор сам бедный. — Ирина говорила тихо, как-то уж очень твердо и непримиримо. — На троих одна его пенсия, и пенсия маленькая... И живут они трое в одной комнатухе...

— Интересно, откуда ты черпаешь такую информацию? — насмешливо спросила Валерия. — Это Ульяна Михайловна тебя информирует?

— Неправда! И ты сама знаешь, что неправда. Все письма бабуля адресует на твое имя, и ты всегда читаешь их первая и знаешь все, что она мне и Алеше пишет...

— Откуда же все эти жалобные подробности? — Мне рассказала тетя Лина. — Иринка подняла голову и прямо взглянула в лицо матери. — Тетя Лиина, твоя родная сестра... Только ты не думай, что бабуля ей пишет, жалуется. Дядя Витя ездил туда в командировку и рассказал, как бабуленька плохо живет, ведь у нее ни пенсии, ничего... ни копейки нет своей... Кто-то же должен о ней позаботиться...

— Никто ей ничего не должен... — Вениамин Павлович произнес эти слова с расстановкой, подчеркнуто спокойно. — Повторяю третий раз: ее никто не гнал. Мы считали ее членом нашей семьи, относились к ней, как к близкому человеку. Вы называли ее бабушкой, хотя ты прекрасно знаешь, что она мне не мать, а тетка.

— Я знаю. Поэтому я и ходила в юридическую консультацию...

— Что?!

— Я хотела узнать законы... для бабули. Ну мне там все разъяснили... Если бы она тебя усыновила, когда взяла к себе... на воспитание, теперь ты должен был бы ей платить алименты. По закону. Или если бы вы оформили ее домработницей... Маме нужно было учиться, а тут я... вы поехали и стали ее просить, чтобы она переехала жить к вам. Возиться со мной, потом с Алешей... Работать на нас, на всю нашу семью. Вот... если бы вы тогда оформили ее как домработницу, теперь она имела бы пенсию. А она не догадалась тогда, не подумала, что так все может получиться. Вот, оказывается, какие у нас несправедливые, скверные законы...

— Ну вот что... Ты начинаешь заговариваться... — Вениамин Павлович с грохотом отодвинул стул, поднялся из-за стола. — Раз и навсегда я категорически запрещаю тебе, понимаешь? Запрещаю!

— Папа, не кричи на меня... — Теперь она уже не прятала от него глаз. Бледная, вскинув подбородок, она смотрела ему прямо в лицо.

— Через три дня я получу паспорт, и ты не сможешь мне запретить работать. Ты понимаешь... мне там еще сказали, что если старик не заработал пенсии и у него нет родных, которые обязаны его кормить, таким дают пособие... десять рублей в месяц... по безродности, понимаешь! По безродности... и еще есть такие дома... для безродных... Ну я лучше вам все сразу скажу. Я и зимой буду работать. Десятый закончу в вечерней школе. И в институт поступлю на вечерний или на заочный... Я буду очень хорошо работать, чтобы получить для бабули комнату, а пока найду для нее частную... Я все равно заберу ее сюда, потому что она не безродная. Ей нельзя одной жить без меня и Алеши. Мы с Алешей уже все обдумали.

И именно в эту минуту за их спиной раздался смех. Валерия стояла на пороге столовой с кофейником в руках...

Она смеялась звонко, искренне, заразительно. Ну, можно ли принимать всерьез ребячьи выходки! Лицо ее было безмятежно спокойно. Не было на этом свежем, красивом, холеном лице ни тревоги, ни гнева. И голос, только что холодный и жесткий, звучал сейчас смешливой теплотой:

— Нет, вы только послушайте этих мудрецов — они все обдумали! Господи, ну к чему этот нелепый разговор? Алеша, давай свой стакан. Да садись же к столу... Разгорячились, наговорили, чего не нужно... Тебе покрепче, папа? Ох, Ириша, Ириша! До чего же ты, оказывается, еще глупенькая девочка... Ни с кем не посоветовалась, ни в чем не разобралась и начинаешь выкидывать такие фортели: устраиваешься на работу, ходишь к юристам... позоришь папу. Неужели ты не поняла, что папу оскорбило бабушкино поведение?

Подняв голову, Вениамин Павлович перехватил ее ласково-предостерегающий взгляд.

— Бабуля уехала, не поговорив, не простившись с папой. Она же и с вами-то не простилась, воспользовавшись, когда вы на каникулах гостили у тети Лины. Она могла обидеться на меня, возможно, в чем-то я была не права, но ведь папа-то ее ничем не обидел? Вот он и хотел, чтобы бабуля поняла, что поступила неправильно. Конечно, мы будем посылать ей деньги. И, если будет нужно, папа сможет

и комнату для нее получить. Я понимаю, она уже стара, ей нужен покой, отдельно жить ей будет удобнее. Она будет приходить к нам в гости, и вы сможете ее навещать, когда захотите.

Она ворковала, разливала кофе, раскладывая на тарелки куски праздничного торта.

Вениамин Павлович, постукивая ногтем по золоченому узору под-стаканника, угрюмо слушал вкрадчиво-успокаивающее журчание.

— С папой и мамой нужно всегда быть откровенными. От них ничего нельзя скрывать, тем более нельзя что-то предпринимать без их ведома.

Вениамин Павлович хмуро взглянул на ребят... Каким жалким и некрасивым стало лицо Иринки. Алёшка слушал мать, приоткрыв рот, уже готовый к улыбке, но, покосившись на сестру, вдруг померк и опустил голову.

Они сидели рядом нахохлившись, как воробьи под дождем. Нет, они еще ничего не умели скрывать. Отец одним беглым взглядом прочел отраженные на их лицах чувства

Смятение и стыд... Он тяжело поднялся и пошел из столовой... Слева в груди что-то нудно, противно сосало. Он лег ничком в небранную постель. Праздничный завтрак не состоялся.

Людмила Васильевна ЧАСТОКОЛЕНКО

Автобиография после 70 лет — это открытая дата после черточки. Это и много и бесконечно мало. Родилась в маленьком уютном городке в семье любящих и доброжелательных людей. Повезло со школой и друзьями.

Потом Томский госуниверситет, кафедра цитологии и генетики. В общежитии в комнате на четверых жили по восемь, а то и по десять человек и было не тесно. Дружили, делились, чем могли. Замечательные педагоги, уникальная библиотека, каждое воскресенье — филармония. Особый след в жизни оставило общение с людьми из КСЭ (комплексной самодеятельной экспедиции по изучению Тунгусского феномена) и участие в нескольких экспедициях на место падения «метеорита».

После учебы работала в том же университете в институте биологии и биофизики. За годы работы опубликовано более 50 статей, с удовольствием работала в обществе «Знания». Генетика — удивительная наука, которая дает ощущение прикосновения к истокам жизни, к тайне.

Муж — ученый физик, дочь — архитектор по образованию, сейчас доцент факультета психологии ТГУ, внучка — студентка университета.

Жизнь продолжается. По-прежнему люблю музыку, поэзию, философию, слежу за новостями генетики. До сих пор волнуют проблемы устройства мироздания. Люблю свой огород с его населением: соснами, кедрами, березами, многочисленными птичками и смешными бурундучками. Обожаю нашу Кисловку и ее красивых и добрых людей.

***

Вернулась... Знакомый абрис звезд,
да перелай собак.
Как всхлип в ночи,
гудок локомотива.
Но в доме плесень по углам,
и мыши одолели.
Прогнили два бревна
и в бане провалился пол,
Но жив еще мой отчий дом.
Два старика в неспешной
радости труда
И горестях воспоминаний
там коротают век,
И ждут своих детей,
уже седых и старых.

***

Связать в немыслимую ткань
События, людей, явленья,
начало и конец,
И в знаках Бытия
увидеть Провиденье,
Законы мироздания
в собственной судьбе.

***

Я не люблю заканчивать дела,
Я ненавижу ставить точку,
Покуда что-то длится — я жива.
И я в конце поставлю многоточие...

***

Услышать снова
музыку Души,
Обрадоваться,
что-то захотеть.
Рвануться в высоту,
пусть не взлететь,
Но жажду испытать
полета.

—
Ах, старость — это вовсе
не морщины...

***

По всей деревне
стелются дымки:
Там огородный мусор жгут,
там баню затопили,
Здесь на веранде раздули
самовар на шишках.
Затих печальный лес
поля пустые,
И в небе одинокая ворона
летит беззвучно словно тень.
Справляет осень бабье лето —
последний теплый день.

Ольга Александровна
ШЕВКОПЛЯС (КНИРИМ)

Поэт, общественный деятель. Родилась 1 февраля 1952 в семье художника. Ольга Александровна из старинного русского рода Аргамаковых, связанного с царским двором. В 1917 году все представители рода, кроме бабушки Ольги Александровны — Екатерины Александровны Аргамаковой (Книрим) эмигрировали за границу.

Ольга окончила культпросветучилище в Рязани, занималась в театральной студии, окончила Кемеровский институт культуры. Играла на сцене, читала, пела. Работала в городе Североморске Мурманской области в Доме культуры. Случалось ей ходить на корабле, довелось испытать шторм в двенадцать баллов. В Томске она некоторое время работала технологом в НПО «Полюс». Последние годы была заведующей отделом культуры администрации Томского района. 14 января 2000 скончалась от рака в Томске.

Ольга Шевкопляс написала около сотни статей по проблемам культуры и искусства. Стихи она писала с самого детства. Ее творчество высоко оценили современники. Борис Климычев так отзывается о творчестве Ольги Александровны: «Пишет, как дышит, как живет. Душа ее стихов мятущаяся, нежная». Томский поэт Александр Казанцев отмечал «певучесть» стихов Ольги Шевкопляс, видел в них «взволнованный лирический дневник».

В 1997 году опубликован сборник стихов Ольги Шевкопляс «Хочу... быть!». Уже в названии сборника отражено желание прожить жизнь так, чтобы «быть», чтобы остаться в человеческих сердцах.

Я ЖИТЬ ЛЮБЛЮ

А надо жить во весь размах!
Валяться в травах,
В голос — плакать,
Смеяться громко (не в кулак!).
Коли любить — то так, как надо!
Коль вкалывать — то от души!
Не смей пищать!
Зазря стесняться!
Увидишь чудо — то спеши,
Спеши быстрее удивляться!
Хвалить людей и защищать.
Здоровьем и добром делиться,
Любить до гроба... и прощать.
И за любимого молиться...

***

Я красивой была,
бесшабашной,
С чистым смехом,
раскрытой душой.
И не думала, что так
страшно
Понимать, что ты мимо
прошёл.
Понимать, что так мало
зависит
От того, что одна я хочу.
Пусть не быть!
Но взываю я к Выси,
За любимых
поставив свечу!

ЛЮБОВЬ — НА ВЕКА!

Серебром покрыты виски,
И серебряная голова...
И всплывают тотчас стихи,
Где добрей и душевней слова.

Четверть века, надёжный дар
Для красивых и сильных людей,
Чей не гаснет любви пожар
С каждым новым из
прожитых дней.

И глаза, и весны перезвон...
И надежна родная рука.
И серебряной свадьбы
звон,
И как песня, любовь — на века!

ЧЕГО Я ХОЧУ...

Хочу простоты в общении,
Не панибратского равенства,
Не только одних наслаждений,
Где сердце — не мирится с разумом.

Хочу пониманья глазами лишь,
Счастливых минут молчания,
И мирных бесед, где правдою,
Доверие и внимание...

Хочу — не раздаренной страстности,
Не ревности дикой, без меры.
Правдивых поступков и ясности,
И веры! Огромной веры!

***Николай Федорович
ШИЛОВ***

Шилов Николай Федорович родился 13 мая 1946 года в селе Батурино Томского района в семье сельских учителей. В 1964 г. закончил Томский лесотехнический техникум (специальность «Технология лесозаготовок»). После службы в армии с 1969 года работал лесничим. В 1977 г. закончил Сибирский технологический институт г. Красноярска (специальность «Лесное хозяйство»). Н.Ф. Шилов, работая в отрасли лесного хозяйства, лесной промышленности, областном комитете охраны природы, посвятил свою жизнь охране, защите лесов и животного мира Томской области. С 2000 г. по 2008 г. преподавал в Томском сельскохозяйственном институте. На протяжении многих лет является депутатом Совета Богашевского сельского поселения. Является членом общественной писательской организации «Ветераны России» и писательской организации «Гармония» (г. Северск). С 1992 г. состоит в казачестве, с 2009 г. в чине войскового старшины.

Является победителем различных соревнований мирового и всероссийского уровней по гиревому спорту среди ветеранов. Николай Федорович печатает свои статьи в газетах и журналах.

ТАЙГА

На своих и чужих
Всех разделит тайга.
Вроде нет и плохих,
Но рedeют леса.

Все красивей отчет
Принимает Москва, —
Ветер листья сечет
И рedeют леса.

Все охотник, лесник
Заселил города,
Острый взгляд уж поник,
Ведь рedeют леса.

Журавли не кричат,
Нет и перепела,
Родники не журчат,
Коль рedeют леса.

Там, где бор зеленел,
Земляника цвела,
Короедник засел, —
Поредели леса.

На кого нам пенять,
Что такая судьба,
Сердцу трудно понять,
Что рedeют леса.

Что лосенок убит,
И другая беда,
Буреломом лежит
Вековая тайга.

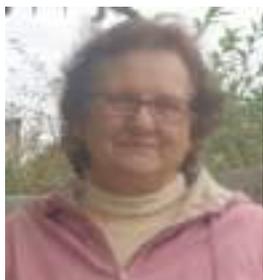
Как слезою блесит
Свежей раны смола,
Болью мысль бередит, —
Стали реже леса.

Хватит, друг мой, стоять
Чужаком у крыльца,
Вновь места узнавать,
Где рedeют леса.

А кто бросил в пургу
И покинул меня —
Брать их снова в тайгу?
Мне ответит она.

Грудью встретив ветра,
Глухо стонет тайга,
Вихрем гнет дерева, —
Жаль, рedeют леса.

Отчего не грустить,
Боль совсем нелегка,
Вновь виновных простить,
Что рedeют леса?

***Нина Ивановна
ШТУМПФ***

Штумпф Нина Ивановна родилась 26.03.1955 г. в Молчановском районе Томской области. Работала учителем русского языка и литературы, закончив РиГПИ, в Сулзатской средней школе, затем в д. Петухово. Сейчас на пенсии. Увлекается рисованием, пишет стихи.

ЗАБЫТАЯ ГАРМОНЬ

Спит деревня моя до рассвета:
Птицы смолкли, погашен огонь
И не слышно по улице где-то,
Чтоб влюбленным играла гармонь.
Не поют ведь теперь под гармошку
Караоке сейчас подавай,
Но ведь жаль, да и грустно немножко,
Ведь с гармошкой и смех, и печаль.
Наши предки ей все доверяли.
И в любви признавались порой,
И страдали, печаль утоляли
И в войну провожали на бой.
И с гармошкой потом тех встречали,
Кто живым возвратился домой.
И веселые свадьбы справляли
С русской пляской — каблук чтоб долой!
Время мчится, ему нет возврата,
Только верим: гармонь будет жить,
Песня литься как раньше когда-то,
Так же душу и сердце лечить.

ДЕНЬ ПОБЕДЫ

Встречали в мае мы опять
Великий светлый День Победы.
И снова слезы не унять —
Нам не забыть про наши беды.
Война врывалась в каждый дом.
С надеждой писем с фронта ждали,
Рыдали часто всем селом,
Как похоронки получали.
Взрослела рано ребятня —
Работали все на победу
Кто хлеб растил, кто у станка,
И рядом матери и деды.
Россия в траурных платках,
Все больше вдовы да сироты,
Не пала, на своих плечах,
Несла свободу всей Европе.
На фронте каждый защищал
То, что ему всего дороже:
Семью и дом, где возмужал,
И Родину, конечно, тоже.
Сегодня мало тех бойцов,
В живых осталось — время тает,
Но не забыть подвиг отцов,
И слов нам часто не хватает,
Чтоб благодарность принесли
Живым и тем, кого теряем.
Мы помним, чтим и до земли
В поклоне головы склоняем.

СОДЕРЖАНИЕ

В стихах вся наша жизнь	3
АЛЕКСАНДРОВА Любовь Максимовна	4
АНФИНОГЕНОВ Джон Федорович	8
БИНЬКОВСКАЯ Надежда Стефановна	11
ВИННИКОВ Михаил Гаврилович	13
ВУТЫН Николай Петрович	17
ГАРТУНГ Леонид Андреевич	22
ГОЛЕЩИХИН Иван Константинович	28
ГРАЧЕВА Надежда Васильевна	30
ЕЛИСТРАТОВА Ираида Петровна	34
ЖИРОВ Николай Николаевич	36
ЖОЛНЕРОВСКИЙ Владимир Петрович	40
ЗАХАРОВ Александр Федорович	50
ИВАНОВ Вадим Филиппович	57
КАШИН Юрий Александрович	62
КОНДИУС Ольга Сергеевна	64
КОРНЕВА Людмила Викторовна	68
КОРОТЧЕНКО Алексей Романович	74
КРИВОШАПКИНА Лидия Михайловна	77
КРУГЛЯКОВ Николай Васильевич	80
ЛАПТЕВ Леонид Кириллович	84
ЛИСИЦЫН Николай Иванович	87
ЛОБАСТОВА Галина Ивановна	92
МАЛКОВ Юрий Георгиевич	95
МЕХАННИКОВА Елена	99
МОЛОКОВ Юрий Григорьевич	100
МЫТНИК Татьяна Ивановна	104
НИКОЛАЕВА Галина Евгеньевна	106
ПАНОВ Александр Иванович	125
ПИМОНОВА Галина Александровна	128
ПОБЕРЕЖНИКОВ Владимир Иванович	131
ПОСКОНИНА Валентина Николаевна	137
СВЕРКОВА Анна Ивановна	142
ХАЛФИНА Мария Леонтьевна	144
ЧАСТОКОЛЕНКО Людмила Васильевна	170
ШЕВКОПЛЯС (КНИРИМ) Ольга Александровна	172
ШИЛОВ Николай Федорович	175
ШТУМПФ Нина Ивановна	177

Администрация Томского района
Межпоселенческая центральная библиотека
Томского района

ЛИТЕРАТУРНОЕ СОЗВЕЗДИЕ
ТОМСКОГО РАЙОНА

Верстка — Аржановская И.А.

Отпечатано в типографии издательства «Ветер».
634003, г. Томск, Иркутский проезд, 11а.
Тел./факс (3822) 65-00-13, veter-tomsk@yandex.ru.
Подписано в печать: 22.10.2015 г. Заказ № 7294.
Формат 62x84/16. Гарнитура «Times New Roman».
Бумага офсетная. Усл. печ. л. 11,25.
Тираж 150 экз.

